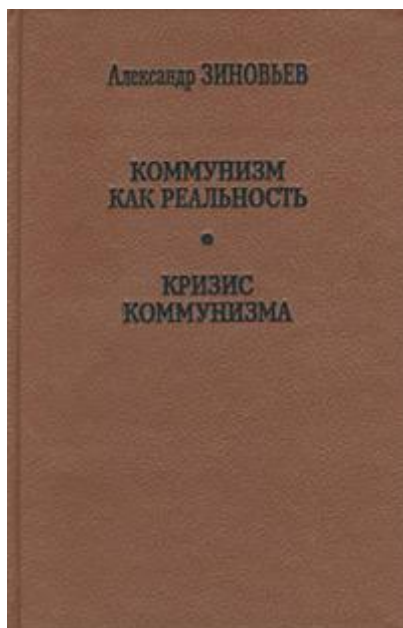

Александр Александрович Зиновьев

Коммунизм как реальность

OCR Funt, 2007
«Коммунизм как реальность/Кризис коммунизма»: Центполиграф; Москва; 1994
ISBN 5-7001-0115-7

Аннотация

А.А. Зиновьев в своих рассуждениях о коммунизме категоричен и порой даже резок, многие его оценки покажутся читателям спорными и в чем-то даже неприемлемыми. Право автора отстаивать свое мнение, читатели же вправе защищать свои позиции. Иначе и не должно быть. Ведь никто не может претендовать на истину в последней инстанции. Истина может родиться только в споре.

Александр Зиновьев

КОММУНИЗМ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Предисловие к российскому изданию

После опубликования на Западе в 1976–1979 годы «Зияющих высот», «Светлого будущего» и ряда других книг многие читатели просили меня и моего издателя опубликовать социологические главы этих книг, посвященные коммунистическому общественному строю, отдельной книгой. Выполняя эту просьбу, буквально за две недели я написал книгу «Коммунизм как реальность», и смог это сделать благодаря тому, что все идеи были уже обдуманы ранее, и требовалось лишь привести их хотя бы в первоначальную систему. Книга была издана в Швейцарии в 1980 году, сразу была переведена на многие западные языки, стала бестселлером и была награждена рядом премий, включая премию Алексиса де Токвиля. Многие рецензенты оценили книгу как первую попытку научного (а не идеологического!) подхода к реальному коммунистическому обществу, классическим образцом которого я считал и считаю до сих пор общество советское.

Книга «Кризис коммунизма» была точно так же написана по заказу издателя и опубликована в 1990 году в Италии и Франции (под другими названиями). В ней я изложил мое понимание сущности и причин того кризиса советского общества, который начался в 1985 году и привел к развалу советского блока, к краху коммунистической системы в странах Восточной Европы, к развалу самого Советского Союза и к нынешнему катастрофическому состоянию России.

Само собой разумеется, сейчас, в 1993 году, я мог бы кое-что исправить в этих книгах, кое-что исключить и кое-что добавить с учетом того, что я узнал о Западе, о «холодной войне» и о развитии событий в России в последнее время. Но я решил это не делать по ряду причин. Во-первых, я хотел сохранить мои умонастроения тех лет, когда писались книги, и не подделывать их задним числом под новую ситуацию. Во-вторых, основные идеи книг остались для меня неизменным фундаментом понимания всего того, что так или иначе связано с реальным коммунизмом. Наконец, у меня просто не было времени и сил на переработку книг.

Мюнхен, август 1993 года.

Коммунизм как реальность

Повод

Коммунизм в наше время предстает перед людьми уже не в виде отвлеченных идей и прекрасноречивых обещаний, не в виде событий где-то на периферии цивилизации, а в виде привычного образа жизни для одних людей, в виде угрозы нападения со стороны могучих коммунистических государств – для других, в виде реальной перспективы внутреннего развития страны – для третьих. И все же представления людей на Западе о реальном коммунистическом образе жизни до сих пор еще таковы, что обычно вызывают ироническую улыбку, гневное возмущение или тупое недоумение. Разговаривали, например, о картине коммунистического общества, которую я нарисовал в «Зияющих высотах». – Насчет очередей, – сказал один из собеседников, – Вы явно преувеличили. Зачем человеку часами стоять в очереди, если он может прийти через эти самые часы и получить то, что ему нужно, без очереди?!.. Присутствовавшие при беседе советские эмигранты смеялись до слез, услышав эти слова моего оппонента. Им-то с аксиоматической ясностью известно, что по законам коммунистического образа жизни рядовой гражданин, не обладающий особыми привилегиями, в определенном числе случаев должен так или иначе потерять впустую некоторое количество времени, чтобы удовлетворить какую-то свою простую потребность.

Другой пример. Я рассказывал об одном из законов реального коммунизма – о стремлении проникать во все места пространства, куда есть хотя бы малейшая возможность проникнуть, и стремлении сделать свое окружение себе подобным и подконтрольным. Один из слушателей сказал на это следующее. Пусть советские солдаты приходят сюда, в Западную Европу. Они увидят, что здесь уровень жизни выше, чем в Советском Союзе, что здесь есть демократические свободы и прочие блага цивилизации. Увидев это и поняв, что их обманывали советские руководители, они вернутся домой и устроят дома переворот, чтобы впредь жить по-западному... На сей раз мне и другим моим бывшим соотечественникам было не до смеха. Если солдаты коммунистических стран придут в Западную Европу, тут вряд ли останется что-то от западного образа жизни для сравнения и нравоучительных выводов. К тому же если люди коммунистических стран придут сюда, то не с целью чему-то поучиться, а с целью учить, с целью навязать свой собственный строй и уровень жизни. И они имеют большие возможности преуспеть в этом, ибо на Западе своих элементов коммунизма и людей, желающих действовать в его пользу, предостаточно. И опять я слышу в ответ: пусть! Ничего страшного в этом нет, – говорит другой собеседник, – пусть страны Запада на своем опыте убедятся в том, что коммунистический образ жизни отвратителен. И тогда они от него откажутся. Что я мог сказать на это?! Увы, этого «тогда» уже не будет. Тогда уже будет поздно. Страна – не отдельный человек, а социальный строй – не опостылевшая старая жена. Победа коммунистического социального строя в стране означает перестройку всех основ и сторон жизни общества. За короткий срок большая масса людей здесь займет привилегированное положение и сравнительно неплохо устроится. Большинство населения будет избавлено от многих забот и получит минимальные жизненные гарантии. Получит преимущества тип человека, которому новый строй жизни будет более удобен, чем прежний. Социальная селекция стремительно направит производство человеческого материала в таком

направлении, что люди будут уже не способны и не заинтересованы в возврате назад. Мощная система власти и идеологического воспитания, которая будет создана в считанные дни, подавит всякие попытки повернуть историю вспять. Жертвы скоро будут забыты. Начнется безудержное приспособление массы населения к новым условиям существования. Пути назад уже не будет. Чтобы «вернуться» к благам западной цивилизации, их надо будет завоевывать снова, уже на новой социальной основе. А для этого обществу придется проделать новый многовековой исторический цикл, заплатив за это неслыханными доселе жертвами. И еще сомнительно, удастся ли этот «возврат». – Вы преувеличиваете прочность и силу коммунистического режима, – слышал я на это в ответ.

Мне не раз приходилось сталкиваться с людьми, которые считают коммунистический режим непрочным, основанным лишь на обмане народа и насилии над ним со стороны кучки властителей-коммунистов. Большинство собеседников, однако, в эту концепцию уже не верит. Но даже политические деятели и мыслители, судя по их речам и книгам, весьма смутно представляют себе природу коммунистического режима и источники его силы и прочности. Они мыслят его в системе понятий, уместных для общества западного типа, но теряющих смысл в применении к обществу коммунистическому, и применяют к нему чужеродные критерии оценок, лишь случайно дающие более или менее верные результаты. Поразительный пример этому – реакция на Западе на вторжение советских войск в Афганистан. Оно застало Запад врасплох и посеяло тут растерянность, хотя с точки зрения возможности предсказания случай был тривиальным. Незадолго до этого Советский Союз отозвал часть своих войск из Восточной Германии. Многие на Западе истолковали это как миролюбивый жест. В середине декабря я делал доклад в «Немецко-американском обществе» в Мюнхене и говорил о том, что ничего миролюбивого в этой акции нет, что эти отводимые советские танки вскоре окажутся в другом месте, где они нужнее, например – в Афганистане. Боюсь, что мои слушатели отнеслись к этому предупреждению скорее как к риторическому приему. Я вовсе не претендую на то, что это предсказание имеет большую гносеологическую ценность. Наоборот, я настаиваю на его банальности. Но это банально лишь при том условии, что коммунизм мыслится в соответствующей ему системе понятий.

И уж совсем обычными являются на Западе надежды на то, что здесь коммунистическое общество будет иметь совсем иной вид, чем в Советском Союзе. Тут порой даже противники коммунизма приписывают многие отрицательные явления коммунистического образа жизни чисто российским условиям, считают существующий в Советском Союзе социальный строй ненастоящим коммунизмом (или социализмом), надеются на «коммунизм с человеческим лицом» или «демократический коммунизм» на Западе. Такого рода суждения, которые кажутся чудовищно нелепыми для человека с опытом жизни в реальном коммунизме, можно услышать здесь не реже, чем суждения об отсутствии гражданских свобод и репрессиях в странах социалистического лагеря, ставшие здесь привычными. Такие суждения и послужили толчком к написанию этой книги.

Намерение

Излагаемое здесь понимание коммунизма как реального типа общества сложилось у меня много лет назад. Но лишь сравнительно недавно у меня появилась возможность высказать его публично. Сделал я это в моих книгах «Зияющие высоты» (написана в 1974 г.), «Записки ночного сторожа» (1975 г.), «Светлое будущее» (1976 г.), «В преддверии рая» (1977 г.) и «Желтый дом» (1978 г.), а также в выступлениях здесь на Западе, часть которых вошла в книгу «Без иллюзий» (издана в 1979 г.). Названные книги и выступления в совокупности дают описание реального коммунистического общества, начиная от его глубоких абстрактных законов и кончая деталями быта и психологии его граждан. Сделано это в литературной форме, а не в форме научного сочинения. Но я не вижу в этом большого недостатка, так как я сознательно обращаюсь не к узкому кругу специалистов, на одобрение со стороны которых я не надеюсь, а к широкому кругу обычных людей, которые могут извлечь для себя какую-то пользу из моих жизненных наблюдений. А в данной книге я излагаю самые основные пункты своего понимания коммунизма вне литературного контекста. При этом я стремлюсь дать

более или менее обобщенное описание этого строя жизни и обнажить сам метод мышления, с помощью которого получены мои суждения.

Проблема метода мышления (понимания, исследования) выходит здесь на первый план не случайно. Фактов жизни обществ коммунистического типа накоплено более чем достаточно. Они широко известны. Но знание фактов само по себе еще не дает понимания. В этом обилии фактов надо еще суметь ориентироваться. Их надо как-то упорядочить и обработать. На их основе еще надо изобрести систему понятий и суждений, которые затем можно было бы использовать как средства ориентации и предвидения в постоянно меняющемся и необычайно запутанном потоке жизни. А это невозможно без особой техники (методологии) мышления. Я исследовал эту технику мышления в течение многих лет профессионально. Результаты моих исследований опубликованы в многочисленных работах по логике и методологии науки, к которым я и отсылаю заинтересованных в этом читателей. Здесь же я буду время от времени излагать некоторый минимум методологии научного мышления, соответствующий рассматриваемым проблемам. Буду я это делать по возможности в общедоступной форме и в контексте суждений о коммунизме. Причем эти методологические места книги будут составлять существенную часть самой картины общества. Так что все то, что я говорил до сих пор и буду еще говорить в так называемых «предварительных» разделах книги, есть не подготовка к той картине общества, которая лишь будет показана впоследствии, а уже фрагменты самой этой картины.

Большую часть жизни я прожил в Советском Союзе. Так что само собой разумеется, конкретные факты жизни советского общества давали и до сих пор дают материал для моих размышлений. Но эта книга не есть описание особенностей Советского Союза. Она есть описание всякого коммунистического общества, и Советского Союза – в том числе. Но Советский Союз представляет здесь исключение вот в каком смысле. Здесь тип общества, в котором коммунистические отношения между людьми стали господствующими, сложился впервые в истории. Здесь он не был навязан извне, как в странах Восточной Европы, а сложился имманентно в силу социальных законов и исторически данных условий. Здесь он быстро достиг классической зрелости и обнаружил с полной ясностью свои достоинства и недостатки. Здесь он стал заразительным примером для других стран, поставщиком идей коммунизма и средств их достижения. Победив и утвердившись в Советском Союзе, коммунизм стал опорным пунктом и стимулом для коммунистической атаки на мир вообще, так или иначе вовлекая в сферу своего влияния прочие части планеты. Так что реальный коммунизм не есть просто скопление независимых коммунистических стран, подобных друг другу, а индивидуальное международное явление, ядро которого образует Советский Союз. Отвлекаясь от особенностей Советского Союза, я тем самым хочу выделить нечто закономерное для коммунистического общества независимо от того, сколько существует частных примеров обществ такого типа. Если бы Советский Союз оставался единственной коммунистической страной, это отвлечение было бы точно так же возможно и даже необходимо для научного понимания его социального строя. Я в этой книге не принимаю во внимание Китай и его претензии на роль в истории, чтобы не усложнять изложение. Общая картина коммунистического общества не зависит от наличия конкурирующих держав.

И с познавательной точки зрения Советский Союз имеет преимущества. Подобно тому, как в свое время Англия была страной классического капитализма с точки зрения изучения механизмов последнего, Советский Союз стал и до сих пор остается страной классического коммунизма: здесь явления и законы коммунистического образа жизни можно было наблюдать в прошлые десятилетия и можно еще сейчас наблюдать в наиболее чистом (сравнительно с прочими странами) виде, – в виде, очень близком к условиям лабораторного эксперимента. Здесь феномены коммунизма обрели наиболее четкие формы. Это касается и тех феноменов, социальные очертания которых аморфны и расплывчаты в самой реальности, – здесь нечеткость социальных явлений выражена наиболее четко. Читатель должен быть готов к тому, что такого рода кажущиеся парадоксы характерны для самого коммунистического строя жизни. В упомянутых выше книгах такого рода «парадоксы» приводились десятками. Критики сочли их литературным приемом, хотя я стремился лишь к возможно более точному описанию реальности, а не словесным фокусам.

Конечно, имея перед глазами постоянно жизнь советского общества, трудно полностью

отвлечься от его индивидуальных особенностей, которых может не быть в других странах. Однако не надо торопиться с выводами на этот счет. Если чего-то нет сегодня, из этого еще не следует, что это не случится завтра. Кроме того, различные страны изобретают свои особенные формы решения общих задач, создающие иллюзию отсутствия общих стандартов общественной жизни. Например, природные условия Советского Союза оказались весьма благоприятными для массовых репрессий – в тайге, в Заполярье и в северных морях можно бесследно спрятать миллионы трупов. Нечто аналогичное повторить в условиях Италии, Франции и других стран Запада труднее. Но та же тенденция, которая в Советском Союзе воплотилась в массовых репрессиях, здесь может проявиться иначе. К тому же Советский Союз может протянуть Западу руку братской помощи и предоставить в его распоряжение свои необъятные возможности в этом отношении. Наконец, если читатель все же не будет убежден в том, что предлагаемая его вниманию картина коммунизма не есть описание частных свойств Советского Союза, для автора остается еще следующее утешение: Советский Союз сам по себе есть достаточно серьезное явление в истории человечества, и познание его устойчивой натуры есть дело далеко не бесполезное. Я надеюсь также и на то, что в Советском Союзе найдутся люди, которые сумеют прочитать эту книгу и извлечь из нее для себя какие-то уроки.

Хотя в этой книге я стремлюсь к максимально возможной популярности изложения, это не означает, что она может быть понята без всякого усилия. Понимание вообще не приходит без усилия. Без усилия приходят только заблуждения. Понимание же есть сопротивление заблуждениям, которые навязываются под видом чего-то само собой разумеющегося. Большинство же людей, интересующихся социальными проблемами, не склонно к усилию. Они полагают, что всякий человек, насмотревшийся на окружающие явления общественной жизни и решившийся рассуждать о них, сразу становится специалистом в этой области. В Советском Союзе многие миллионы людей постоянно наблюдают факты коммунистического образа жизни и многие тысячи из них рассуждают об этих фактах. А много ли там людей, о которых можно было бы сказать, что они понимают это общество?!

И последнее предупреждение: понимание общества не есть его разоблачение. Разоблачение негативно, понимание же позитивно. Разоблачение действует на эмоции, понимание предназначено для разума. Разоблачение имеет своим врагом апологетику, понимание же – заблуждение. Разоблачение может стать врагом понимания не в меньшей мере, чем апологетика. В этой книге потому не будет разоблачительных материалов. А если что-то встретится похожее на разоблачение, прошу читателя отнести это к числу примеров, поясняющих общие рассуждения. Но отсутствие разоблачения не всегда есть апологетика. Стремление к пониманию сущности коммунистического социального строя страшнее для него, чем любые сенсационные разоблачения его язв.

Апологетика имеет целью выделить в жизни общества то, что кажется добродетелью, преувеличить эти добродетели, преуменьшить или замолчать то, что кажется злом. Разоблачение же, наоборот, стремится обратить внимание на отрицательные явления жизни общества и преувеличить их, игнорируя или преуменьшая его достоинства. Понимание вовсе не означает некую среднюю линию, некие правильные пропорции положительного и отрицательного, добра и зла. Для понимания вообще не существует ни положительное, ни отрицательное. Для понимания существуют лишь объективные факты, объективные закономерности и тенденции. А как оценят эти явления сами участники жизни общества и посторонние наблюдатели в терминах добра и зла, это от понимания самого по себе не зависит. Понимание, например, фиксирует тенденцию коммунистического общества к образованию своеобразной армии работников, которых общество вырывает из естественной среды и принуждает трудиться в условиях, весьма близких к условиям рабского труда. Понимание показывает, что эта тенденция закономерна, а не есть результат лишь злого умысла нескольких нехороших людей. Хорошо это явление или нет? Для одних людей оно хорошо, для других плохо. Но само по себе оно есть лишь объективный факт.

О терминологии

Мне не раз приходилось слышать, что термин «коммунизм» неоднозначен, что он различно понимается советскими и западными людьми, что лучше говорить об обществе восточного или советского типа. Отчасти это так. Но в советах такого рода больше скрывается боязнь называть вещи своими именами, чем желание избежать путаницы. Кроме того, тут сказывается желание изобразить язвы коммунистического образа жизни как нечто специфически «восточное» или советское, а не как нечто общезначимое. Дело не в словах. В конце концов ориентировочно всем ясно, о чем идет речь. Не надо лицемерить. Речь идет об обществе, о котором мечтали и мечтают угнетенные классы, всякого рода прекраснотушны утописты, классики марксизма и их последователи, западные коммунисты и прочие «прогрессивные» силы человечества, – речь идет о реальном коммунистическом обществе, воплощающем марксистские идеалы в действительность. Формы демагогии и доктрин могут различаться. Но законы вещей вообще, и социальные законы – в частности, не меняются в зависимости от места и времени. Законы коммунистического образа жизни суть одни и те же для всех времен и народов. И то, что называют обществом восточного или советского типа, являет миру с точки зрения его социального типа всеобщий образец, а не нечто из ряда вон выходящее и исключительное. Отказаться от термина «коммунизм» – значит сделать вид, будто речь идет о чем-то таком, что не имеет никакого отношения к марксистским проектам переустройства общества, не имеет отношения к тому, за что боролись и борются коммунисты и их поклонники, к чему стремятся очень многие «прогрессивно» настроенные люди на Западе. Как раз наоборот, термин «коммунизм» здесь на своем месте. В этой книге (как и в других моих книгах) дается описание именно той реальности, которая с необходимостью образуется в результате осуществления на деле самых «передовых» идеалов человечества. И никакой иной реальности за этими идеалами нет и не будет.

Власть слов над людьми поистине поразительна. Вместо того, чтобы использовать слова лишь как средства для фиксирования результатов своих наблюдений реальности, люди самую реальность видят лишь в той мере и в том освещении, к каким их вынуждают слова, а часто вообще обращаются к реальности лишь как ко второстепенному средству в их главном деле, – в деле манипулирования словами. Люди при этом видят сам предмет, о котором думают и говорят, лишь через нагромождение слов, фраз, текстов, книг, произведенных другими людьми, в большинстве случаев – такими же рабами слов, как и они сами. Я здесь предпочитаю другой путь: говорить о коммунизме то, что я обнаружил в нем в течение долгой жизни лично сам, без помощи других лиц, в особенности таких, которые рассуждали о нем задолго до его появления, получали сведения о нем из вторых и третьих рук, на основе кратковременных и мимолетных впечатлений.

«Научный коммунизм» и наука о коммунизме

В марксизме различают низшую ступень коммунизма (социализм) и высшую (полный коммунизм). На низшей ступени действует принцип «От каждого – по способностям, каждому – по его труду», на высшей – принцип «От каждого – по способностям, каждому – по потребностям». И термин «коммунизм» употребляют обычно в отношении высшей ступени. Считается, что этой высшей ступени общество еще нигде не достигло. Даже в Советском Союзе есть пока еще развитый социализм, очень близкий к полному коммунизму, но таковым все же не являющийся. В свое время Хрущев пообещал полный коммунизм «при жизни нынешнего поколения». Но советские руководители своевременно замяли этот хрущевский казус, ибо положение в стране после того заметно ухудшилось.

Для коммунистической идеологии такое различие низшей и высшей ступеней коммунизма очень удобно. Коммунизм при этом вроде бы уже есть и вроде бы его еще совсем нет. Есть частичка, а целиком будет когда-нибудь потом. Все дефекты реальной жизни в коммунистических странах можно отнести за счет того, что еще не достигли полного коммунизма. Погодите, мол, построим полный, тогда никаких таких дефектов не будет. А пока, мол, терпите. Но на самом деле такое различие ступеней коммунизма имеет чисто

умозрительный характер. На самом деле принцип полного коммунизма реализуется даже легче, чем принцип социализма. Правда, эти принципы реализуются совсем не в такой буквальной идиллической форме, как мечтали классики марксизма и угнетенные классы: реализация их вполне уживается с низким жизненным уровнем основной массы населения сравнительно со странами Запада и с колоссальными различиями в жизненном уровне различных слоев населения. Исходя из изложенных соображений, я игнорирую марксистское различие социализма и коммунизма как явление чисто идеологическое и рассматриваю господствующий в Советском Союзе и ряде других стран тип общества именно как реальное воплощение чаяний классиков марксизма и вообще всех самых прогрессивных (в марксистском смысле) мыслителей прошлого. А если в реальной истории происходит так, что воплощение в жизнь светлых идеалов неразрывно связано с порождением мрачных последствий, то от этого никуда не денешься. Положительный полюс магнита, как любят выражаться марксистские философы, не может существовать без отрицательного. Классики марксизма и прочие добросердечные мыслители прошлого не могли предвидеть того, что на пути в обещанный рай страждущее человечество попадет в ад. А может быть, не хотели предвидеть? Ведь не могли же они не знать о многочисленных случаях в прошлой истории, когда народовластие проявлялось в кровавом терроре и ужасающем неравенстве! Впрочем, массовые желания редко бывают разумными. Для современного человечества опыт коммунистических стран обнажен в деталях, но это не умеряет силы коммунистических устремлений в мире. Современные последователи классиков марксизма наверняка знают настоящую цену коммунистическому строю. Но они к нему стремятся уже из вполне земных целей: завоевать мир лично для себя и своих сообщников и наслаждаться его благами, чего бы это ни стоило прочей части человечества.

Согласно догмам марксизма полного коммунизма в реальности еще нет, но наука о нем – «научный коммунизм» – уже существует. Но фактическое положение на самом деле противоположно этому: реальный коммунизм уже существует в виде многочисленных обществ определенного типа, а вот науки о нем пока еще нет. Коммунизм мыслится как определенный тип реального общества, т.е. как эмпирическое явление. И наука о нем может быть только опытной наукой, исходящей из наблюдения фактов. Если нет предмета для наблюдения, не может быть и опытной науки о нем. Так что «научный коммунизм» марксистов, предпочитая старые тексты новой реальности, сам обрекает себя на то, чтобы быть чисто идеологическим феноменом.

Можно рассматривать марксистский «научный коммунизм» как проект будущего общества. Но проект все равно не есть опытная наука, пусть даже он построен с использованием результатов науки, научно обоснован. Так можно ли по крайней мере считать марксистский проект будущего коммунистического общества научно обоснованным? Положительный ответ кажется здесь уместным, поскольку многие предсказания автором этого проекта сбылись и продолжают сбываться. Ведь говорю же я сам о воплощении в жизнь марксистских идеалов! Вот в том-то и дело: идеалов! А это не есть научное обоснование социального проекта. В истории человечества такое явление, как воплощение в жизнь идеалов, есть самое обычное дело. Но никто, кроме марксистов, не претендовал на научность своих идеалов. Никому в голову не приходит, например, мысль о том, что французские просветители дали научное обоснование буржуазного общества, что русские мыслители девятнадцатого века дали научное обоснование отмены крепостного права, что гитлеровские теоретики дали научное обоснование социального устройства нацистской Германии. Марксистский «научный коммунизм» не составляет исключения на этот счет и не является научно обоснованным проектом нового общества. В нем не соблюдены даже самые элементарные правила научного обоснования. О какой научности тут может идти речь, если даже в Советском Союзе проблемами «научного коммунизма» занимаются самые невежественные и бессовестные философы, если лишь самые невежественные слои населения теперь клюют на эту приманку, да и то не всегда. Широкие массы населения принимают марксизм совсем не как науку или нечто научно обоснованное, а как идеологию, преследуя при этом свои личные цели, абсолютно ничего общего не имеющие с мыслями о будущем устройстве общества.

В марксистском проекте коммунистического общества не принимаются во внимание

такие два фактора, без которых вообще немислим научный подход к обществу: 1) неотъемлемые качества самого строительного материала общества – человека; 2) принципы организации больших масс людей в единое целое. В марксизме считается, что человек есть «совокупность общественных отношений», что стоит создать желаемые условия жизни, как люди станут воплощением добродетелей. А между тем люди сами суть продукт истории, и как таковые они обладают такими свойствами, которые не зависят ни от каких социальных преобразований и от которых, наоборот, зависят возможности самих этих преобразований. Что касается второго фактора, то в любом большом скоплении людей, образующем целое, с необходимостью происходит образование иерархии групп и должностных лиц, что заранее превращает в идеологические фикции всякие надежды на социальное равенство.

О социальных проектах

Сами идеи и понятия проекта переносятся на общественный процесс из деятельности людей, ограниченной жестокими рамками, в которых действительно можно запланировать заранее продукт деятельности и создать именно то, что запланировано, например – дом. Но построить общество – это не дом построить. Когда строят дом, то кладут, например, кирпич на положенное ему место, и тот лежит на этом месте достаточно долгое время. А представьте себе кирпичи с сознанием и волей, со способностью перемещаться, менять форму и размеры, уничтожаться и порождать новые кирпичи, со стремлением пробиться в верхние этажи здания и вытеснять другие кирпичи... Как такой дом будет выглядеть в реальности? А марксистский проект нового общества подобен проекту дома с неподвижными кирпичами, эквивалентом которых в обществе являются не реальные, а абстрактно мыслимые индивиды. Это – лишь идеологический проект.

Говоря это, я вовсе не хочу унижить марксистский социальный проект. Быть ненаучным – это не обязательно плохо. Быть научным – это не обязательно хорошо. Если предложить массам отлично сделанную научную теорию коммунистического общества или научный проект такового, они успеха иметь не будут. В самом деле, как может иметь успех проект нового общества, в котором будет сказано, что, увы, социальные различия и неравенство останутся, людей прикрепят к местам работы и жительства (не говоря уж о репрессиях)?! Но идеологический социальный проект нельзя рассматривать просто как обман и заблуждение. Просто здесь соотношение проекта и его реализации совсем иное, чем в случае научного предсказания и осуществления предсказанных событий, чем в случае проекта сооружения и построения сооружения по этому проекту.

Марксистский социальный проект сформулирован в такой форме, что возможно различное истолкование его положений: и такое, будто они осуществляются, и такое, будто они не осуществляются. Если это истолкование апологетическое, то идеологический проект истолковывают как научный, якобы подтверждаемый практикой коммунистического строительства. Если же это критическое истолкование, то этот проект истолковывается как ненаучный бред, якобы опровергаемый той же самой практикой. И то и другое одинаково правомерно, ибо идеологический проект достаточно многословен и многосмыслен. Например, государство при коммунизме отомрет, – обещали классики марксизма. Это «отмирание» можно понимать двояко. Первое понимание: исчезнут тюрьмы, полиция, государственные чиновники, армия и прочие атрибуты «государства». Практика показывает, что все эти вещи не исчезают, а наоборот – все более разрастаются и усиливаются. Второе понимание: изменится статус этих явлений в обществе таким образом, что все их можно будет истолковать не как орудия «эксплуататорских классов» (помещиков и капиталистов), а как органы самоуправления народа. И тогда тюрьма уже не тюрьма, а средство воспитания трудящихся. И бесчисленные министры, генералы, партийные чиновники уже не прислужники буржуазии, а слуги народа.

В случае идеологического проекта происходит взаимное приспособление проекта и деятельности по его реализации. В таком проекте бывает частичное содержание, которое соответствует деятельности людей. И люди делают вид, будто они поступают в соответствии с этими пунктами проекта, хотя на самом деле совпадение здесь бывает случайным или

кажущимся. А остальную часть проекта люди либо игнорируют, либо истолковывают так, будто они следуют ему, а свои действия стараются строить в такой форме, чтобы они выглядели как исполнение инструкций проекта. На самом деле социальные проекты как особые образования подчиняются одним законам, а деятельность людей – другим. И никакого совпадения этих законов в принципе быть не может, ибо они принадлежат к разнородным сферам явлений. Социальный проект фактически становится лишь символом, освящающим деятельность. Тут нет отношения истины и лжи, а есть лишь отношение взаимного соответствия иного рода. И потому нет ничего удивительного в том, что чем гнуснее деятельность, тем благороднее выглядит освящающий ее социальный проект. Явно хорошие действия не нуждаются ни в каких проектах. Социальный проект есть организующая форма деятельности людей. Качество его определяется не степенью истинности и полноты описания настоящего и будущего, а в терминах социального успеха. С этой точки зрения марксистский социальный проект нового общества есть явление грандиозное, сопоставимое с социальным успехом христианства. Если бы он был научно обоснованным, повторяю, он не мог бы содержать в себе пунктов, которые способствовали этому успеху.

Идеологический социальный проект своим главным содержанием на самом деле имеет целевую установку. Серьезный проект такого рода содержит цели, по крайней мере часть которых можно реализовать. Например, национализировать землю, заводы, банки, транспорт, почту. Это осуществимо. Но идеологический проект не учитывает всех возможных последствий осуществления этих целей, особенно – отрицательных. Например, разрастание бюрократического аппарата, снижение качества продукции, плохое ведение хозяйства, снижение заинтересованности в хорошей работе. Идеологический проект в принципе не может учитывать отрицательные последствия реализации своих идеалов, ибо он призван мобилизовать массы на достижение этих идеалов и потому должен сулить им золотые горы. Идеологический проект, подчеркиваю, есть явление по преимуществу телеологическое. А достижение целей есть нечто принципиально отличное от того, когда сбывается предвидение. Коммунисты и идущие за ними люди хотят ликвидировать частную собственность на средства производства, уничтожить классы частных собственников и осуществить прочие пункты своей программы не потому, что это есть некий объективный закон материи, а потому, что хотят это сделать, надеясь приобрести от этого для себя определенные блага и занять выгодное положение на арене истории. Они лишь придают своим желаниям благородную форму «научного предвидения». Захватывая власть в стране и воплощая в жизнь свою программу (свои цели), коммунисты оказываются во власти реальных (а не воображаемых) социальных законов, которые с необходимостью навязывают им далеко не благородную роль и порождают незапланированные и нежелательные последствия. В свое время коммунисты, например, обещали построить общество, в котором служащие (чиновники) будут получать заработную плату, не превышающую среднюю зарплату рабочих. Однако с первых же дней нового общества это обещание забывается, и с ужасающей силой начинают действовать, принципы распределения, имеющие неизбежным следствием такие различия в фактическом вознаграждении рабочих и высоко стоящих чиновников, какие невозможны даже в капиталистических странах Запада.

Коммунизм как общечеловеческое явление

Другая догма марксизма состоит в следующем: коммунистические социальные («производственные») отношения не вызревают в недрах старого общества, они зарождаются лишь после социалистической революции, для их формирования требуется длительное существование общества на низшей ступени коммунизма – в условиях социализма. Но опытное исследование (наблюдение) жизни коммунистических стран и сравнение их с некоммунистическими странами и прошлыми обществами обнаруживает ошибочность этой догмы. Коммунистические социальные отношения в той или иной мере и форме существовали и существуют в самых различных обществах с достаточно большим числом людей, вынужденных жить совместно, и со сложной системой хозяйства и управления. Они существуют и в странах Запада. Они существовали и в предреволюционной России. Но лишь

в определенных условиях они могут стать господствующими и овладеть всем обществом. И тогда возникает специфически коммунистический тип общества. Главное из упомянутых условий – обобществление средств производства в масштабах всей страны, ликвидация классов частных владельцев и предпринимателей, централизованное управление всеми аспектами жизни страны, причем – с сохранением сложной системы хозяйства и культуры.

Разумеется, элементы коммунизма в некоммунистическом и в коммунистическом обществе – не одно и то же. Тут происходят изменения, причем такие, что порой трудно заметить их тождество. В частности, коммунистические партии в некоммунистических странах, рвущиеся к власти, и коммунистические партии, стоящие у власти в коммунистических странах, во многом различаются, хотя и те и другие суть элементы коммунизма. Идущие к власти коммунистические партии, например, обещают сохранить гражданские права и демократические свободы, если они придут к власти. Но придя к власти, они вынуждаются самими условиями коммунистического общества делать все, чтобы уничтожить эти явления западной цивилизации в первую очередь.

Хотя элементы будущего коммунизма встречаются и в некоммунистических обществах (я имею в виду отношения начальствования и подчинения, соподчинения, иерархию социальных групп и должностей, власть коллектива над индивидом и т.п.), понять их подлинную социальную природу можно только рассматривая их уже как элементы общества коммунистического типа. Чтобы оценить какие-то явления жизни некоммунистических стран как элементы коммунизма, надо увидеть их место и роль в жизни стран коммунистических. Так, о сущности коммунистических партий Запада надо судить не по их лозунгам и обещаниям, а по тому, что из себя представляют коммунистические партии в коммунистических странах.

Итак, в противоположность догмам марксизма, я исхожу из факта существования вполне сложившихся обществ коммунистического типа и рассматриваю их как продукт превращения общечеловеческих коммунистических отношений в господствующие и всеобъемлющие. Это превращение происходит в определенных условиях. Часть из них имеет чисто историческое значение. Таким является, например, поражение страны в войне, развал экономики, оккупация армией коммунистической страны. Меня они не интересуют. Другая же часть условий затем входит в само тело общества и постоянно воспроизводится самим фактом его существования. Они суть внутренние условия данного типа общества. Это, например, унификация структуры деловых организаций, разрастание аппарата власти, руководящая роль партии. Описать эти условия – значит описать существенные черты самого общества, сложившегося благодаря им. Это – такие черты самого сложившегося общества, которые являются условиями его формирования, если рассматривать их сами как складывающиеся во времени. Конкретно-исторические условия могут для разных стран различаться по наличию или отсутствию каких-то из них, внутренние же условия обязательны. Они могут варьироваться только по форме, а не по существу.

Проблема, таким образом, состоит не в том, чтобы измышлять некие идеально хорошие условия жизни для людей в будущем, а в том, чтобы путем наблюдения эмпирически данных фактов жизни коммунистических стран выяснить, какие именно общечеловеческие феномены получили здесь благоприятную среду существования и породили этот тип общества. Я на этот счет пришел к следующему выводу: упомянутые общечеловеческие феномены связаны с самим фактом, что большое число людей вынуждено жить и действовать совместно, как единое целое, – создавать стандартные объединения (коммуны) отдельных людей и объединения из таких объединений (суперкоммуны). Так что термин «коммунизм» здесь подходит лучше, чем любой другой.

Коммунизм и капитализм

Я не собираюсь здесь рассматривать взаимоотношения капитализма и коммунизма. Сделаю лишь краткое замечание в связи с той идеей, которую я сформулировал в конце предыдущего раздела.

Довольно широко распространены мнения, будто капитализм порождает коммунизм,

будто коммунизм есть преемник капитализма, будто коммунизм есть более высокая ступень развития общества по отношению к капитализму, будто коммунизм есть государственный капитализм и т.д. и т.п. Известна марксистская схема по этому поводу: капитализм делает производство общественным, что вступает в конфликт с частной собственностью, и преодолением этого противоречия является переход к коммунизму, т.е. приведение формы собственности в соответствие со способом производства. Это – чисто словесная эквилибристика. Капитализм может быть одним из исторических условий появления коммунистического общества. Но последнее имеет свои собственные корни и источники, свою собственную историческую линию, не являющуюся продолжением линии капитализма. Капитализм вырос из экономических отношений. Коммунизм же вырастает из отношений совсем иного рода, – из отношений, которые я в дальнейшем буду называть коммунальными. Линии капитализма и коммунизма лишь соприкасаются и пересекаются в истории, а не образуют отрезки одной линии. И исторический материализм Маркса, уместный (да и то лишь при условии многочисленных абстракций, лишь в начальном пункте анализа) в отношении капитализма, теряет смысл в отношении к коммунизму. Не то что он тут ошибочен. Просто с ним тут нечего делать, – тут нужны другие инструменты познания. Рассмотрение же коммунизма как государственного, коллективного и даже партийного капитализма я могу оценить лишь в терминах медицины.

Есть одно обстоятельство, делающее вообще бессмысленным сопоставление коммунизма и капитализма как равноправных форм общества. Капиталистические экономические отношения лишь приобретают в так называемых «капиталистических странах» доминирующее значение, ничуть не отменяя другие виды отношений людей, в том числе – отношения коммунальные. Коммунальные же отношения, став господствующими в коммунистическом обществе, не оставляют никаких шансов для отношений капиталистических. Коммунизм есть явление более глубокое, чем капитализм.

Мечты и реальность

Согласно марксистской догме коммунистическое общество строится в соответствии с «научным коммунизмом» и воплощает многовековые мечты человечества о самом идеальном устройстве, в котором будет иметь место изобилие предметов и средств потребления (как материального, так и духовного), максимально благоприятные условия развития личности граждан, наилучшие отношения между людьми. Одним словом, все то, что способно вообразить обывательское сознание в качестве высшего блага человеческой жизни, все это приписывается коммунизму. Что же получается на самом деле, теперь можно считать общеизвестным.

Критики коммунизма обычно утверждают, что марксисты обманули людей, что на деле они отказались от воплощения в жизнь их чаяний, когда захватили власть. Они почему-то упускают при этом из виду то, что большинство людей, захватывавших власть в новом обществе, никакого отношения к марксизму не имело и не несет ответственности за неосторожные обещания родоначальников принятой ими идеологии. Но это – между прочим. Я же в отличие от упомянутых критиков коммунизма утверждаю, что коммунистические общества построены и строятся по проекту «научного коммунизма», хотя этот проект и не имеет ничего общего с наукой, хотя творцы нового общества совсем ничего не знают об этом проекте или знают лишь понаслышке. Я утверждаю, далее, что в создаваемых коммунистических странах находят свое воплощение мечты миллионов людей о наилучшем для них (не вообще, а именно для них!) устройстве жизни. Но с одним коррективом: осуществляясь реально, эти проекты и мечты несут с собою наряду с желаемым и проектируемым еще нечто такое, о чем прожектеры и мечтатели не подозревают, чего стремятся избежать, чего не допускают даже в мысли. Психологически это можно понять: не может же быть такого, чтобы самые лучшие намерения давали в действительности самые гнусные последствия! На первый взгляд эта иллюзия кажется странной, ибо люди испокон веков знали о том, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Но массовая психология людей имеет иные законы, чем индивидуальная.

Сделаю небольшое отступление. В данном случае действуют такие два принципа массовой психологии (среди прочих принципов). Первый из этих принципов: хорошие причины производят хорошие следствия, плохие причины производят плохие следствия, хорошие следствия производятся хорошими причинами, плохие следствия производятся плохими причинами. Например, если социалистическая революция есть хорошее явление, то и последствия ее должны быть хорошими. Массовые репрессии суть зло, значит, они суть отступление от сущности революции. Если же массовые репрессии суть следствие революции, то и сама революция – зло. Если власть в стране принадлежит народу (что очень хорошо), то и жизнь народа должна быть хорошей (сытной и свободной). Тут происходит смещение оценочных отношений с причинно-следственными, которые на самом деле совершенно не зависят друг от друга. Другой из упомянутых принципов; цели и перспективы настолько значительны и прекрасны, что любые жертвы ради них оправданы. Следствием этих (и других) принципов массовой психологии является то, что большие массы людей никогда не внимают голосу разума и не извлекают никаких уроков как из чужого, так и из своего опыта. И потому они сами легко становятся жертвами демагогии и делают жертвами других. И потому они не способны понять подлинные источники их бедствий.

Самая стабильная и всепорождающая основа всех отрицательных явлений жизни коммунистических стран заключена в самом положительном идеале коммунизма и в его самых лучших положительных качествах как реального строя общества, – вот в чем суть дела. Идеалы коммунизма сполна реализовались в Советском Союзе и ряде других стран. Но их реальность оказалась не такой уж прекрасной, как мечталось и предполагалось ранее. Реальность коммунизма породила проблемы, контрасты и язвы не менее острые, чем те, которые ранее породили сами идеалы коммунизма и преодолением которых он вроде бы должен был стать. Реальность коммунизма обнаружила, что эксплуатация одних людей другими и различные формы социального и экономического неравенства не уничтожаются при коммунизме, а лишь меняют свои формы и в каких-то отношениях еще более усиливаются.

Трагизм нашей эпохи состоит в том, что в качестве разумных мер преодоления зол современной общественной жизни навязываются такие, которые в реальном исполнении порождают новое зло и усиливают некоторые из прошлых зол, придавая им лишь иные формы. Люди не имеют сил изменить общее направление эволюции общества. Все их усилия имеют следствием ускорение движения в том же направлении. Люди не имеют достаточно прочной точки опоры, чтобы остановиться и одуматься. Но рассмотрение этой проблемы выходит за рамки задачи книги, и я умолкаю.

Для значительной части населения Земли тот жизненный уровень, какой имеет место в Советском Союзе и в странах Восточной Европы, является, может быть, пределом мечтаний. Но коммунизм претендует на нечто большее, нежели повышение жизненного уровня самой бедной части населения планеты. Он претендует на то, чтобы превзойти жизненный уровень самых богатых стран мира, разрешить все болезненные проблемы, создать на Земле справедливое и райски обеспеченное общество. И из того, что жизненный уровень населения Советского Союза выше, чем в вечно голодающей Индии, не следует, что упомянутые претензии коммунизма имеют реальные основания. Но вернемся к нашей основной теме.

Дело в человеческой истории обстоит совсем не так, будто люди способны установить общественный строй, какой хотят и предрекают их вожди и они сами. В действительности люди добиваются каких-то изменений в условиях своей жизни. А что получается в этих новых условиях, какой тип общества получится на самом деле, от их мечтаний и проектов не зависит. Его даже предсказать с полной научной уверенностью нельзя. Все предсказания здесь имеют профетический или идеологический характер. Предсказываются некоторые банальные явления, достижимые с точки зрения деятельности людей. Или предсказываются некоторые явления в такой языковой форме, которая допускает различные толкования. Затем постфактум подбирается наиболее подходящее толкование. Кроме того, сознание людей фиксирует лишь то, что вроде бы сбывается, и игнорирует то, что не сбывается.

Люди не властны выбирать тип общества, который образуется в новых условиях, созданных в результате их совокупной деятельности. Причем чем грандиознее перемены в обществе, тем менее послушны воле людей процессы по образованию нового общества. Чем

более глубокие основы общественной жизни затрагивают эти перемены, тем ближе к процессам мертвой природы оказываются обществообразующие процессы. Иллюзия того, что вновь создаваемое общество строится по воле и желанию каких-то людей, создается за счет того, что это новое нравится каким-то людям, они в нем неплохо устраиваются и имеют силу навязывать свое истолкование происходящего прочим людям.

Что плохого, казалось бы, в решении каких-то людей на Западе разрушить капитализм, сохранив достоинства западной цивилизации, и построить вместо него коммунизм, избежав таких недостатков его, какие обнаружили в Советском Союзе? Хорошее намерение. Но, увы, принципиально невыполнимое. Существуют необходимые координации социальных явлений, отменить которые не в силах никто. Утрата недостатков западной цивилизации не может обойтись без утраты координированных с ними достоинств. Приобретение достоинств коммунизма невозможно без приобретения координированных с ними недостатков. Например, многие хотят устранить частную собственность, считая ее источником всех зол. Пусть это желание осуществляется. Но само по себе это не дает никакого общественного строя. Это мероприятие чисто негативно с точки зрения строения общества. Оно не входит в качестве элемента в новый общественный строй или входит не так, как проектировали. Это – лишь условие для того нового общественного строя, какой сложится благодаря активной деятельности людей, по законам организации больших масс людей в данных условиях (в частности – в условиях, когда национализированы заводы, банки, земля, средства транспорта и связи и т.п.). Когда цель достигнута, на этой основе происходит переориентация исторического процесса. На арене истории появляются неожиданные актеры. Более важным становится то, о чем раньше и не думали. Главные по идее роли становятся второстепенными или вообще исчезают. В нашем примере – отношения собственности вообще оказываются пустым местом в новом обществе.

Как в природе, так и в обществе есть необходимые координации явлений, и было бы небесполезно знать хотя бы некоторые из них, чтобы решить для самих себя проблему: а стоит ли игра свеч? Я понимаю, что постановка такого рода проблем и их даже самое разумное решение мало что меняют в происходящем. Люди вынуждаются решать сегодняшние проблемы определенным способом, который мало зависит от знаний людей о последствиях их действий в будущем. О будущем стараются не думать вообще или думают в ложных, но успокоительных схемах. Поведение Запада в отношении к Советскому Союзу в последние десятилетия дает поразительные примеры на этот счет. Запад приложил огромные усилия, чтобы помочь Советскому Союзу укрепить свою армию и избежать экономической катастрофы. А результат? И было бы грубой ошибкой думать, будто этот результат не был известен заранее. Предсказать его было как раз делом тривиальным. И многие предсказывали, причем – с убедительной аргументацией. И все впустую.

Коммунизм и цивилизация

Коммунизм не есть нечто выдуманное злоумышленниками вопреки некоему здравому смыслу и некоей природе человека, как полагают некоторые противники коммунизма, а как раз наоборот – он есть естественное явление в истории человечества, вполне отвечающее природе человека и вытекающее из этой природы. Он вырастает из стремления двуногой твари, именуемой человеком, выжить в среде из большего числа аналогичных тварей, лучше устроиться в ней, обезопасить себя и т.п., – вырастает из того, что я называю человеческой коммунальностью. Выдуманными и изобретенными являются как раз те средства защиты от коммунальности, из которых вырастает цивилизация, т.е. право, мораль, гласность, религия, гуманизм и прочие средства, в какой-то мере защищающие человека от прочих людей и от власти их объединений. Человек же, как мы его понимаем, произнося это слово с большой буквы и несколько высокопарно, есть существо, искусственно выведенное в рамках цивилизации из той двуногой коммунальной твари, о которой я говорил выше. Цивилизация вообще вырастает из сопротивления коммунальности, стремления умерить ее (коммунальности) буйство, заключить ее в определенные рамки. Цивилизация в основе своей есть прежде всего самозащита человека от самого себя. И лишь потом это есть бытовой

комфорт, который имеет и другие основания. Если коммунальность можно представить себе как движение по течению потока истории, то цивилизацию можно представить как движение против течения. А еще нагляднее коммунальность можно представить как проваливание в некие дырки истории и падение вниз, а цивилизацию – как карабкание вверх. Цивилизация есть усилие, коммунальность есть движение по линии наименьшего сопротивления. Коммунизм есть буйство стихийных сил природы, цивилизация – разумное их ограничение. Коммунизм вырастает из коммунальности, использует ее, развивает ее, создает ей благоприятные условия, организует и закрепляет ее как особый тип общества, как особый образ жизни многомиллионных масс населения. Потому является грубейшей ошибкой рассматривать его как обман этих масс и насилие над ними. В качестве расцвета и господства коммунальности коммунизм представляет собою тип общества, наиболее близкий этим массам людей и желанный для них, какими бы страшными последствиями при этом им ни грозили. Вместе с тем, в порядке самосохранения и защиты от самих этих масс коммунизм затем изобретает определенные средства ограничения коммунальности, но это – во вторую очередь и лишь в той мере, в какой это достаточно, чтобы уцелеть и поддерживать кристаллизацию общества, вырастающую из коммунальности. А сначала это – проявление и организация коммунальности на овладение обществом и на борьбу со своим постоянным врагом – с цивилизацией.

Возможны и имеют место различные средства цивилизации. Последние суть, как я уже говорил, религия, правовая защита личности, мораль, гласность, гражданские свободы, гуманизм, духовное искусство и т.д. Но массовые убийства людей и закрепощение людей по крайней мере иногда играли роль средства защиты от коммунальности, поскольку они так или иначе разрушали ее или мешали ее проявлению. Коммунизм заимствует некоторые средства цивилизации для ограничения коммунальности. Но лишь отчасти. А в ассоциации с другими средствами коммунизма эти средства цивилизации начинают играть совсем иную роль. Например, некоторые моральные и правовые идеи, идеи гуманизма и продукты духовного искусства играют здесь роль средства оглушения людей, роль элемента идеологического управления людьми, т.е. роль противоположную той, какую они играли в рамках цивилизации как таковой. Но в большей мере коммунизм вырабатывает свои средства защиты от коммунальности (или ее обуздания), которые одновременно вынуждены ее поощрять и превращаться самим в явления коммунальности, ибо они суть явления той же природы. И с этой точки зрения коммунизм исторически выступает как антипод цивилизации, как отрицание основ последней, как ее перерождение.

Коммунизм как аспект жизни и как тенденция есть естественное явление в каждом обществе с достаточно большим числом людей, образующих некое единое целое. Цивилизация же, в которой мы живем, есть на самом деле сопротивление этой тенденции. Она точно так же стала естественным явлением, возникнув однажды и обнаружив свои достоинства, и стала постоянно действующим фактором человеческой жизни. Борьба этих тенденций происходит всегда и везде. И в самих коммунистических странах, и на Западе, и в самих коммунистических партиях, и внутри враждебных коммунизму партий, в органах управления и в массе народа, в привилегированных и угнетенных слоях. Ситуацию здесь можно сравнить с ситуацией летящего самолета. Если мотор работает, то самолет набирает высоту и преодолевает пространство. Если мотор перестает работать, самолет падает на землю. Коммунизм существует по законам падения, цивилизация же есть полет, использующий законы падения, но противостоящий им. Это – противостояние законам падения, но по законам падения и в постоянном взаимодействии с ним. Борьба против коммунистической тенденции – в интересах всех. Но в силу исторических обстоятельств жизни людей и воплощением отдельных сторон ее в различных относительно автономных образованиях носителями коммунистических сил и сил цивилизации становятся отдельные лица, группы лиц, страны и группы стран. Лишь благодаря непрерывному сопротивлению коммунистической тенденции (а не уничтожению ее, что невозможно в живом обществе) цивилизация может сохраняться и продолжаться.

Я так долго говорил здесь на эту тему с целью подчеркнуть следующую мысль. В мире доминирует представление о коммунизме как о чем-то совершенно новом, изобретенном кучкой злоумышленников (или гениев), занесенном извне, навязанном обманом и силой. На

самом деле это есть нечто хорошо знакомое всем людям и привычное. Новым здесь является лишь превращение этого старого знакомого в нового господина. И лишь на этой основе начинается великое историческое творчество людей по изобретению всяких элементов своей жизни, среди которых почетное место занимают ставшие общеизвестными дефекты нового общества.

Проблема, таким образом, состоит не в том, чтобы выбрать одно из двух – коммунизм или цивилизацию, ибо такого выбора вообще нет, – а в том, чтобы найти эффективные средства сопротивления первому и охраны второй. Не некое стабильное состояние, а борьба этих тенденций есть неизбежная судьба человечества независимо от того, какие страны одержат верх в мире, какие уцелеют и какие погибнут. Покоя нет и не будет. Покой есть смерть, и наступит он лишь вместе с гибелью обеих тенденций. Лишь эта гибель даст окончательное решение всех проблем. А пока человечество живо, оно обречено иметь дело с проблемами. Общество, которое исчерпывающим образом решит все проблемы и удовлетворит всех, практически невозможно. И теоретически это есть нонсенс. Никогда не наступит такое состояние, когда люди скажут себе: вот то, что нужно, хватит метаться, теперь это благополучие – на века. И коммунизм не составляет тут исключения. Если он даже победит во всем мире, все равно разовьется борьба за все то, что образует человеческую цивилизацию. Если эта борьба не начнется и не закрепится в каких-то результатах и традициях, то человечество будет деградировать. Сейчас прогнозы на этот счет лишены смысла. Но ничего фатального даже в таком ходе истории нет. Побеждая в той или иной области пространства, коммунизм со временем вынуждается в целях самосохранения и вследствие сопротивления людей развивать в себе самом антикоммунистические силы. Диссидентское движение в Советском Союзе, например, есть столь же органическое явление, как и деятельность властей по его подавлению. А советское руководство сейчас в большей мере является противником коммунизма, чем сам советский народ: оно вынуждено ограничивать действие законов коммунальности, борясь за повышение производительности труда, за дисциплину труда, за более эффективные методы ведения хозяйства, борясь против взяточничества, халтуры, очковтирательства. Являясь законным продуктом сил коммунальности, коммунизм вынуждается ограничивать и умерять последние во имя их же сохранения, – пример той самой диалектики, которую марксисты допускали в отношении общества прошлого, но не допускают в отношении своего собственного детища, «диалектичность» которого носит образцово-показательный характер. Упомянутое противоречие явится со временем одной из тех внутренних причин, которые сведут в могилу и коммунизм, задуманный его провозвестниками на веки вечные.

История человечества не сводится к рассмотренным двум тенденциям. Выделение их есть лишь абстракция в интересах понимания интересующего нас феномена коммунизма. Последний нельзя понять, не выделив его постоянного антагонистического спутника, а именно – антикоммунальность, являющуюся источником цивилизации. При рассмотрении двух типов общества должны быть выделены соответствующие им антагонистические тенденции, отличные от этих или рассматриваемые с какой-то иной точки зрения.

Обывательское и научное мышление

Когда я говорю, что коммунизм есть нормальное и естественное явление, это мое заявление истолковывают порой как защиту коммунизма. На этом примере можно показать различие двух типов мышления – обывательского и научного. С точки зрения обывательского мышления если что-то является нормальным и естественным, то значит это «что-то» хорошо, – это мышление не различает субъективную оценку явлений и их объективные свойства. С точки зрения научного мышления даже смерть есть нормальное и естественное явление в живой природе, хотя для людей приятного в этом мало.

Здесь невозможно дать подробное описание этих методов мышления. Я назову лишь некоторые их свойства и поясню их примерами. Обывательски думающий человек замечает непосредственно наблюдаемые факты и делает скоропалительные обобщения их без всякого анализа. Его суждения субъективны, т.е. несут на себе печать личных пристрастий. Научно

думающий человек стремится не просто констатировать отдельные факты, а анализировать их с точки зрения их случайности или неслучайности, стремится познать их закономерности, которые незаметны для непосредственного наблюдения, стремится исключить влияние своих пристрастий на результаты своих размышлений. Результаты обывательского метода мышления претендуют на непосредственное подтверждение наблюдаемыми фактами. Результаты же научного мышления непосредственно с наблюдаемыми фактами не совпадают. Они дают лишь средства, с помощью которых можно объяснить конкретные факты и предсказать их.

С научной точки зрения, например, возможно, что люди недовольны коммунистическим образом жизни и одновременно принимают его, предпочитают другим и готовы его защищать, что имеет место в Советском Союзе. Для обывательски думающего критика коммунизма это немыслимо: раз люди недовольны коммунистическим образом жизни, – полагает он, – значит, они его отвергают и готовы отказаться от него в подходящее время. Для обывательски думающего апологета это тоже немыслимо: раз люди принимают коммунистический образ жизни, – полагает он, – значит, они довольны им. Известно, далее, что советские люди официально осуждают диссидентов. Обывательски думающие апологеты советского общества объясняют это доверием народа к своему руководству, любовью к своему строю и нелюбовью к диссидентам как к туеядцам, клеветникам, шпионам. Обывательски думающие критики советского общества объясняют это страхом репрессий. Но с научной точки зрения как то, так и другое лишено смысла. Большинство советских людей осуждает диссидентов искренне, но в соответствии со своей социальной природой, которая не зависит от эмоций и веры или неверия. Обывательски думающий человек склонен выдавать свои личные пристрастия за истину. Например, он замечает, что ряд советских физиков, биологов, математиков оказались в диссидентском движении, а многие другие в интимных беседах высказывали свое сочувствие диссидентам. Отсюда он делает желаемый вывод, будто советские ученые против существующего в Советском Союзе режима. Не надо быть ученым, чтобы показать абсурдность такого заключения. Те же самые ученые, которые высказывали свое сочувствие диссидентам в интимной беседе, осуждают тех же диссидентов на собраниях в своих учреждениях. А само понятие «ученые» есть пустышка в отношении массы чиновников, занятых в советской науке.

Мне приходилось неоднократно сталкиваться со случаями умозаключений, чудовищных по своей нелепости, хотя делали их люди образованные. Например, узнав о случаях отказа молодых людей из религиозных соображений брать оружие в руки и служить в армии и готовых за это понести тяжелое наказание (а по советским законам это – преступление), один мой оппонент развил целую теорию слабости советской армии. Когда я привел в качестве контраргумента тот факт, что многие миллионы молодых людей берут в руки оружие и готовы выполнить любые приказания властей (вплоть до подавления своих соотечественников, не говоря уж о народах других стран), мой собеседник только махнул рукой: несколько человек, отклоняющихся от нормы, для него оказались более убедительными, хотя такого рода отклонения имеют место во всяких армиях и предсказуемы чисто статистически.

Отождествление субъективных оценок с объективным положением вещей обывательски думающими людьми зашло настолько далеко, что теперь большинство понятий, употребляемых в разговорах на социальные темы, утратило научный характер и превратилось в оценочные выражения. Таковы, например, выражения «тирания», «диктатура», «народовластие», «демократия», «бюрократия» и т.д. Если уж народовластие, то с точки зрения обывательски думающего человека это очень хорошо, и он даже мысли не может допустить, что массовые репрессии в Советском Союзе явились проявлением именно народовластия, доведенного до предела. Он не способен понять того, что и народовластие имеет свою социальную структуру, в том числе – подчинение, неравенство, иерархию, средства насилия.

Обывательски думающий человек подходит к жизни других людей так, будто он сам находится в их положении, и распространяет на них свое отношение к жизни, свои критерии оценок, свои переживания. Он не способен понять того, как сами другие люди в их положении осознают и переживают свое положение. Такое отождествление характерно как для людей на

Западе в отношении жизни советских людей, так и для советских людей в отношении жизни людей на Западе. Такое отождествление имеет место и в отношении жизни людей в прошлом и в будущем. Когда советскому человеку говорят, например, что на Западе жизненный уровень в три раза (или даже в пять раз) выше, чем в Советском Союзе, то он понимает это очень просто: он помножает свою зарплату на три (или на пять), оставляя прочие условия жизни без изменения. Аналогично западный человек, услышав эту фразу о разнице в образе жизни, просто делит свои источники дохода на три (или на пять). И обычно как те, так и другие после этого начинают сомневаться в истинности утверждения о соотношении жизненных условий на Западе и в Советском Союзе. Научно думающий человек знает, что жизненный уровень людей неразрывно связан с общими условиями жизни, с ценой, которую люди платят за свой уровень. Так что смысл имеет лишь сравнение всей совокупности условий.

Имеет хождение такая концепция структуры населения в коммунистических странах: 1) народ – жертва режима; 2) власть – угнетатели народа; 3) диссиденты – защитники угнетенного народа. Какими бы соображениями ни руководствовались люди и какова бы ни была их личная судьба, но когда они такую концепцию высказывают, они тем самым являют типичный пример обывательского метода мышления. Население реального коммунистического общества на самом деле имеет совсем другое строение, хотя в нем есть жертвы, власть и диссиденты. И строение это не только неизмеримо сложнее приведенной примитивной схемы, оно может быть описано лишь в иной системе понятий вообще. Выражение «народ» здесь вообще лишено смысла, систему власти отделить от населения невозможно даже в абстракции, настолько она опутывает все общество в самых различных разрезах, а диссиденты самими условиями жизни общества обречены быть защитниками лишь самих себя, причем – не только от властей, но и от солидарного с властями «народа».

Исторический и социологический подходы

Идеи историзма в понимании явлений человеческой жизни стали теперь настолько естественными, что даже мысль о возможности оспаривать их кажется кощунственной. Существует мнение, будто сущность коммунистического общества можно понять лишь с точки зрения исторической, т.е. рассматривая историю его формирования. Разумеется, рассматривая историю подлинную, а не сфальсифицированную прокоммунистически настроенными историками и философами. Вот, мол, если показать, как на самом деле все происходило, как на самом деле складывалось это общество, тогда и станет ясным, что оно собою представляет.

Но спросим себя: а что такое подлинная история? Если мы достоверно узнаем, что Сталин был агентом царской охранки, что Ленин получал деньги от правительства Германии, что точное число жертв репрессий такое-то, будет ли это знанием подлинной истории? И много ли ясности внесет это в познание существующего коммунистического общества? Разоблачений «подлинной» истории советского общества было предостаточно. Но намного ли это продвинуло научное понимание его? И кстати сказать, на историческом подходе настаивает и апологетика коммунизма, вовсе не заинтересованная в разоблачении его сущности. Случайно ли это?

Я не отвергаю роли и пользы историзма в исследовании таких явлений, как социальный строй данной страны. Но я считаю, что ведущая роль в этом должна принадлежать социологическое! точке зрения. Надо знать, что именно получилось в результате исторического процесса, чтобы разобраться в сущности этого процесса, ибо последняя и состоит в ее результате. Надо понять ставшее общество как данность, чтобы постичь смысл каких-то исторических событий, предшествовавших ему и, как кажется, продуцировавших это ставшее общество. А задача исследования ставшего общества есть задача социологическая.

Социология тоже рассматривает жизнь общества как протекающую во времени. Но есть существенное отличие роли времени в социологическом подходе от роли времени в случае исторического подхода. Социология стремится познать формы социальной жизни, регулярно воспроизводящиеся в стабильном виде во времени, их универсальные закономерности и

тенденции. Для истории же важно познать то, каким путем эти формы жизни однажды возникли во времени. Если поставить вопрос так: а каким образом вообще возникают такие формы жизни, т.е. вопрос общий, то научным ответом на него могут быть лишь суждения социологов о том, как воспроизводятся эти формы жизни в данном обществе.

Никакого научного исторического объяснения того или иного типа общества не существует с чисто логической точки зрения. Существуют лишь иллюзии исторического объяснения. Не случайно до сих пор армия ученых не может объяснить происхождение языка, человека, христианства и прочих сложных явлений общественной жизни. Не потому, что фактов мало, – фактов в таких случаях часто бывает более чем достаточно. А потому что это в принципе невозможно. В случае со становлением коммунистического общества мы знаем слишком много исторических деталей. Но пока не будет построена научная: теория ставшего общества, все это так и останется лишь историей данного куска мира в данное время. А упомянутая теория может быть построена лишь отвлеченно от истории, лишь рассматривая данное общество как эмпирический факт.

Иллюзии возможности исторического объяснения возникают потому, что образ сформировавшегося общества так или иначе витает в сознании исторически мыслящих людей и направляет их сознание. А допустите на минуту, что этого образа нет, что есть лишь совокупность сведений о последовательности и сосуществовании во времени огромного множества событий. Что можно получить из нее? В тех случаях, когда критики режима раскапывают «подлинную» историю, они уже держат в своем сознании фигуры и события ставшего общества. Почему их внимание привлекает судьба некоего агента охраны по имени Джугашвили? Почему невзрачный русский эмигрант Ульянов овладевает их вниманием?

Более того, историческая ориентация сознания в данном случае препятствует научному пониманию интересующего нас общества, ибо истории здесь навязывают чуждые ей функции. Историческое сознание (историческая наука) фиксирует, какие события происходили в данном объеме пространства и времени и в какой последовательности. Оно фиксирует также причинно-следственные отношения событий на уровне очевидности (например, совершенно очевидно, что Ленин с его спутниками поехали в Россию потому, что там произошла революция). У него есть свои критерии отбора и оценки событий. Его внимания удостаиваются события, например, имевшие в свое время широкий резонанс, произведшие сильное впечатление на современников, но не имеющие никакого значения с социологической точки зрения. Сколько произнесено слов и написано страниц по поводу деятельности Распутина, судьбы армии Самсонова, персоны Керенского, хотя эти события и личности равным счетом ничего не дают для понимания сути нового общества в Советском Союзе и русской революции! Историческая ориентация сознания отвлекает внимание в сторону явлений, от которых в первую очередь следует отвлечься, если мы хотим понять тело нового общества, родившегося и окрепшего в данном историческом облачении. Исторический процесс есть, конечно, тоже реальность. Но это – реальность, исчезающая в прошлое. Созревшее в нем существо (новое общество) сбрасывает это свое историческое облачение, ставшее ему тесным и чуждым. Оно снова облачается в какие-то исторические одежды, но более соответствующие его сути и не производящие уже впечатления его причин. Социологическая же реальность ориентирована на то, чтобы оставаться. Она устремлена в будущее.

В историческом процессе, который привел к рождению коммунистического общества в Советском Союзе, принимали участие миллионы людей. Они совершали миллиарды различных поступков. Они совершали эти поступки в своих личных интересах. Они действовали по законам коммунального поведения, а не по законам истории, – таковых для поведения людей вообще нет. Часть этих поступков людей работала в пользу нового общества, часть – против. Одни и те же поступки по одним линиям действовали в пользу нового общества, по другим – против. Не всегда люди, которые были за новое общество, действовали в пользу его. И не всегда те, кто был против нового общества, действовали против него. Революционеры сделали много против революции, а контрреволюционеры – в пользу революции, не подозревая об этом. Практически (да и логически) невозможно разграничить то, что работало «за», и то, что работало «против». Лишь после того, как процесс произошел, стало возможно по полученному результату судить о его прошлом с

большей или меньшей степенью правдоподобия. Исторически же ориентированное сознание обречено все принимать за чистую монету, в частности – только в приверженцах коммунистической доктрины и их поступках видеть источник коммунистического общества, а в тех, кто не разделяет этой доктрины, – источник противоборствующих сил. Оно не способно, например, понять того, что без помощи представителей привилегированных слоев старого общества в России новое общество не смогло бы просуществовать и года. Попробуйте убедить граждан стран Западной Европы в том, что многие антикоммунистически настроенные люди на Западе действуют фактически в пользу коммунистического общества больше, чем иные коммунисты по убеждению, и вы увидите, многие ли окажутся способными понять вас. Исторически думающий человек в рассматриваемом случае есть лишь вариант обывательски думающего человека.

Даже в тех случаях, когда сам исторический процесс становится предметом внимания, порой лишь социологический подход может дать ориентацию в мутном потоке истории. Так обстоит дело и в нашем случае. Есть некоторые общие методологические принципы понимания процессов возникновения сложных систем явлений такого типа, как органически целое общество. В применении к Советскому Союзу и в крайне упрощенной форме это выглядит так (с точки зрения соотношения марксизма и реальности). Коммунизм в Советском Союзе возник как результат определенного индивидуального стечения обстоятельств и естественного процесса выживания страны в жутких условиях развала Российской империи. Это был путь, навязанный обстоятельствами, а не нечто проведенное по заранее намеченному марксистскому плану. Коммунисты лишь воспользовались обстоятельствами, чтобы сыграть желанную или вынужденную роль в истории, – психологически одно без труда переходит в другое. От людей, повторяю, зависит разрушить тот или иной общественный строй, разрушая образ жизни населения той или иной страны. Но что построится на месте разрушенного общества, зависит от общих социальных законов организаций людей в большие коллективы и конкретных условий, в которых это происходит. То, что случилось в России, во многом совпадает с тем, о чем говорили марксисты. Но о чем только они не говорили?! Случившееся во многом и не совпадает с этими марксистскими разговорами. Теперь выбирают то, что вроде бы совпадает, и игнорируют то, что явно не совпадает, или наоборот. Бессмысленно отрицать влияние марксизма на ход процесса. Но нелепо и думать, будто сложившийся реальный коммунизм был реализацией замыслов отдельных людей и партий. Здесь имели место благоприятные исторические совпадения и мутный словесный поток, допускающий любые истолкования постфактум. Реальный коммунизм мог сложиться и без марксистской идеологии. Социологически бесспорно лишь то, что массовый процесс такого масштаба нуждался в идеологическом оформлении и так или иначе выработал бы удобную форму идеологии. Марксизм оказался подходящим материалом (подчеркиваю, лишь материалом) для нее, но отнюдь не предпосылкой и источником самого нового общества, как это кажется исторически ориентированному сознанию.

На наших глазах происходит грандиозный процесс завоевания мира коммунизмом. И никакие разоблачения ужасов коммунистического образа жизни в Советском Союзе и других странах не могут остановить этот процесс. Почему? Советский Союз захватил огромные территории в мире и стремится проникнуть во все уголки планеты, имея у себя необъятные неосвоенные территории. Почему он это делает? Что может сказать по сему поводу исторически мыслящий человек? Что-нибудь о продолжении традиций Российской империи и прочие банальности, но не более того. Упомянутое растекание советского коммунизма по миру связано с огромными жертвами для советского народа и риском развала и разгрома советской империи. Почему же это не может остановить процесс растекания? Идеи мировой революции? Какой вздор! Без детального социологического анализа сложившегося механизма коммунистического общества объяснить поведение этого страшного зверя (Советского Союза) невозможно. Можно только гадать и констатировать его отдельные действия. Даже поведение акул есть еще загадка для науки. А Советский Союз посложнее акул.

И уж совсем исторический подход бессилён, когда речь идет о том, чего еще нет, но что может быть, – о будущем. Возьмите проблему новой мировой войны. Можно ли убедительно предсказать ее начало и вид, исходя из анализа войн прошлого?! А общие перспективы борьбы коммунизма и западной цивилизации? Но именно перспективы коммунизма как типа

общества и его борьбы против Запада, а не прошлая история есть главная проблема нашего времени. Для социологического же подхода это есть его прямое дело: выяснить закономерности и тенденции, действующие сейчас, а значит, и в будущем в силу их универсальности. Даже в прошлом людей интересует не столько то, что было, сколько то, будет это «было» повторяться или нет. И как далеко оно может зайти. А для этого надо знать, что в прошлом было с необходимостью и в силу каких социальных механизмов.

Социологический взгляд на историю

В случаях такого рода, как обсуждаемый здесь, историческая наука поставляет фактический материал для размышлений, но лишь социология дает средства его понимания. Так называемая «мыслящая история» есть лишь социологический анализ самого исторического процесса. Ниже я изложу несколько принципов такого анализа.

Исторический и социологический подходы – это не просто различные взгляды на одно и то же. Это есть выделение различных процессов в едином более сложном процессе и различное понимание их соотношений. Дело в том, что не все, происходящее в данном пространственно-временном объеме, в котором формируется новое общество, способствует появлению нового общества, входит в число порождающих его причин и условий, вообще как-то связано с новым обществом. Новое общество, в свою очередь, имеет свои основные источники, не являющиеся специфическим элементом события в данном пространственно-временном объеме, имеет свою жизненную линию, которая выходит за рамки этого объема как в прошлое, так и в будущее. В мире вообще переплетаются различные эволюционные линии. Порой они совпадают, так что кажется, будто они образуют одну единую линию. Обрыв одной линии не обязательно есть начала другой. Так, конец монархического режима в России не был началом коммунистического строя, – линия последнего уходит в глубь общественной жизни и в прошлое так, что она долгое время сосуществует с линией монархического режима. Когда зарождается и складывается новый тип общества, происходит это в исторически данном материале, в формах и условиях, которые сами являются продуктом прошлой истории. Здесь процесс социальный (формирование нового общества) происходил в рамках процесса исторического, причем – как нечто вроде бы производное и скрытое. Во всяком случае, когда процесс завершается, его участники и активные деятели обычно с недоумением замечают: то, что они вроде бы строили, куда-то испарилось, а вместо этого нагло вылезло то, о чем они и не подозревали. Когда новое общество оказывается достаточно сильным, оно становится на свои собственные ноги и принципиально меняет свое отношение к исторической форме. Оно по-прежнему существует в какой-то исторически индивидуальной форме, но теперь социальный процесс играет здесь активную роль, определяет собою вид последующего исторического процесса.

Историческое в данном случае не есть нечто чисто случайное и преходящее. Оно во многом тоже приходит на века. Абстрактно рассуждая, можно, например, игнорировать границы государств, но не так-то просто осуществить это на деле. В мечтах можно перенести Москву на более подходящее место. Практически же это невыполнимо. Коммунистическое общество (как и все вообще в мире) складывается исторически и существует как индивидуальное, неповторимое явление. Но это происходит в некоторых стандартных и устойчивых формах (опять-таки как и все вообще в мире).

Марксистская схема эволюции создавалась так. В человеческой истории из разных мест планеты и разных эпох вырывались отдельные куски. Они отбирались по определенным критериям и располагались в умозрительный упорядоченный ряд, который рассматривался как закономерные этапы развития общества. Но разбросанные в пространстве и во времени фрагменты истории не являются историей чего-то одного, как бы эти фрагменты ни упорядочивались теоретиками. Упорядоченный ряд возможных состояний различных обществ не есть ряд последовательных этапов эволюции одного и того же общества.

Надо различать два смысла выражения «человеческое общество». Оно обозначает всю совокупность живущих на Земле людей и отдельные человеческие объединения. В первом случае я буду употреблять выражение «человечество», а выражение «человеческое общество»

(сокращенно просто «общество») сохраняю лишь за вторым. Общество, таким образом, я буду понимать как скопление более или менее большого числа людей, объединенных в некоторое относительно замкнутое целое. Оно достаточно долго сохраняется в этой целостности и замкнутости, воспроизводится в самых существенных чертах деятельности своих членов. История человечества есть история возникновения, существования, изменения, распада, столкновения, смешивания, взаимного влияния и т.д. обществ. История отдельного общества не совпадает с историей человечества, хотя она и вносит в последнюю свою долю. Человечество не есть нечто единое в том же смысле, в каком едино отдельное общество.

Если данное общество существует достаточно долго, то это говорит о том, что в нем сложилась некоторая устойчивая система воспроизводства данной формы жизни. В этом смысле можно говорить о социальном типе данного общества. Сама по себе идея введения критериев сравнения типов общества и расположения их по этим критериям в упорядоченный ряд «от низшего к высшему» ничего дурного в себе не содержит, если полученный при этом абстрактный ряд не рассматривается как некий объективный закон развития общества. С научной точки зрения здесь правомерно лишь следующее. Можно дать описание типа: данного общества, выявить законы функционирования этого типа и общие законы всякого типа общества. Можно выявить законы эволюции общества в рамках данного типа и общие законы такого рода в рамках любого типа. Но не существует никаких законов превращения одного типа общества в другой. Не существует не в силу каких-то эмпирических причин, а в силу определенных средств познания, без которых невозможна наука. Не существует подобно тому, как нет законов превращения мух в слонов, слонов в коров, кроликов в львов и удавов. В истории человечества распадаются одни человеческие объединения и возникают другие, которые создают, возможно, другой тип общества. Когда, например, рухнула Российская империя, на ее месте образовалась новая человеческая общность. Но сложилась она не по неким мистическим законам перехода от одной общественной формации к другой, более высокого уровня, а по законам складывания больших человеческих объединений в тех исторически данных условиях.

Сравнивая различные типы обществ по каким-то признакам, можно заметить превосходство одних над другими и говорить о прогрессе в этом смысле. Можно выяснить, благодаря чему происходит такой прогресс. Но в природе вещей вообще, и в природе общества – в частности, не заложено никакой необходимости прогресса. Не заложено по той причине, что таковы свойства всех сравнительных понятий, т.е. в силу правил логики сравнения и определения понятий. Прогресс возможен, если известны факты такого рода (все существующее возможно). Но он не необходим, ибо не все существующее необходимо. Раз есть случаи, когда прогресс не происходит, то логически бесспорно, что он не является необходимым. Если прогресс произошел, значит, так сложились индивидуальные исторические обстоятельства, что в данном фрагменте природы произошли такие-то изменения. Лишь сравнивая полученный результат с предшествующим состоянием по определенным критериям, мы можем говорить о прогрессе или об отсутствии такового (о стагнации или деградации). Слово «прогресс» есть оценочное понятие, предполагающее субъективную операцию сравнения различных явлений во времени.

Приведу некоторые общие принципы, относящиеся ко всякому типу общества. Время, в течение которого складывается и определяется тип общества в данном человеческом объединении, сравнительно с историческим временем настолько мало, что его можно принять за историческое «мгновение». Если складывается данный тип общества, то происходит это «сразу». В противном случае опыт не удастся. Люди не успевают толком сообразить, что же именно сложилось, как формирование типа общества в основных чертах оказывается завершенным. Потом начинается его жизнь с некоторыми доделками и переделками, не меняющими его сущности. И наивно рассчитывать на то, что реформаторы и оппозиционеры могут изменить тип общества. Они могут улучшить или ухудшить жизнь людей в данном обществе, способствовать его укреплению или крушению. Но тип общества незыблем. Он складывается «раз и навсегда». Когда приводят примеры якобы меняющихся типов общества, фактически приводят примеры уродливых, больных, деформированных обстоятельствами, а не нормальных обществ данного типа, а также примеры изменений в обществе в целом, а не типов обществ. Сам тип общества абстрагируется в разнообразном наблюдаемом материале с

таким расчетом, что говорить об изменении абстрагируемого неизменного – значит разрушить сами исходные абстракции.

Чем дольше существует общество данного типа, тем труднее изменить его тип с данным человеческим материалом и условиями его бытия. Попытки изменения обычно кончаются распадом данной общности людей или возвратом в прежнее состояние с некоторыми изменениями, учитывающими изменившиеся условия. При всяких нарушениях нормального образа жизни общество стремится восстановить свой тип – «традиционный строй жизни». Когда распадается данная человеческая общность и рушится созданный ею тип общества, а на месте развалин из того же человеческого материала создается новая общность, то последняя либо оказывается восстановлением прежней, либо близкой к прежней по типу общества. Так, сложившийся в России после революции социальный строй во многом является воспроизведением крепостнического строя России столетней давности.

Каждый тип общества имеет свои специфические параметры (коэффициенты, константы, степени), характеризующие все существенные стороны жизни общества, – производительность труда, степени свободы, степени вознаграждения, степени паразитизма, коэффициенты системности, коэффициенты иерархичности и прочие. Имеются определенные границы, в которых колеблются соответствующие величины. Так что тип общества несет в себе самом внутренние ограничения на возможности общества. И разговоры о беспредельном развитии и совершенствовании общества на базе коммунизма суть типичная идеологическая чушь. Например, с чисто технической точки зрения вроде бы нет предела росту производительности труда. Но технический аспект погружен в систему жизни данного общества, в которой каждый шаг обходится все дороже, а начиная с некоторого момента дает обратный эффект. Технические достижения с лихвой перекрываются потерями на бюрократический аппарат, бесхозяйственность, волокиту, очковтирательство, паразитизм, руководящие спектакли и т.п. Установление данного типа общества есть одновременно установление внутренних ограничителей на все жизней но важные показатели общества. Коммунистический тип общества целиком и полностью подчиняется упомянутым принципам и может быть описан в системе соответствующих понятий и величин.

Проблема метода

Предмет наших размышлений – многомиллионное общество разумных существ определенного типа и в определенных условиях, допустим – конкретная коммунистическая страна. Такое общество есть частный случай общества коммунистического типа, общества вообще, большой социальной системы и, наконец, большой эмпирической системы. В нем одновременно сосуществуют и переплетаются свойства всяких эмпирических систем, свойства социальных систем, свойства всякого большого человеческого объединения, свойства коммунистической системы, индивидуальные особенности данной страны, ее истории, ее народов. «Чистое» коммунистическое общество нигде не существует. Существуют конкретные страны с коммунистическим строем жизни, но вместе с тем со своей индивидуальной историей. И надо еще суметь выделить то, что в жизни этих стран идет от коммунизма как такового, и отличить это от того, что идет из других источников. Иногда это различие очевидно (например, коммунизм неповинен в землетрясении), а иногда нет (например, продовольственные затруднения могут быть порождены плохими погодными условиями или самой системой организации сельского хозяйства). Советский Союз, как я уже говорил, дает классически ясный образец коммунистического строя. Но и здесь последний погружен в совокупность отношений иного рода и в общую историю страны. И здесь эта проблема различения специфически коммунистических явлений и явлений иного рода не снимается. Так что наивно думать, будто специфику и законы коммунистического строя жизни можно наблюдать постоянно на улицах городов и деревень, в коридорах учреждений, в цехах заводов. Непосредственно можно наблюдать лишь миллионы людей, миллиарды их поступков, какие-то сооружения, события. Требуются еще значительные интеллектуальные усилия, чтобы в потоке и мешанине происходящего выделить явления, специфически характеризующие коммунистическую систему, осознать их закономерность, разгадать их

механизмы, проследить их важность в жизни людей, – их детерминирующую роль в этом обществе. Требуется еще работа ума, чтобы обнаружить скрытых дирижеров и запевал видимого и слышимого хора жизни и уловить мелодию, исполняемую им. Добавьте к этому следствия того факта, что данная страна есть сама элемент в системе других стран. Добавьте к этому сосуществование и переплетение различных социальных систем в конкретной жизни народов и стран. Не различая всего этого и не учитывая всей сложности процесса общественной жизни, нельзя сколько-нибудь толково разобраться даже в самых простых ее явлениях.

Предмет размышлений мы выделили. Допустим, что мы имеем возможность свободно его изучить, что мы имеем доступ к любым конкретным данным. Но что с ними делать? С чего начинать? В какой последовательности двигаться? Что можно отбросить совсем? Что можно отложить до поры до времени, а потом вернуться обратно? Как расчленять целое? Я мог бы сформулировать десятки чисто технических (методологических) проблем, на которые не дают ответа как представители диалектического материализма, так и те, кто с презрением относится к диалектическому материализму. Не найдете вы их и в западной методологии науки и в социологии: с точки зрения интересующих нас проблем они являют собою зрелище столь же жалкое, как и марксизм.

Но условия для наших размышлений не столь идеальны на самом деле, как я допустил выше. Конкретные данные ли бы засекречены, либо сфальсифицированы умышленно или произвольно, либо вообще недоступны в силу практических обстоятельств. Да и сам предмет не благоприятствует ашим целям. Он необычайно сложен, громоздок, запутан. Составные элементы подвижны, изменчивы, взаимно модифицируют друг друга. Одни и те же явления порождают противоположные следствия и сами могут быть следствиями противоположных причин. Точные измерения слишком громоздки, практически невозможны, дороги, бессмысленны в силу изменчивости условий. Нельзя точно зафиксировать конкретное расположение различных элементов целого в данное время и в данной области пространства. Да и наши возможности получать и перерабатывать информацию ограничены. Плюс ко всему прочему – принципиально неразрешимые проблемы, например, – когда получение сведений об одних явлениях исключает получение сведений о других. Короче говоря, сам предмет и условия его познания таковы, что действуют тысячи разного рода «нет», «нет», «неизвестно», «нельзя узнать», «не имеет значения», «лишено смысла». И в таких условиях приходится оперировать суждениями, которые нельзя проверить эмпирически и нельзя вывести по общим правилам дедукции. Нужна какая-то компенсация за нашу неосведомленность и бессилие. Нужно изобрести особый метод исследования в таких ситуациях. В них самих этот метод не откроешь, ибо его в них вообще нет. Его вообще нет, его еще нужно изобрести.

Так что же нам остается? Отказаться от попыток научного понимания и положиться на интуицию пророков, кустарные домыслы реформаторов, эмоции диссидентов? Но выход из этой ситуации все же есть. Имеется путь изучения общества, совпадающий с научным в установках и основных приемах, но отличающийся от науки по целям и результатам. Это – путь развития в себе научного стиля мышления и осмысления наблюдаемых фактов жизни так, как будто бы они являются объектами внимания науки.

Результатом этого будут не точные величины и формулы, а приблизительные оценки и ориентации в понимании окружающей жизни, свободные от иллюзий и не поддающиеся влиянию пропаганды, демагогии, обмана и самообмана. Далее я хочу изложить некоторые элементы такого стиля мышления сразу же в его применении к коммунистическому обществу.

Коммунизм как таковой

Начав размышлять о коммунистическом обществе, человек, естественно, делает это уже в определенной языковой системе. Последняя же аккумулирует в себе систему понятий и так или иначе влияет на возможности познания, определяя ориентацию внимания и предопределяя применяемые средства познания. Первое требование стиля мышления, о котором я здесь говорю, состоит в следующем: надо рассматривать интересующий вас объект (в данном случае – коммунистическое общество) как таковой или сам по себе, с точки зрения

его самодовлеющих (собственных) ценностей, а не с точки зрения его возможных сравнений с другими объектами (с другими обществами, странами), избегая предвзятых суждений, навязываемых привычной системой языка (системой понятий) и ассоциаций с другими объектами.

Рассказывая о коммунистическом образе жизни, я часто попадал в такое положение. Я говорил, например, о социальных контрастах при коммунизме. Ну и что, – возражали мне мои оппоненты, – на Западе тоже есть бедные и богатые, угнетающие и угнетаемые, привилегированные и лишенные привилегий. При этом мои оппоненты начисто забывали о том, что социальные контрасты Запада стали давно банальным предметом критики, а коммунизм мыслился как общество без эксплуататоров и эксплуатируемых, как царство всеобщей справедливости. Но главное здесь даже не в этом, а вот в чем: если коммунистическое общество имеет какое-то достоинство или какой-то недостаток, и аналогичное качество есть в обществах иного типа, из этого сходства никак не следует, что этого качества в коммунистическом обществе уже нет или что роль его становится тут иной. Мы должны рассматривать свойства коммунистического общества независимо от того, есть они в обществах другого типа или нет. Я не отвергаю пользу сравнений вообще. Но в данном случае сравнения не должны играть решающую роль. Они здесь приобретают смысл лишь на основе познания данного общества самого по себе, как такового, безотносительно к обществам другого типа. Из того факта, что в других обществах имеют место репрессии, эксплуатация, низкий жизненный уровень и прочие неприятные явления, никак не следует, что их нет в коммунистическом обществе. Они тут есть, и это эмпирически данный факт. И мы обязаны их рассматривать как объективные свойства этого общества, должны выяснить, почему они порождаются именно в данной системе жизни, причем – безотносительно к их судьбе в других обществах. Наша задача – не выбор, какое общество лучше, а объективная картина данного общества без сравнительных субъективных его оценок.

Среди множества факторов, препятствующих такому подходу к коммунистическому обществу, хочу особо обратить внимание на следующие два. Первый из них – марксистская фразеология. Хотя марксизм исторически рождался с претензией на науку и сейчас претендует на то, чтобы считаться наукой (причем – высшей и единственной в своем роде), он превратился в классический образец идеологии, а его термины и высказывания превратились в чисто идеологические феномены, лишенные всякого научного смысла и играющие дезориентирующую роль в понимании реального коммунизма. Рожденные еще в прошлом веке на материале буржуазного общества и в духе определенных желаний членов того общества, языковые выражения марксизма обращаются теперь на реальное коммунистическое общество и выполняют уже идеологическую роль средств отвлечения внимания от фактического строя жизни, средств сокрытия сущности этого строя жизни. Например, марксистское учение о классах ориентирует внимание на несущественные для коммунизма различия в социальном положении людей (рабочие, крестьяне, интеллигенция) и их отношения, отвлекая внимание от разделения населения коммунистических стран на свойственные этому обществу привилегированные и непривилегированные слои, на бедных и богатых, на эксплуатируемых и эксплуататоров в характерном для этого общества виде. Реальная социальная структура населения при этом просто не принимается во внимание. Причем и критики коммунизма попадают на удочку марксистской фразеологии, занимаясь совершенно бесперспективной полемикой с марксистами в навязанном им языковом аспекте. Или, например, возьмем вопрос о собственности. Действительно, при коммунизме нет частной собственности на средства производства. Но сказать это – значит равным счетом ничего не сказать о том, что же есть в этом обществе на самом деле.

Второй из упомянутых факторов – рассмотрение явлений коммунистического общества в той же системе понятий, в какой рассматриваются сходные явления в обществах западного типа. Такие, например, понятия, как «партия», «профсоюзы», «выборы», «право» и т.п., применяются к пониманию коммунистического общества в том смысле, что и к обществам западного типа. И для этих выражений здесь находятся подходящие явления. А тот факт, что эти явления имеют здесь качественно иную природу, ускользает от внимания. Если сравнивать общества коммунистического типа с обществами иного типа (например, с западными государствами), не представляет труда заметить в них много сходного. И в

коммунистических обществах можно увидеть многие явления, какие имеют место на Западе. Но суть этих явлений здесь часто принципиально отличается от их сути в некоммунистических обществах. И они должны быть прежде всего поняты как явления коммунистического общества независимо от их сходства с какими-то явлениями в других обществах. И лишь на этой основе возможно имеющее смысл сравнение, а не наоборот. Например, в дореволюционной России никогда не было серьезного профсоюзного движения, аналогичного западному. Сейчас во всех учреждениях Советского Союза есть профсоюзные организации. Они – собственный продукт коммунистической системы, а не продолжение некоей прошлой традиции. И социальная роль их здесь мало что общего имеет с ролью профсоюзов на Западе. А рассматриваются советские «профсоюзы» по аналогии с западными. И общение профсоюзных руководителей Советского Союза с профсоюзными лидерами Запада происходит так, будто они суть однополярные явления. Если рассматривать советские профсоюзы по аналогии с западными, то понять их роль в советском обществе абсолютно невозможно. Они могут быть поняты лишь как элемент в структуре коммунистического общества совершенно независимо от того, были у них в прошлом предшественники или нет, были у них образцы на Западе или нет. И слово «профсоюзы» тут могло быть заменено другим, что способствовало бы большей ясности.

Требование рассматривать предмет «в себе», «для себя», «сам по себе», т.е. не считаясь до поры до времени с его сравнительными характеристиками, было известно в старой философии, в частности – и в немецкой классической философии, послужившей одним из источников марксизма. Но это методологическое требование, как и многие другие, как правило, игнорируется в рассуждениях на темы о коммунизме даже специалистами, не говоря уж о простых смертных, вообще не имеющих представления о достижениях философии прошлого.

Понять коммунизм как таковой – значит выяснить, что из себя представляет этот социальный зверь с точки зрения внутренних процессов и во внешнем поведении, что от него можно и следует ожидать и что ожидать не следует ни при каких обстоятельствах. Можно привести, например, сколько угодно внешних аналогий в качестве подкрепления тезиса о возможности коммунизма с гражданскими свободами в каких-то странах. Но с точки зрения внутреннего анализа (без таких аналогий) этот тезис есть такая же чепуха, как утверждение о возможности капитализма без денег, капитала и прибыли. Можно привести аналогии для обоснования надежды на то, что Советский Союз прекратит свое проникновение во все места планеты и оставит свои претензии на мировую гегемонию. Но с точки зрения его внутреннего анализа совершенно очевидно, что он вообще не может существовать без расширения, проникновения в другие страны и стремлении к мировой гегемонии.

Коммунизм и тоталитаризм

Социальный строй Советского Союза и Германии времен гитлеризма рассматривают как явления однопорядковые, как частные случаи тоталитаризма, – пример несоблюдения методологического принципа, рассмотренного выше. Конечно, сходство тут есть, и отвергать его бессмысленно. Но с социологической точки зрения это суть явления принципиально различного качества. Немецкий тоталитаризм есть явление в рамках западной цивилизации. Это – политический режим, еще не разрушающий сам по себе социальный базис государства. Конечно, этот режим имеет одним из источников те самые элементы коммунальности, из которых вырастает коммунизм. И сам он есть в известной мере тренировка к будущему коммунизму. Но это еще не коммунизм. Сталинский тоталитаризм был явлением в социальном базисе страны, а не в сфере политической. Он был рожден совершившейся революцией и был проявлением созревающего коммунистического общества. Гитлеровский же тоталитаризм был порожден страхом перед коммунистической революцией и перед возможностью проникновения коммунистического общества. Система личной власти вождя, массовые репрессии и многое другое были внешне сходны в этих странах. Но условия жизни массы населения оставались принципиально различными. Тоталитаризм немецкого типа можно сбросить, сохранив социальный строй страны. Тоталитаризм советского типа нельзя

сбросить, не разрушив социальный строй страны до самого основания. Немецкий и советский тоталитаризм уподоблялись во многом в силу закона тенденции сообщающихся социальных систем к подобию, т.е. в силу неких общих законов больших эмпирических систем, а не в силу некоей необходимости, вытекающей из внутренних законов каждой из систем по отдельности.

Употребление термина «тоталитаризм» в отношении коммунистического общества мешает пониманию последнего. Тоталитаризм есть система насилия, навязываемая населению данной страны «сверху» независимо от социальной структуры населения. Коммунистическая система насилия вырастает из самой социальной структуры населения, т.е. «снизу». Она адекватна социальному строю страны. Она выглядит похожей на тоталитаризм лишь иногда (особенно – в период созревания общественного устройства коммунистического типа) и с точки зрения посторонних наблюдателей, склонных к глубокомысленным сопоставлениям.

От абстрактного к конкретному

Еще в прошлом веке был открыт и в общей форме описан прием, удобный для исследования и понимания таких сложных и изменчивых явлений, какими являются человеческие общества, – метод перехода от абстрактного к конкретному. Описан этот прием Гегелем и Марксом. Последний широко использовал его при написании «Капитала». Еще в 1954 г. я закончил философскую диссертацию на эту тему («Метод восхождения от абстрактного к конкретному»). Диссертация имела успех среди молодых философов – приближалась либеральная эпоха – и распространялась в машинописных копиях (предшественник нынешнего «самиздата»). Но она была враждебно встречена руководителями советской философии. И это не случайно. Превращение марксизма в господствующую государственную идеологию сопровождалось превращением диалектики из орудия познания сложных явлений действительности в орудие идеологического жульничества и оглушения людей. Всякая попытка описать диалектический метод мышления как совокупность особого рода логических приемов (а именно такой была ориентация моей работы) была обречена на неудачу в силу сложившегося советской философии понимания диалектики как некоего учения об общих законах бытия. Диалектика, став ядром марксистской идеологии, скомпрометировала себя в глазах ученых и философов на Западе. При этом были преданы забвению и те ни в чем не повинные логические приемы, которые так или иначе лежали в основе диалектического метода мышления. И в их числе – метод перехода от абстрактного к конкретному. Разобраться в том, что такое реальный коммунизм, без использования этого приема совершенно невозможно. Ниже я опишу его очень коротко, в самых существенных чертах.

Когда приходится изучать и описывать сложный, многосторонний, дифференцированный, изменчивый предмет, невозможно сразу учесть все его свойства и явления. Что-то приходится оставлять без внимания. Да и не все нужно учитывать, – многое имеет ничтожное значение для понимания данного предмета, многое вообще мешает его пониманию. Но допустим, что мы сумели выделить все то, что следует учесть в данном предмете, чтобы понять его правильно. И в этом абстрактном виде он еще останется достаточно сложным, многосторонним. Остается факт изменчивости его явлений и их взаимодействия с постоянно меняющимися последствиями. Так что и в этих условиях мы должны различные явления этого предмета извлекать из общей связи, отвлекаться при их рассмотрении от других явлений, найти какой-то порядок рассмотрения, учитывать временно оставленные без внимания явления. Короче говоря, мы постоянно вынуждаемся при этом выделять отдельные явления, рассматривать их отвлеченно от прочих, а затем каким-то образом учитывать эти прочие явления. Получаемые при этом суждения являются более или менее абстрактными, т.е. имеющими смысл и значение истинности при условии отвлечения от каких-то обстоятельств. По мере учета различных явлений изучаемого целого мы получаем более или менее конкретные суждения, т.е. суждения, имеющие смысл и значение истинности при условии привлечения упомянутых обстоятельств.

Я здесь рассматриваю абстрактный или «чистый» коммунизм. Это означает следующее. Я принимаю как факт, что та или иная коммунистическая страна имеет определенные размеры,

географические условия, численность населения, национальный состав населения, прошлую историю и традиции. Но я отвлекаюсь от всего этого – рассматриваю любую коммунистическую страну, отвлеченную от ее размеров, численности населения, прошлой истории и целого ряда других признаков. Конечно, кое-что из этого можно рассмотреть впоследствии с целью конкретизации некоторых утверждений. Например, очень низкий бытовой и культурный уровень населения России был удобен для коммунистических экспериментов. Весьма удобными с точки зрения проведения массовых репрессий оказались природные условия и размеры страны. Последние помогли и в войне с Германией. Я рассматриваю, далее, любую коммунистическую страну отвлеченно от ее некоммунистических соседей и от отношений с другими коммунистическими странами. Опять-таки проблемы взаимоотношения коммунистических стран с некоммунистическими и между собою могут быть рассмотрены впоследствии, – это будет более конкретная картина этого общества сравнительное той, какая получается при рассмотрении отдельных коммунистических стран. Наконец, я рассматриваю коммунистическую страну в таком идеальном виде, как будто все нормы коммунистического образа жизни здесь строго соблюдаются. Например, по законам коммунизма каждый работоспособный гражданин обязан отдавать свои силы обществу в каком-либо учреждении и средства для существования получает только за этот свой труд в данном учреждении. Практически это правило постоянно нарушается. Например, человек может получить наследство, выиграть в лотерею, получить взятку, работать «налево». Но эти явления не вытекают из сущности коммунизма как такового. Они здесь не случайны. Но они должны быть здесь поняты лишь на основе тех результатов, какие получаются при изучении идеального, абстрактного, «чистого» коммунизма.

Метод перехода («восхождения») от абстрактного к конкретному является необходимым элементом техники научного исследования в условиях, когда невозможно использовать лабораторный эксперимент, невозможно на самом деле отделить изучаемый предмет от других, разделять его на части, изучать последние изолированно друг от друга и в различных комбинациях, короче говоря – когда все это должна заменить (по выражению Маркса) исключительно сила абстракции, способность мысленно оперировать с изучаемым предметом так, как будто все наши воображаемые операции осуществляются на деле, но с сохранением живой целостности предмета. В наше время повального увлечения математизацией, кибернетикой, моделированием, дедуктивными системами, эмпирическими измерениями совсем не модно не то что разрабатывать метод «восхождения» от абстрактного к конкретному, но даже вспоминать о его существовании. А напрасно. Пренебрежение к этому методу мстит за себя тем, что усилия многих тысяч хорошо подготовленных специалистов дают ничтожно малые результаты или заблуждения.

Замечания о диалектике

Метод перехода от абстрактного к конкретному детализируется как совокупность приемов понимания изучаемого предмета. В частности, среди них есть прием перехода от рассмотрения отдельно взятого явления (т.е. отвлеченно от факта существования многих явлений того же рода и их взаимодействия) к рассмотрению совокупности многих явлений того же рода (т.е. с учетом того, что существуют и другие явления того же рода, вступающие с ним в связь и как-то влияющие на его свойства). Многие, например, из личного опыта знают, как различается советский человек, взятый отвлеченно от его положения в коллективе, и он же, взятый в его поведении в коллективе. В первом случае он может ругать последними словами некое постановление ЦК или речь Генерального секретаря партии, но в коллективе он будет превозносить их до небес. С точки зрения рассматриваемого здесь метода это явление тривиально: в одном случае наше суждение о человеке будет абстрактно, а в другом – конкретно (сравнительно с первым). Причем конкретное суждение может казаться противоречащим абстрактному, хотя никакого логического противоречия тут нет, ибо на самом деле мы имеем такую пару суждений: 1) если отвлечься от таких-то факторов (исключить их влияние, допустить, что их нет), то наш предмет будет иметь свойство X; 2)

если же учесть эти факторы (допустить их влияние), то наш предмет будет иметь свойство Y . Здесь X может противоречить Y , но суждение 2 как целое не противоречит суждению 1 как целому. Диалектический метод мышления в свое время появился прежде всего как совокупность такого рода логических приемов, а не как учение об общих законах бытия, кстати сказать, реально не существующих.

Как апологеты коммунизма и марксизма, так и критики их в одинаковой мере не принимают диалектику в качестве совокупности логических приемов понимания такой сложной действительности, какой является человеческое общество. Маркс хотя и не открыл диалектику в таком ее смысле, он сознательно применял ее отдельные логические приемы для понимания буржуазного общества. Кстати сказать, он был единственным, кто понимал и сознательно использовал приемы перехода от абстрактного к конкретному. Энгельс уже считал это кокетничаньем с Гегелем. А Ленин констатировал, что через пятьдесят лет после выхода «Капитала» Маркса лишь немногие поняли его, да и то неправильно. Марксисты в обществе победившего коммунизма, в котором марксизм становится государственной идеологией, враждебно относятся к понимаемой так диалектике, ибо, будучи применена в таком виде к самому коммунистическому Обществу, она неизбежно даст результат, противоречащий райской картине коммунизма в том же марксизме. Еще в начале пятидесятых годов я предпринял попытку описать диалектику как совокупность логических приемов. Она была встречена крайне враждебно официальной советской философией. Критики же коммунизма и марксизма прочно связывают диалектику с марксизмом, истолковывая ее в том же духе, что и апологеты марксизма. И потому они вместе с идеологией марксизма отбрасывают и научные методы познания реального общества, единственно дающие теоретическое оружие против этой самой идеологии и не связанные необходимым образом с марксизмом.

Законы и эмпирические факты

Метод абстрагирования, о котором говорилось выше, не исчерпывает методологии научного мышления. Здесь я сделаю еще несколько замечаний по этому поводу.

Во многих случаях дискуссий на социальные темы путаница и взаимонепонимание возникают из-за смешения утверждений различного логического типа, – утверждений о фактах, научных законов, утверждений о законах самого предмета, о котором идет речь, и других. Например, в стране могут наблюдаться такие факты, что может быть верно констатирующее их суждение: «В стране усиливаются репрессии в отношении инакомыслящих». При этом может быть верным также суждение, полученное в результате научного анализа, согласно которому власти стремятся избежать усиления этих репрессий. На первый взгляд между этими суждениями имеет место логическое противоречие, причем – второе суждение кажется ложным, поскольку первое соответствует фактам. Но на самом деле между этими суждениями никакого логического противоречия нет. Они имеют такую различную логическую природу, что их сопоставить с точки зрения противоречивости просто нельзя. Противоречить первому могло бы, например, суждение «Репрессии в стране в отношении инакомыслящих не усиливаются», а второму – «Власти стремятся усилить репрессии».

Очень важно различать суждения, имеющие логический статус научных законов, и суждения, имеющие логический статус суждения о фактах. Классический пример суждений первого типа – известный закон механики: «Тело сохраняет состояние покоя или прямолинейного равномерного движения до тех пор, пока внешние силы не выведут его из этого состояния». Примером суждений второго типа являются суждения о перемещении или покое наблюдаемых физических тел. Суждения этих типов различаются по многим признакам. В частности – по таким. Научные законы имеют силу лишь при строго фиксированных условиях. Так, рассматриваемый закон механики в более явном виде формулируется так: «Если на тело не действуют ни какие внешние силы, оно сохраняет состояние покоя или прямолинейного равномерного движения». И при этих условиях научные законы универсальны, т.е. истинны всегда и везде, не имеют никаких исключений. И все

суждение в целом (фиксирующее условие и то, что имеет место при этом условии) тоже универсально. Суждения же фактов могут быть истинны в одних условиях и ложны в других. Суждения факта в случае механики фиксируют положение конкретных тел в пространстве и их перемещения. Люди наблюдают факты остановки движущихся тел, ускорение изменения их траекторий, но никто и никогда не в силах наблюдать то, что выражено в рассматриваемом законе механики. Он был изобретен по особым логическим правилам отличным от правил для суждения фактов. И несмотря на кажущееся несоответствие фактам, такого рода научные законы позволяют точно описывать фактические перемещения тел и предсказывать их положение в будущем. Научные законы не нуждаются ни в каком объяснении и обосновании, ибо они сами суть конечная основа для объяснения явлений определенного рода, суть конечные механизмы этих явлений. То, что порой считают обоснованием или объяснением научных законов, на самом деле является либо разъяснением для обучающихся или популяризацией, либо изобретением новых законов, из которых первые выводятся как следствие.

Условная часть научного закона не всегда бывает выражена явно. Часто о ней люди догадываются из контекста. Часто она вообще опускается, и вместо нее употребляют особые выражения вроде «тенденция», «стремление», «предпочтение». В нашем примере из механики иногда суждение строят в такой форме: «тело стремится сохранить...» Это порой вызывает путаницу и бессмысленные дискуссии, в особенности – в кругах непосвященных и в кругах лиц, самоутверждающихся за счет языковых двусмысленностей. В области социального мышления и говорения это – обычное явление.

И в области суждений об общественных явлениях точно так же имеет место различие суждений – законов и суждений, констатирующих факты и непосредственно обобщающих их. Здесь постоянно имеют место случаи, когда наблюдаемые факты по видимости противоречат суждениям, принимаемым в качестве законов науки. Например, в некотором типе общества могут действовать законы, по которым власти стремятся уничтожить оппозицию и снизить заработную плату, а согласно наблюдениям оппозиционеров преследуют не очень сильно и сила преследования ослабевает, а реальная заработная плата возрастает. В обществе может действовать закон периодических экономических кризисов, но последних может не быть на самом деле. В чем дело? Да в том, что научные законы нельзя непосредственно сопоставлять с фактами. Они суть лишь средства, с помощью которых можно получить объяснение фактов. Используя научные законы и какие-то фактические сведения о данной конкретной ситуации, можно объяснить, почему ситуация такова и каковы перспективы ее в будущем.

Нормы и отклонения

Рассмотрим, далее, понятие нормы или нормального явления. Мне неоднократно приходилось сталкиваться с такими случаями. Я говорил, что существующий в Советском Союзе социальный строй есть нормальное явление, а не некое отклонение от нормы. Это мое утверждение истолковывали так, будто с моей точки зрения существующий в Советском Союзе социальный строй есть нечто хорошее, – пример обывательского способа мышления. А между тем понятие нормы (нормальности) не есть оценочное понятие. Ядовитая змея с целыми зубами в пустыне есть нормальное явление в данной области природы. Змея с поломанными: зубами или здоровая змея на улицах Москвы есть отклонение от нормы. В общественной жизни в качестве нормы данного вида явлений рассматривается некий образец этих явлений. Когда люди оперируют понятием нормы относительно данного круга явлений, они осуществляют абстракции, принимают какие-то допущения. Они не принимают» во внимание какие-то свойства отдельных экземпляров явлений данного рода и приписывают норме наличие каких-то других свойств, которые могут отсутствовать у отдельных представителей этого рода. Говоря о нормальном человеке, например, мы отвлекаемся от его возраста, пола, цвета его волос и т.п. Но при этом мы не считаем человека физически нормальным, если, например, у него нет ног или глаз. Это тривиально. Только почему-то эти тривиальные вещи сразу же забываются, когда речь заходит о важных социальных проблемах.

Коммунистическая страна, в которой преследуются диссиденты, люди прикрепляются к

местам жительства и работы, отсутствуют гражданские свободы, есть нормальное коммунистическое общество (есть норма для явления такого рода), если даже в практике жизни наблюдаются факты, противоположные упомянутым. Тогда как коммунистическая страна, в которой диссиденты не преследуются, люди свободно перемещаются по миру, есть отклонение от нормы явлений такого типа. Этот пример я привел для того, чтобы обратить внимание на следующий пункт в понятии нормы. Есть различные способы установить абстрактный образец явлений данного рода, в сопоставлении с которым эмпирически данные экземпляры оцениваются как соответствующие или несоответствующие норме. В нашем случае в качестве нормы рассматривается то, что соответствует социальным законам данного общества, что вытекает из этих законов, является их следствием. Это не всегда бывает ясно даже на основе долгого изучения. Но есть многочисленные фундаментальные случаи, когда понятие нормы просто и ясно. Например, можно описать нормальное советское учреждение (это я сделаю ниже) в качестве некоего абстрактного образца. И затем, исходя из таких допущений, можно обосновать нормальность или ненормальность тех или иных явлений жизни общества, для которых не столь очевидно их соответствие или несоответствие нормам данного общества. Кроме того, рассмотрев абстрактно-нормальные экземпляры данного рода явлений, мы затем можем рассмотреть отклонения от нормы. Причем некоторые из этих отклонений могут быть сами закономерным продуктом действия других законов данного общества. И они могут быть поняты в качестве таковых лишь на основе ранее произведенной абстракции нормы. Например, некоторые попустительства в отношении диссидентов в Советском Союзе суть отклонения от нормы, но такие отклонения, которые сами суть проявления норм жизни этого общества в другом разрезе. В силу сложности общественных явлений и опосредованности их связей возможны случаи, когда как норма явления, так и ее нарушение суть следствия одних и тех же причин. Например, абстрактный закон эквивалентного обмена между человеком и обществом в конкретных условиях общества действует как закон вознаграждения по социальному положению, порождая тем самым нарушения принципа эквивалентности. И таким образом обстоит дело буквально со всеми законами социального организма. Людям, которые в большинстве своем привыкают свою сравнительно примитивную жизнь и психику рассматривать как образец и масштаб для всех прочих людей и общества в целом, очень трудно психологически признать такую «диалектичность» сложных общественных явлений. А между тем и в отношении их природа вытворяет тут «диалектическую» шутку: она наделяет людей космическим самомнением, обрекая их на роль бесструктурных песчинок.

Ориентация внимания

О том, насколько важны определенные логические приемы для понимания явлений сложной и изменчивой общественной жизни, свидетельствует тот факт, что без них вообще невозможна даже правильная ориентация внимания исследователя и вообще человека, так или иначе размышляющего на социальные темы. Общеизвестно, что человеческое общество добывает средства своего существования из окружающей его природы. Производство средств существования (труд) образует основу существования общества. Но это не значит, что констатация и рассмотрение этого факта образует основу для понимания того или иного типа общества. Во всяком случае, такая ориентация внимания годится для понимания далеко не всякого общества. Она годится для понимания отдельных явлений общественной жизни и, возможно, каких-то отдельных типов организации общества. Казалось, что такая ориентация внимания дает подходящий исходный пункт для понимания коммунистического общества: последнее мыслилось как рай земной, в котором все проблемы взаимоотношений между людьми будут решены наилучшим образом, и людям останется только производить в изобилии средства существования и снабжать ими всех членов общества по потребностям. Не случайно потому в марксистском историческом материализме эта ориентация заняла столь важное место. Она на самом деле лишь по видимости научна. Это – чисто идеологическая ориентация.

Для понимания же реального коммунистического общества надо поступить как раз

наоборот: принимая то отношение человеческого общества к природе, в котором производятся средства существования, как данный факт и как условие существования человеческого общества, мы должны именно от них отвлечься в первую очередь, чтобы выделить реальный источник, из которого коммунистические социальные отношения вырастают. А вырастают они не из факта трудовых отношений людей к природе, а факта скопления большого числа людей для совместно жизни и деятельности. Мы и должны выделить в качестве предмета внимания отношения людей в коллективах, имеющие место независимо от того, какой деятельностью заняты эти коллективы. Сейчас эта ориентация внимания (эта абстракция) подкрепляется тем, что всякий способен заметить общие черты в отношениях между людьми в коммунистических странах в самых различных человеческих коллективах, – на заводах, в институтах, в городах, деревнях, в органах власти, в сфере обслуживания.

Коммунистические отношения между людьми имеют место, разумеется, в жизнедеятельности человеческих коллективов. Но не вид деятельности коллектива и не деятельность как таковая образует здесь основу для этих отношений, определяет их собою, а наоборот, – сами эти отношения являются самой глубокой основой для всех прочих общественных явлений. Они определяют собою в том числе и характер производственной деятельности людей. Лишь на этой основе можно понять характер отношения людей к труду в этом обществе и те формы организации производства, к каким вынуждается общество именно в силу господствующих здесь коммунистических отношений. В частности, лишь на этом пути можно выяснить, насколько реальны надежды апологетов коммунизма на повышение производительности труда и на превращение труда в жизненную потребность и в нечто, доставляющее радость и удовольствие трудящимся. Во всяком случае, фактическую тенденцию коммунистического общества к принудительным формам труда и закреплению людей никак не объяснишь, исходя из марксистской ориентации общественной науки и «научного коммунизма», тогда как эта задача оказывается тривиальной, если принять описываемую здесь ориентацию внимания.

Выделяя в качестве предмета внимания свойства людей и правила их поведения друг по отношению к другу (т.е. их отношения), обусловленные самим фактом скопления их в некое целое для совместной жизнедеятельности, мы должны рассматривать при этом не исключительные и кратковременные явления такого рода, а обычные, будничные и общераспространенные, дающие о себе знать лишь в течение длительного времени. Для этого коммунистическое общество должно достаточно долго существовать, чтобы рассматриваемые социальные отношения смогли проявить себя в качестве определяющих факторов жизни данного общества. Не случайно потому научное понимание коммунизма становится возможным лишь теперь, т.е. после того, как коммунистические страны (и Советский Союз в первую очередь) получили достаточно много мирного времени для того, чтобы дать сработать фактическим механизмам и обнаружить последние для тех, кто стремится их понять.

Ориентация на коммунальность

Коммунистическое общество исторически формируется по многочисленным различным линиям. Его ошибочно рассматривать как выросшее из одного точно фиксируемого источника. Принимая его как данный факт, т.е. беря его уже в готовом виде, и выделяя в нем жизненно важные явления, можно по этим явлениям ретроспективно проследить его источники в прошлом. Но не с целью некоего исторического исследования, а с целью анализа данного общества, – с целью выделения этих явлений и рассмотрения их самих по себе, как общих явлений человеческой жизни. Именно так обстоит дело с тем, что я называю коммунальностью, которая получает благоприятные условия в коммунизме и расцветает здесь пышным цветом. Поясню этот важный пункт несколько подробнее.

Возьмем достаточно большое скопление людей, которое как целое соотносится со своим окружением, – удерживает за собой некоторую область пространства, защищается от врагов, добывает средства существования. В этом аспекте люди вступают в какие-то отношения между собою, причем – эти отношения осуществляются в интересах отношения общества как

целого к его окружению. Но есть отношения между людьми, вытекающие из самого того факта, что людей много и они вынуждены так или иначе сталкиваться друг с другом, общаться, распадаться на группы, подчинять, подчиняться. В этом аспекте люди вынуждены уже друг друга рассматривать как свое внешней окружение. В этом аспекте люди тоже совершают действия, но уже в интересах своих отношений внутри своего целого.

Между этими аспектами жизни коллектива имеют место разнообразные связи. Бывает, что первый аспект является доминирующим, подчиняет себе второй и заглушает его. Но бывает и наоборот, второй аспект становится доминирующим в жизни людей. Причем как то, так и другое может касаться отдельных людей, групп людей, меньшинства или большинства коллектива, всех. В больших человеческих объединениях, какими являются современные общества, второй аспект приобретает доминирующее значение по крайней мере для большинства членов общества. Они даже не осознают своей причастности к первому аспекту, причастности весьма опосредованной и отдаленной. Они знают о существовании его, но это не имеет существенного значения для их сознания и поведения. Даже те члены общества, которые имеют своей профессиональной обязанностью реализовать первый аспект, делают это как средство в достижении своих целей во втором аспекте. Нет надобности приводить примеры, поясняющие это. Взгляните на свое собственное положение в обществе и попробуйте установить, в какой мере вы ощущаете себя в качестве частички целого общества в его отношении к природе и к прочим странам и в какой мере ощущаете себя окруженным средой других членов общества, что в вашей деятельности непосредственно лежит в первом аспекте и что – во втором. Положение и поведение человека во внутреннем аспекте жизни коллектива детерминировано определенными правилами (законами), без соблюдения которых человек не может нормально существовать в своей социальной среде и добиваться успеха. Совокупность этих правил и совершаемых в соответствии с ними поступков и образует коммунальность как таковую.

Суть коммунальности была известна некоторым мыслителям прошлого еще много веков тому назад. Она довольно точно выражается формулой «человек человеку – волк», которую впоследствии стали приписывать лишь буржуазному обществу. Суть коммунальности состоит в борьбе людей за существование и за улучшение своих позиций в социальной среде, которая воспринимается ими как нечто данное от природы, во многом чуждое и враждебное им, во всяком случае – как нечто такое, что не отдает свои блага человеку без усилий и борьбы. Борьба всех против всех образует основу жизни людей в этом аспекте истории.

Упомянутая выше суть коммунальности не есть абсолютное зло, как она не есть и абсолютное добро. Она есть объективный факт, подобно тому, как отрицательный заряд электрона не есть зло, а положительный заряд протона не есть добро. Все то, что мы считаем добром и злом, вырастает из этой сути коммунальности в одинаковой мере. Причем здесь зло образует базу для добра, а добро неизбежно порождает зло. В природе человеческого общества не заложено никаких моральных зародышей и критериев оценки происходящего. Последние суть искусственные изобретения цивилизации.

Основная идея

Нельзя сказать, что коммунизм как тип общества вырастает непосредственно из коммунальности, подобно тому, как неверно было бы сказать, что капитализм как тип общества вырастает непосредственно из экономики (из товарно-денежных отношений). Для возникновения капитализма потребовалось еще появление на рынке такого товара, как свободный рабочий, и ряд других условий. Имеются такого рода условия и в случае возникновения коммунизма. Лишь при наличии этих условий коммунальные отношения людей получили широкое распространение во всех сферах жизни общества и стали господствующими. Коммунизм вырастает из коммунальности и этих условий.

Условия, о которых идет речь, суть не конкретно-историческое стечение обстоятельств, в которых коммунистический строй зародился в той или иной стране. Напоминаю, мы от этого отвлеклись. Эти условия суть нечто такое, что постоянно существует в жизни ставшего общества, постоянно воспроизводится и служит основой для самой воспроизводящей его

жизни общества. Эти условия должны быть обнаружены не в прошлой предыстории и истории общества, а в его сегодняшней жизни, причем – как нечто очевидное, общеизвестное, привычное, повседневное. Здесь разум нужен не для открытия чего-то спрятанного в неких застенках и в неких глубинах системы, а для того, чтобы это очевидное и общеизвестное опознать в его решающей роли в образовании типа общества.

При взгляде на такой классический образец коммунистического общества, как Советский Союз, легко заметить, что оно имеет очень сложное строение, дифференцированную промышленность и сельское хозяйство, разветвленную систему управления и культуры, определенное территориальное членение. При этом можно также заметить, что одни элементы его структуры обеспечивают и охраняют его целостность, а другие образуют в известном смысле автономные и целостные в меньших масштабах частички его. Причем эти частички обладают интересным качеством: они в некоторых существенных чертах похожи на целое общество, копируют его. Это очевидно в отношении таких крупных территориальных единиц, как целые республики, а также в отношении таких более мелких, но тоже довольно крупных единиц, как края, области и даже районы. Но это подобие можно продолжить и далее – до отдельных учреждений (заводы, фабрики, институты, совхозы). Пределом такого деления являются минимальные частички целого общества, обладающие некоторыми существенными чертами более крупных частиц общества и целого общества, – то, что можно назвать элементарными клеточками или ячейками общества. Именно в том, что обще всем элементам структуры общества от минимальных клеточек до общества в целом, и следует искать самые глубокие основы жизни общества.

Исторически коммунистическое общество в этом классическом образце, наиболее близком к лабораторным условиям изучения, формировалось одновременно по многим линиям. Формировалось то, что создало целостность стране, происходила стандартизация жизни во всех районах, во всех сферах, на всех уровнях. Эта стандартизация жизни вплоть до уровня клеточек и образование стандартной клеточной структуры во всех частях и органах целого, – вот что составляло сущность исторического процесса, породившего современное коммунистическое общество. Хотя теперь для многих других стран ход истории выглядит иначе, чем в свое время для Советского Союза, суть его остается той же самой: образование стандартной структуры и стандартизация жизни во всех клеточках целого.

Конечно, этот процесс стандартизации проходил так, что имело место взаимное влияние – влияние целого на части и частей на целое. Имело место взаимное приспособление и «выравнивание». Но раз это произошло однажды, взаимное отображение частей в целом и целого в частях становится нормой жизни общества.

Оруэлл в своей замечательной книге «1984» заметил некоторые черты коммунистического общества. Но при всем моем восхищении этим автором я должен сказать, что он мало что понял в сущности коммунистического общества. Главное – он просто не знал того, как на самом деле протекает жизнь в самом базисе общества – на уровне его клеточек. Ошибочно понимать коммунизм как нечто навязываемое людям силой и обманом сверху. Он постоянно вырастает снизу, из клеточек. И постоянно поддерживается здесь. И лишь на этой основе он растет и поддерживается сверху. Но здесь «верх» понятие условное: это тоже суть клеточки, но занимающие особое положение в иерархии клеточек.

Конечно, выделение клеточек целого в качестве исходного пункта анализа этого целого связано с целым рядом абстракций. Например, не все граждане входят в общество непосредственно через клеточки. Дети и старики, пенсионеры, больные, люди «свободных» профессий живут изолированно от клеточек (не прикреплены к учреждениям, не числятся на определенном месте работы) или связаны с ними через лиц, прикрепленных к клеточкам. Однако основная часть населения является членами общества, будучи членами клеточек его. Все остальное так или иначе подчиняется этой основе и зависит от нее, во всяком случае – не влияет существенным образом на стандартный стиль жизни общества. Кроме того, в случае надобности можно эти исключения из правила рассмотреть впоследствии. Некоторые из этих исключений с необходимостью порождаются именно самими правилами, и тогда тем более их следует рассмотреть как нечто производное от них.

Коммунальность

В упомянутых выше книгах я довольно подробно описал, что такое коммунальность. Многие воспринимают это как литературные шутки или в лучшем случае как описание советского общества, в котором люди якобы уже испорчены условиями этого общества. На самом же деле это есть вполне научное описание феномена коммунальности, который имеет общечеловеческий характер. Но описание, подчеркиваю, научное, т.е. имеющее силу при условии целого ряда абстракций, о которых я говорил выше. Здесь я приведу лишь часть этого описания с некоторыми дополнениями и пояснениями, уместными в контексте этой книги.

Законы коммунальности одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления людей, позволяющие говорить об обществе. Законы эти просты и в каком-то смысле общеизвестны или известны по крайней мере значительной части членов общества. Если бы это было не так, общественная жизнь вообще была бы невозможна. Люди фактически живут в обществе по этим законам и по необходимости осознают их. Для законов коммунальности безразлично, что объединяет людей в общество. Они так или иначе действуют, раз люди на достаточно длительное время объединяются в достаточно большие коллективы.

Коммунальные законы суть определенные правила поведения (действия, поступков) людей по отношению друг к другу. Основу для них образует исторически сложившееся и постоянно воспроизводящееся стремление людей и групп людей к самосохранению и улучшению условий своего существования в ситуации социального бытия. Примеры таких правил: меньше дать и больше взять; меньше риска и больше выгоды; меньше ответственности и больше почета; меньше зависимости от других; больше зависимости других от тебя. Легкость, с какой люди открывают их для себя и усваивают, поразительна. Это объясняется тем, что они естественны, отвечают исторически сложившейся социо-биологической природе человека и человеческих групп.

Коммунальным правилам поведения люди обучаются. Делают они это на собственном опыте, глядя на других, в процессе воспитания их другими людьми, благодаря образованию, экспериментам. Они напрашиваются сами собой. У людей хватает ума открыть их для себя, а общество предоставляет людям гигантские возможности для тренировок. В большинстве случаев люди даже не отдают себе отчета в том, что они проходят систематическую практику на роль коммунальных индивидов, осуществляя обычные с их точки зрения житейские поступки. И они не могут этого избежать, ибо, не обучившись коммунальным правилам, они не могут быть жизнеспособными. Хотя законы коммунальности естественны, люди предпочитают о них помалкивать и даже скрывают их. Прогресс человечества в значительной мере происходил как процесс изобретения средств, ограничивающих и регулирующих действие этих законов, – морали, права, религии, прессы, гласности, общественного мнения, идей гуманизма и т.д. Людей веками приучали облекать свое поведение в формы, приемлемые с точки зрения этих ограничителей, и скрывать как нечто предосудительное. И не удивительно, что коммунальные правила поведения представляются им как нечто неприличное, а порой даже как преступное. Люди индивидуально формируются так, что эти правила для них самих выступают лишь как возможности, которых могло и не быть, или как личные хитроумные изобретения. Когда все же говорят о тех или иных законах коммунальности, то их лишают статуса общечеловеческих и приписывают лишь какому-то скверному типу общества (марксисты – капиталистическому, конечно). Считают, что в другом благородном типе общества (в коммунизме, конечно) им места нет. Но это ошибочно. В законах коммунальности ничего бесчеловечного нет. Они ничуть не бесчеловечнее, чем законы содружества, взаимопомощи, уважения. Последние вполне уживаются с первыми и вполне объяснимы как нечто производное от них. А человеческий или бесчеловечный тип общества сложится в той или иной стране, зависит не от самих этих законов как таковых, а от способности населения развить институты, противостоящие этим законам и ограничивающие их. Лишь в том случае, если ничего подобного в обществе нет или это развито слабо, коммунальные законы могут приобрести огромную силу и будут определять всю физиономию общества, в том числе – определять характер организаций, по идее призванных ограждать людей от них. И тогда сложится особый

тип общества, в котором будет процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий. Здесь утверждается искаженная оценка личности – превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности. Наиболее нравственные граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Причем не обязательно власти делают это. Сами коллеги, друзья, сослуживцы, соседи прилагают все усилия к тому, чтобы талантливый человек не имел возможности раскрыть свою индивидуальность, а деловой человек – выдвинуться. Это принимает массовый характер и охватывает все сферы жизни, и в первую очередь – творческие и управленческие. Над обществом начинает довлеть угроза превращения в казарму. Она определяет психическое состояние граждан. Воцаряется скука, тоска, постоянное ожидание худшего. Общество такого типа обречено на застой и на хроническое гниение, если оно не найдет в себе сил, способных противостоять этой тенденции. Причем это состояние может длиться века.

Простейший коммунальный индивид

Простейший коммунальный (социальный) индивид есть отдельный человек. Он обладает телом и органом управления своим телом, который позволяет предвидеть ближайшие и жизненно важные последствия некоторого множества своих поступков и поступков других людей, затрагивающих его. Основной его принцип: не действовать во вред себе, препятствовать другим индивидам действовать во вред ему, избегать ухудшения условий своего существования, отдавать предпочтение лучшим условиям существования. Этот принцип возник в результате биологической эволюции человека. Но в коммунальную жизнь человек включается именно как продукт прошлой эволюции, т.е. с этим фундаментальным принципом. Он не в силах отменить его. Он способен преодолеть его, только подчиняясь ему.

Будучи обращен на коммунальную среду, упомянутый принцип принимает такой вид: индивид стремится сохранить и укрепить (улучшить) свою социальную позицию, во всяком случае – препятствовать ее ухудшению. Но как это сделать? Наиболее типичный и основной случай положения индивида в обществе состоит в том, что все соблазнительные места уже распределены, что либо свободных мест вообще нет, либо имеются лишь самые худшие, что есть другие желающие на лучшие места. Совершенно очевидно, что в таких условиях наш индивид может реализовать свой принцип одним-единственным способом, а именно – за счет других индивидов: он вынужден мешать другим укреплять их социальную позицию, стремиться ослабить их позицию. В условиях коммунальной среды, когда индивид достаточно надежно защищен от общей среды коллектива, главным врагом индивида становится другой индивид, от которого зависит реализация фундаментального принципа каждого из них. Причем общественная жизнь не только не ослабляет этот принцип, но многократно усиливает его, создавая для людей бесчисленные соблазны и искушения.

Возможны ли отклонения от этого принципа? Конечно. Назову основные пути для этого. Первый путь – уклонения от самой коммунальной среды, например – уединение, довольствование самыми мизерными благами. Ситуация при этом подобна тому, какая имеет место в случае с законами падения: можно вообще не подниматься на высоту, с которой можно упасть. Другой путь – расширение сферы общественной деятельности, например – освоение новой территории, создание новых учреждений. Третий путь – действие другого рода отношений людей (например – семейных, дружеских, любовных), которые парализуют или затемняют действие коммунальных сил. Четвертый путь – сложная опосредованность отношений людей, когда человек помогает другим людям укреплять их позиции, поскольку это (по его расчетам) укрепляет его собственные. Пятый путь – объединения людей для совместного укрепления своих позиций. К тому же не все, что делает человек в своих интересах, плохо для окружающих. А если и плохо, то не всем. Многим это выгодно. Отмечу, далее, ошибки в расчетах людей и непредвиденные последствия их поступков. Наконец, в обществе появляются люди, которые делают своей эгоистической целью благо других людей, – они самоутверждаются за счет этого. Есть и другие источники отклонения, среди

коих играют роль и типические психические заболевания людей.

Упомянутые отклонения ни в коем случае не отменяют действия фундаментального принципа поведения коммунальных индивидов. Во-первых, доля поступков людей в соответствии с ним превышает долю поступков, которые кажутся неподчиняющимися ему. Во-вторых, отклонения от него сами в большинстве случаев порождаются именно тем, что он так или иначе лежит в основе поведения (как, например, человек делает благо другому человеку с целью улучшить свое положение и напакостить кому-то третьему).

Из сказанного не следует, что человек есть прирожденный злодей. Человек от природы не есть ни злодей, ни добряк. Но если человеку нужно сделать что-то в силу фундаментального принципа его коммунального бытия, и он может сделать это безнаказанно, он это сделает, вернее – в нем самом по себе нет никаких ограничителей, препятствующих осуществлению такого рода действий. С этой точки зрения человек есть на все способная тварь. Общество вырабатывает какие-то ограничители для поведения этой твари. И лишь в рамках таких ограничителей (запретов или поощрений) человек обретает добродетели. То, что воспринимается как идущее из самого человека, есть на самом деле лишь рефлексия общественных ограничений в сознании и поведении отдельных индивидов. Самоограничения суть лишь способ действия внешних ограничений. Человек имеет ограничители своего поведения лишь в других аналогичных индивидах, а переживает их как нечто внутреннее для себя.

Сложные коммунальные индивиды

Два или более человека образуют целостный коммунальный индивид, если и только выполняются следующие условия: 1) это множество людей относится к окружающему как единое целое; 2) в нем происходит разделение функций тела и управляющего органа, управляемое тело подчиняется управляющему органу, а последний играет ту же роль, что и у отдельного человека; 3) происходит разделение функций среди управляемых индивидов. Сформулированное утверждение не есть некое обобщение эмпирических фактов, не есть некое открытие в наблюдаемом мире. Оно есть определение понятия «коммунальный индивид» применительно к множеству из двух и более людей. И точнее было бы его сформулировать так: коммунальным индивидом в отношении множеств из двух и более людей мы будем называть такое множество людей, для которого выполняются такие-то и такие-то условия. А отношение такого рода выражений к действительности характеризуются не понятиями истинности и ложности, а совсем иначе: есть в действительности группы людей, удовлетворяющие этому определению выражения «коммунальный индивид» или нет. Если мы определили ромб как равносторонний четырехугольник, то выражение «Ромб есть равносторонний четырехугольник» не является ни истинным, ни ложным. Оно лишь вводит в употребление слово «ромб». Так и в нашем случае. Еще более сложные коммунальные индивиды образуются уже не из отдельных людей, а из групп людей, которые сами суть отдельные индивиды. В сложном индивиде происходит разделение и распределение функций тела индивида и управляющего органа между различными людьми и вообще между различными индивидами, входящими в состав данного индивида.

В сложных индивидах функции управляющего органа могут выполнять в свою очередь сложные индивиды и их объединения. Существенно при этом то, что люди не утрачивают при этом своего тела или своего управляющего органа. Это разделение и распределение касается объединения людей: в сложном индивиде его функции как нового целого по отношению к частям выполняют различные люди и группы людей, которые сохраняют свои функции в отношении целостности более низкого уровня. На этой основе вырастает так называемое отчуждение функций. Как в человеческом теле часть его клеток выделяется на роль клеток управляющего органа, так и в сложных коммунальных индивидах часть людей выделяется на роль управляющих органов нового более сложного целого. Хотя это явление тривиально и общеизвестно, его почему-то упорно игнорируют всякого рода критики «тоталитарных» и «бюрократических» режимов, мечтающие об обществе без этих дефектов, т.е. фактически без управления и организации. Конечно, такое идеальное общество возможно, но лишь на

короткий срок, в порядке исключения в некоем более обширном нормальном целом или на самом примитивном уровне организации.

В достаточно сложном человеческом объединении, которое можно рассматривать как коммунальный индивид, вообще происходит разделение и распределение по различным членам целого и прочих существенных функций индивида, – функций информирования управляющих органов о положении управляемого тела, функций высказывания правды и обмана, функций угроз и поощрений и других. Я в своих книгах дал описание этого явления довольно для большого круга таких функций. Моя идея здесь состоит в том, что в достаточно большом человеческом коллективе все добродетели и пороки, по идее присущие человеку, персонифицируются в виде функций отдельных лиц и групп лиц, выполняющих эти функции как функции некоей огромной сверхличности-общества.

При таком разделении функций распределение их между различными людьми и группами лиц оказывается делом случая. В результате добродетельные функции могут выпасть на долю злодеев, а злодейские – на долю порядочных людей. И по крайней мере очень часто эти функции не срастаются прочно с личными характерами людей. Одни и те же индивиды в различных ситуациях могут выполнять различные функции и одни и те же функции могут выполнять индивиды с различными характерами. Эта кажущаяся нестабильность личных характеров людей и их ролей объясняется простотой и общедоступностью исполняемых ролей, а также широкой адаптивностью людей, позволяющей им играть разные роли. Фактически же это создает высокую степень стабильности социальных групп, способность масс людей быстро организовываться стандартным образом.

Коммунальное поведение

Фундаментальный принцип коммунального индивида реализуется в целой системе поведения людей. Описать ее нужна целая наука. И на овладение ею у людей уходят многие годы жизни. В моих книгах приведены многочисленные примеры действия этих правил в самых различных сферах жизни общества. Ниже я сделаю несколько важных общих замечаний по этому поводу.

Коммунальным поступком я называю всякое сознательное (и волевое в том числе) действие человека, так или иначе влияющее на его социальное положение и на положение других людей. Человек осознает коммунальный смысл такого рода поступков. Со временем многие из них становятся автоматическими. Но все равно это не отменяет их фундаментальной и потенциальной осознанности: они вырабатывались в качестве навыков как осознанные, и в случае надобности их осознанность может быть восстановлена актуально. Человек может обманывать себя и других насчет природы этих поступков, но объективно она все равно остается той же самой. Например, человек может воображать для себя и изображать для других, будто он заботится о благе государства, отводя кандидатуру другого человека в партийное бюро под тем предлогом, что он неустойчив в быту (пьянствует, изменяет жене), но объективно это его действие продиктовано фундаментальным принципом коммунального индивида: оно ослабляет позицию этого кандидата в члены партийного бюро, чего на самом деле и добивается отводящий его человек, делая открытый донос. Подхалимство перед начальством быстро переходит в привычку, но даже подхалимничая в тысячный раз, подхалим прекрасно отдает себе отчет в сущности своих подхалимских действий. Одной из самых страшных форм маскировки гнусной сути ряда коммунальных поступков является форма искренности. Но не верьте в их природную искренность, ибо таковой в природе вообще нет. Самые крайние фанатики в принципе и в потенции действуют все-таки в силу правил коммунального расчета.

Не все коммунальные поступки людей равнозначны. Многие из них имеют слабые последствия, многие вообще остаются без последствий. Но среди них есть такие, которые определяют собою физиономию общества, образуют его душу, его подлинную натуру. Они побуждают и прочие коммунальные поступки. Они влияют на поведение людей во всех сферах и разрезах их жизни. Процент таких поступков в общей массе поступков людей ничтожно мал. Совершаются они обычно так, что их невозможно отличить от прочих или они

вообще незаметны. Они не наказуемы, а часто поощряемы. Опять-таки отсылаю читателей к моим другим книгам, в которых я даю более подробное описание таких поступков.

Если в определенном рода ситуациях люди совершают коммунальные поступки более или менее стереотипным образом, можно говорить и о характерном для данного общества стереотипе коммунального поведения людей или об устойчивой коммунальной атмосфере общества. Человек живет в этой атмосфере как в чем-то естественном и привычном для себя, обычно даже не замечая того, что она давит на него и навязывает ему общепринятый стереотип поведения с гораздо большей силой, чем страх наказания со стороны специальных органов подавления (вроде КГБ). Западные люди, имеющие весьма смутное представление о коммунальной атмосфере, в какой живут советские люди, склонны все их поведение рассматривать как нечто противоестественное, совершаемое в силу страха перед органами государственной безопасности. На самом же деле последние вмешиваются в жизнь граждан лишь в исключительных случаях, когда отдельные члены общества выходят из-под влияния привычной коммунальной атмосферы. В подавляющем большинстве случаев никакого вмешательства со стороны этих органов просто не требуется, – советские люди уже из поколения в поколение воспроизводят естественный для этого типа общества стереотип поведения, сохраняют в более или менее стабильном состоянии свою коммунальную атмосферу. Но чтобы это стало возможно, в обществе должны были сложиться более или менее стандартные условия жизни, для которых стереотип коммунального поведения в соответствии с коммунальными правилами стал бы естественным.

Существует целая неписаная (пока еще) наука коммунального поведения. Многие граждане овладевают ею в совершенстве. Вот что сказано, например, на эту тему в «Записках ночного сторожа». Всякий индивид, желающий получить побольше и повкуснее кусок пирога на пиршестве жизни, должен убедить окружающих в том, что он есть среднеподлое и среднебездарное существо. Этот закон неотвратим. Но есть другие законы, маскирующие этот и модифицирующие его внешние проявления. Представьте себе, в среду советских писателей, художников или ученых приходит человек и говорит следующее. Я – дерьмо. Хотите, я напишу донос. Подпишу лживое письмо, клеймящее диссидентов. Напишу подхалимский портрет Брежнева. Будет такой человек иметь успех? Нет. Но ведь все это делают. И именно благодаря этому имеют успех. Так в чем же дело? Имеется другой закон поведения: в этом обществе бездарность должна принять форму подлинного таланта, подлость – форму добродетели, донос – форму смелости и честности, клевета – форму святой правды. Потому-то индивид должен первое правило достижения успеха реализовать в форме, удовлетворяющей второму. При этом не имеет значения то, что всем известна его натура: он – прохвост. Важно лишь то, что он есть прохвост, отвечающий правилам коммунальности и выглядит согласно этим правилам прилично. Он должен правильно (по правилам!) вести себя формально и быть формально неразоблачаемым в качестве обычного прохвоста. Далее, всякий индивид начинает сражаться за свой кусок пирога, когда все роли уже распределены, выгодные места заняты, и обладатели их не отдадут их без боя. Может ли индивид ждать, когда его заметят и оценят? Общество старается привить людям «скромность», т.е. внушить им, чтобы они именно ждали, когда их оценят другие. Бывает, конечно, так, что замечают и воздают должное. Но редко. И в ситуациях малозначащих. В важнейших ситуациях действует принцип, выражаемый народной мудростью так: «Под лежащий камень вода не бежит». Индивид обычно знает, что окружающие могут заметить и оценить его достоинства, но сделают свои выводы. А если этих достоинств нет? Индивид должен проявить некоторый минимум активности, чтобы его заметили и оценили формальным образом. Но как? Будет ли он иметь успех, если замахнется на очень многое? Например, если начнет доносить на высших чинов в своей сфере? Нет, конечно. Имеется другой закон коммунальной жизни – закон соразмерности. Индивид согласно этому закону должен убедить окружающих (или хотя бы наиболее влиятельную их часть) в том, что его претензии не угрожают их положению. Если индивид рискнет нарушить этот закон, он должен использовать другой закон из той же категории, а именно – поставить власть имущих и влиятельных лиц в ситуацию, когда они будут вынуждены удовлетворить непомерные претензии индивида. Но это бывает редко. Обычно же наряду с законом соразмерности действует закон постепенности. Индивид должен претендовать на большой кусок, предварительно получив кусок поменьше, привыкнув к нему

и приучив окружающих к нему как к вполне заслуженному. При этом его нарастающие претензии выглядят естественной платой за его заслуги. Кроме того, на каждого прохвоста, начинающего свой жизненный путь, найдется другой прохвост, который имеет репутацию еще большего прохвоста. Это – тоже закон: индивиды выталкивают из своей среды выдающихся негодяев, чтобы их собственная негодяйность не была заметна и выглядела как порядочность. И путь начинающего прохвоста должен выглядеть как путь развития коммунистического общества от большего негодяйства к меньшему, т.е. как прогресс. Быть участником прогресса, быть передовым и прогрессивным, – это есть тоже требование к индивидам коммунистического общества.

В моих книгах приведены многочисленные правила коммунального поведения и проиллюстрированы примерами, взятыми из опыта советской жизни. Приведу еще два гипотетических примера, на которых проиллюстрирую некоторые общие положения. Пример первый. Представьте себе некоторую область деятельности, участники которой более или менее одинаковы или во всяком случае сопоставимы. Здесь есть свои выдающиеся фигуры и свои слабые индивиды. Но разница между ними не столь уж велика, все это понимают. Но вот они замечают, что в их среде появляется индивид, который вскоре может очень значительно превзойти их всех. Будут они радоваться этому событию, которое обещает отбросить их на очень низкий престижный уровень? Конечно, нет. Они будут огорчены и будут мечтать о том, чтобы такой индивид не состоялся. Но это их состояние вполне естественно, – вот в чем дело. Правила коммунального поведения вообще естественны. Если этим людям представится возможность без ущерба для себя помешать появлению угрожающего им индивида, они это сделают. Но может ли этот индивид пробиться? Может, если есть другие люди, которые заинтересованы в его появлении в своих личных целях и которые способны охранить его от его коллег, прилагающих усилия, чтобы его не было. Такие случаи постоянно происходят в спорте, в науке, в искусстве и других сферах жизни. Эти другие люди, помогающие индивиду пробиться, тоже действуют по коммунальным правилам. У них свои заботы. В реальной жизни происходит такое сложное переплетение интересов и действий людей, что усмотреть в этом клубке откровенное действие коммунальных правил оказывается возможным лишь в редких случаях. И в целом складывается лицемерная атмосфера дружбы, взаимопомощи, взаимовыручки. Подлинные механизмы поведения людей глубоко прячутся в мешанине действий и слов.

Другой пример. Пусть писатель А написал хорошую книгу. Пусть писатель В есть враг А и хочет причинить последнему зло. Для посторонних наблюдателей он защищает книгу А. Но как? Защищать можно по-разному. Так вот В, защищая А, низводит книгу А до некоего посредственного уровня. Ругать А он не может, это будет дискредитировать В и привлекать внимание к А. И потому В хвалит А, сохраняя репутацию порядочного человека и низводя А до уровня посредственности. В этих условиях В наносит ущерб А нужным для себя образом. Пример этот хотя и гипотетичен по форме изложения, но он не выдуман и весьма характерен. В наше время сравнительно высокой образованности людей вырабатываются удивительно тонкие и эффективные навыки вредить ближнему без какого-либо ущерба для себя, даже с выгодой для своей репутации. Правила коммунального поведения сохраняют полную силу в глубинах нашей жизни, каким бы благопристойным общество ни выглядело на поверхности.

Коммунальное поведение сложных индивидов (т.е. групп людей и групп из групп) сводится к поведению их руководящих органов, а поведение последних сводится к поведению простейших индивидов. Конечно, в связи со сложностью объединений людей, представляемых простыми индивидами, появляются новые правила поведения последних. Однако в общем и целом поведение сложных индивидов аналогично простым. С этой точки зрения, например, Советский Союз в целом поступает так, как средне-характерный советский человек: он ненадежен, лжив, лицемерен, становится хамом, чувствуя превосходство в силе, готов лебезить перед более сильным, и вместе с тем он искренен во всем. На Западе удивляются поведению Советского Союза в лице его руководства. А между тем оно вполне естественно. Эта страна – классический образец коммунального индивида. Здесь совпадение типов поведения отдельных людей, отдельных коммун и страны в целом поистине поразительное.

Коммунальные отношения

Основные коммунальные отношения индивидов суть отношения индивида к группе, членом которой он является, отношения группы к индивиду, отношения между индивидами внутри группы. Производные коммунальные отношения суть, например, отношения индивида к другим индивидам вне группы, индивида к обществу в целом и общества к нему.

подавляющее большинство индивидов входит в общество не непосредственно, а через группу или иерархию групп. Отношение индивида и его ближайшей группы характеризуется степенью зависимости индивида от группы и степенью зависимости группы от индивида. Первая имеет тенденцию к максимальному увеличению, а вторая – к максимальному уменьшению. Группа стремится создать для индивида такую ситуацию, чтобы все, что он получает от общества, он получал бы в зависимости от группы, и чтобы все, что он может отдать обществу, отдавал бы в зависимости от группы. Группа стремится контролировать поощрения и наказания индивида, его производительную деятельность и личную жизнь. И группа имеет для этого основания и известную силу, ибо это – плата индивида за участие в общественной жизни: повторяю, он участвует в ней как член группы, а не сам по себе. Бывают, конечно, индивиды, которые обладают большой степенью независимости от ближайшей группы. Но это – исключения. К тому же в таких случаях есть какая-то другая нечетко оформленная группа, в которую он фактически входит. Зависимость индивида от группы есть фактически зависимость его от каких-то членов группы, которые выполняют функции контроля группы за этим индивидом. Эти контролирующие индивиды могут меняться в зависимости от ситуации. Но тут есть тенденция к стабильности. Обычно эту функцию выполняет руководитель (начальник, лидер) группы и его официальные или добровольные помощники. Другие члены группы, особенно – конфликтующие с данным индивидом, помогают им. Такой контроль есть вполне естественное и здоровое явление, без которого невозможна целостность группы как коммунального индивида. Люди суть явления природы, а для последней не имеет значения, как расценивают ее кусочки ее необходимые связи.

Индивид стремится ослабить свою зависимость от группы, на что группа реагирует в соответствии с принципом «Незаменимых людей нет». Индивид знает это и обычно держится в рамках меры. Мера нарушается в тех случаях, когда индивид покидает группу или лишь формально считается ее членом. Если индивид не имеет сильной защиты вне покидаемой группы, последняя так или иначе наказывает его. Конфликты индивида и группы обычно кончаются в пользу группы, если индивид не поддерживается извне. Отношения индивида и группы прекрасно изучены на материале отдельных типов групп, особенно – гангстерских банд. Я здесь лишь фиксирую их общие закономерности. Гангстерские группы можно рассматривать как своего рода лабораторные экземпляры, в которых научные абстракции воплощаются с предельной резкостью.

»Коммунальные отношения внутри группы разделяются на отношения субординации и координации. Отношения субординации, суть отношения начальствования и подчинения. Они выражают результат разделения функций управляющего органа и управляемого тела. Конечно, в этих отношениях есть элемент насилия и сами они порой устанавливаются в результате насилия одних людей над другими. Однако в основе насилия лежит добровольность. Подчиненные признают начальство в качестве такового и выполняют его волю, что дает им возможность существовать. Начальство же зависит от подчиненных в том смысле, что его положение и перспективы зависят от поведения подчиненных. Это отношение есть отношение взаимовыгодной зависимости, что обеспечивает прочность общества, базирующегося на таких отношениях. Явления конфликтов между начальниками и подчиненными и стремления нарушить эту форму зависимости должны быть поняты как производные от позитивного аспекта этих отношений.

Отношения начальствования и подчинения есть частный случай отношения господства и подчинения. Особенность их состоит в том, что начальствующие лица здесь избираются или назначаются по закону или обычаю, а не становятся таковыми в силу привилегии рождения, экономического превосходства, физического насилия и других некоммунальных

обстоятельств. Конечно, и эти обстоятельства играют роль. Но в исходном пункте их следует исключить, ибо не в них суть дела. Дети крупных начальников, например, имеют больше шансов занять руководящие посты, но начальниками они все же становятся по правилам избрания или назначения, которое признается членами общества в качестве справедливого.

Отношение начальствования и подчинения, очевидно, в самом исходном пункте есть неравенство. Оно в принципе неустранимо, раз существует общество. В силу иерархии групп оно еще более усиливается, ибо ранг социальной позиции начальника растет с ростом ранга руководимой им группы в иерархии групп. Отношение начальствования и подчинения становится одной из основ различных форм насилия в обществе, в котором коммунальные отношения являются всеобщими и поощряемыми. Общий принцип этого отношения таков: социальная позиция руководителя (начальника) выше, чем подчиненного, он представляет большую ценность для группы, чем подчиненный, его вознаграждение выше, чем вознаграждение подчиненного. Этот принцип так или иначе признается всеми, ибо без него нет единства группы. Начальник стремится к максимальной степени зависимости подчиненных от него и минимальной степени зависимости себя от подчиненных. Подчиненные же, естественно, стремятся ослабить степень своей зависимости от начальника и усилить его зависимость от них. Лишь в борьбе тенденций достигается некая нормальная мера. Она постоянно нарушается, ибо общественная жизнь есть живой и очень изменчивый процесс. Но есть средства так или иначе восстановить меру или произвести переформирование индивидов в группы.

Отношения соподчинения (координации, сотрудничества) регулируются такими принципами. Наибольшую опасность для индивида представляет другой индивид, превосходящий его по своим возможностям (по каким-то признакам, существенным с точки зрения социального бытия, – по интеллекту, талантам в области искусства, изворотливости, красноречию, корыстолюбию). Отсюда – стремление ослабить социальную позицию другого индивида; не допустить усиления, если ослабить нельзя; свести усиление к минимуму, если нельзя помешать усилению. Так что обычно встречающаяся двуличность, доносы, клевета, подсиживание, предательство, суть не отклонение от нормы, а именно норма. Тогда как обратные им качества суть исключения. Особый протест у индивидов вызывают случаи, когда их реальные коллеги (сослуживцы) или лица аналогичного социального положения добиваются в чем-то успехов, заметно превосходящих средний уровень (особенно – в среде научных работников, деятелей искусства, в спорте). В этих случаях они прилагают невероятные усилия к тому, чтобы этого не допустить или свести успех коллеги к минимуму. С другой стороны, слишком сильное ослабление позиций других индивидов также нежелательно, ибо оно угрожает хлопотами и заботой. Неизбежным следствием рассмотренных принципов сотрудничества является тенденция к осреднению индивидов. Будь как все – вот основа основ общества, в котором коммунальные законы играют первую скрипку. Индивид стремится к максимальной независимости от всех других индивидов и стремится максимально подчинить, по крайней мере, одного-другого индивида. Индивид стремится переложить на других неприятные дела, которые должен делать сам. Если индивид может безнаказанно нарушить нормы морали в отношении других индивидов и ему это нужно, он их нарушает. Если индивид имеет возможность безнаказанно причинить другому зло и ему это нужно, он его причиняет. Если индивид может безнаказанно присвоить продукты чужого труда и ему это нужно, он это делает (примеры этого бесчисленны; взять хотя бы практику присуждения премий, выдачу авторских свидетельств на изобретения, поездки на конгрессы, плагиат). Индивид стремится уклониться от ответственности и переложить ее на других. Перечень таких принципов можно продолжить. Они, в общем, известны каждому из его личного опыта, впрочем – лишь как недостатки других.

Внегрупповые коммунальные отношения индивидов строятся по принципу переноса на них правил внутригрупповых отношений. Этому есть основания. Во-первых, вырабатываются определенные навыки поведения. Во-вторых, всякий индивид, с которым приходится иметь дело данному индивиду вне его группы, воспринимается как возможный сотрудник, возможный начальник или возможный подчиненный. Кроме того, имеются многочисленные случаи, когда индивид по роду своей работы имеет дело с другими индивидами регулярно (продавцы, милиционеры, служащие канцелярий, преподаватели), становясь по отношению к

этим индивидам в положение, ничем не отличающееся от отношений в группах. Так что здесь складываются неоформленные квазикоммунальные группы, действующие по принципам коммунальных. Более того, в таких случаях коммунальные законы действуют более открыто в силу того обстоятельства, что здесь менее эффективны сдерживающие факторы. Хамство и произвол мелких и крупных чиновников, грубость продавцов, произвол милиции, открытое взяточничество в системе услуг и учебных заведениях, бесконечная бумажная волокита, – все это не мелкие недостатки, а суть дела.

Положение индивида в квазикоммунальных группах не обязательно совпадает с положением в обычных группах. Здесь начальник обычной группы может оказаться в положении подчиненного, и наоборот (хотя реже). Социально-психологический закон переключения внимания и компенсации чаще реализуется во внегрупповых отношениях. Заключается этот закон в следующем: если индивиду нужно причинить зло другому индивиду, но он это не может сделать, он в порядке компенсации выбирает в качестве жертвы другого, более или менее подходящего индивида, которому он может причинить зло с наименьшим риском для себя.

Для отношений коммунальности характерна не конкуренция независимых индивидов, а взаимное связывание и стремление как-то его ослабить и преодолеть.

Руководство

Вопрос о руководителях (начальниках) и руководстве вообще надо рассмотреть особо, ибо в них воплощается ум, честь и совесть общества.

С самого начала сформулирую фундаментальную абстракцию, на которой должен базироваться последующий анализ руководителей в коммунистическом обществе. На роль руководителей выталкиваются подходящие для этого люди. Руководители, конечно, выполняют в группах определенные деловые функции. Для этого требуется какой-то минимум образованности, ума и деловых способностей, которыми в массе людей обладают очень многие. Так что этот аспект дела предполагается, но не играет решающей роли. Когда обществу требуются сотни тысяч и даже миллионы начальников, то бессмысленно говорить об отборе наиболее способных в деловом отношении. Тем более в коммунистическом обществе, в котором исключена конкуренция в буржуазном смысле, этот аспект практически теряет доминирующее значение. Ситуация здесь подобна той, какая имеет место в стране, где миллионы людей имеют автомашины: здесь нужны особые обстоятельства, чтобы не быть допущенным до роли водителя.

Лаконичное, но довольно полное для начала описание руководства в обществе, в котором господствует коммунальность, дано в книге «Зияющие высоты». Приведу его с небольшими сокращениями, ибо считаю его достаточно точным и с научной точки зрения.

Вопрос о руководителе есть один из центральных для социологии, ибо это есть вопрос о том, что из себя представляют социальные группы данного общества. В принципе руководитель адекватен в социальном отношении группе. Социальный тип общества в значительной мере характеризуется типом руководителя.

Позиция руководителя есть более выгодная социальная позиция, чем позиция руководимого, что очевидно всем нормальным людям. Потому руководство не есть функция, которую благородные великомученики выполняют на благо народа. Это позиция, за которую идет ожесточенная борьба. Чем выше ранг руководителя, тем выше его позиция, тем больше благ он имеет, тем защищеннее его положение, и потому тем ожесточеннее борьба за эту позицию. Важнейший принцип действий руководителя – представить свои личные интересы как интересы руководимой группы и использовать руководимую группу в своих личных интересах. Если руководитель и предпринимает какие-то действия в интересах группы, это есть лишь одно из средств достижения им личных целей, и прежде всего – одно из средств карьеры. Человек, хорошо организовавший дело, в некоторых случаях, но далеко не всегда, имеет больше шансов на карьеру. Но чаще карьера бывает успешнее за счет кажущихся, а не действительных усовершенствований и улучшений, – одна из основ очковтирательства, дезинформации, намеренного обмана. Надежды на то, что руководство примет меры,

позаботится, улучшит, – детски наивные иллюзии. Руководство предпочитает демагогию об улучшении реальному улучшению, а если и идет на улучшение, то из страха ослабить позиции без этих улучшений, из желания усилить свои позиции, из-за внутренних своих интриг. Что же касается действия коммунальных законов, то руководство не только не стремится их ограничить, но стремится их всемерно поощрить, ибо само оно – наиболее концентрированный продукт этих законов. Аналогично обстоит дело с соотношением интересов дела группы и интересов руководителя группы. Лишь в силу внешних, а не коммунальных причин может случиться так, что руководитель группы добивается личных целей путем обеспечения интересов дела. В качестве социальной нормы имеет силу тенденция сделать ход дела группы независимым от руководителя не только с точки зрения его социального положения, но и с точки зрения организации самого дела. Социальное положение руководителя имеет тенденцию к независимости как частный случай общего закона для всех членов группы. Дело руководителя есть не дело группы, а дело по выдвижению в руководители, по сохранению этого поста, по использованию его в своих интересах, в том числе – для карьеры.

Правила, по которым люди выдвигаются в руководители и делают служебную карьеру, вырабатываются исторически и становятся обычными. И по этим правилам на низших уровнях отбирается среднебездарный (или способный, что одно и то же) и среднеглупый (или умный) индивид, наиболее удобный в роли руководителя со многих точек зрения. Поскольку руководители высших рангов отбираются уже из числа руководителей низших рангов, то здесь опять-таки действует тот же закон отбора, и с повышением ранга руководителей происходит понижение реальной ценности индивида (в том числе – снижение интеллектуального потенциала, уровня культуры, уровня профессиональности).

Имеются, однако, обстоятельства, компенсирующие эту тенденцию. Первое – наличие огромных штатов помощников, референтов, заместителей, а также эксплуатации различного рода учреждений. Причем чем выше ранг руководителя, тем больше группа, реализующая его руководство. Например, доклады, читаемые крупными руководителями, состоят сотнями квалифицированных людей. Сами руководители, читающие свои доклады, не только не способны их написать, но в большинстве случаев даже толком в них разобраться. Однако все упомянутые лица сами являются коммунальными индивидами. И попадают они в окружение руководителя по общим законам делания карьеры. Так что рассматриваемая компенсация в значительной мере фиктивна. Второе обстоятельство – эффект системы, когда достаточно большая группа специалистов, придерживающихся установленной системы правил деятельности, так или иначе добивается желаемого результата.

Третье обстоятельство – примитивизация функций управления с увеличением ранга руководителя. Дело в том, что индивид, какое бы положение он ни занимал, в силу своей физической ограниченности способен вступить в контакт лишь с ограниченным числом людей и высказать ограниченное число суждений. Тем более – мало-мальски обдуманных. И любой самый средний (среднеспособный и среднеобразованный) индивид за среднесрочный срок способен овладеть функциями управления на любом уровне, пройдя соответствующие этапы карьеры. Трудность здесь состоит не в трудностях деятельности управления как интеллектуальной деятельности, а в трудностях самого делания карьеры как особого рода профессиональной деятельности. Профессия руководителя заключается главным образом в том, чтобы уметь удерживаться, пробиваться, лавировать. И лишь в незначительной мере она связана с внешним делом – с руководством людьми. Потому на роль руководителей заявляют претензии лица, наименее связанные с соображениями морали и наиболее бездарные с какой-то иной, профессиональной точки зрения. Индивид, вступивший на путь карьеры руководителя, скоро убеждается в том, что это – наиболее легкий с точки зрения ума и способностей и наиболее выгодный с точки зрения вознаграждения вид деятельности. Число лиц, отказывающихся потом от этой деятельности, настолько ничтожно, что их практически нет. Так что ничего ненормального нет в том, что выжившие из ума старики занимают руководящие посты и добровольно не покидают их. К тому же руководитель в таких случаях, начиная с некоторого уровня, становится лишь символом большой группы лиц, стоящих у власти.

Наконец, надо заметить, что начальствование в условиях, когда нет никакой иной силы,

от которой оно зависело бы существенным образом, порождает систему производства жизни, в которой есть господа, но нет хозяев, несущих личную ответственность за дело, вкладывающих в дело свою индивидуальность, – систему бесхозяйственности, безответственности, обезличенности. Господа стремятся лишь урвать и занять более выгодное положение для этого, не думая о несколько более отдаленных последствиях. По изложенным причинам в системе руководства складывается гангстерская система сознания и форма поведения, сознание моральной незаконности и непрочности своего положения и потребность в постоянном оправдании, подтверждении, искоренении.

Свойственное индивиду стремление присвоить себе положительные результаты деятельности других и переложить ответственность за отрицательные результаты своих действий на других в случае с руководящими индивидами (и в том числе – руководящими организациями) принимает такую форму. Все успехи, достигнутые каким-то образом данным обществом (общественной группой), считаются успехами, достигнутыми благодаря мудрости руководства. Причем не играет никакой роли степень и характер участия руководства в достижении этих результатов. Если даже они получены вопреки воле руководства, они все равно в силу приведенного закона рассматриваются как успехи этого руководства. Успехи, достигнутые при данном руководстве, суть успехи этого руководства. Этот закон имеет настолько мощную силу, что даже все ранее гонимые и затем реабилитированные явления культуры изображаются как продукт высшей мудрости начальства. И даже явления, вообще не зависящие от руководства (например, хорошую погоду, старинные памятники культуры, природные богатства), руководители склонны рассматривать как нечто, даруемое лично ими людям. Далее ответственность за все отрицательные последствия хозяйничанья руководства несет не руководство, а те лица, слои, организации, которых руководство сочтет подходящим для возложения на них вины за эти последствия. Оно имеет возможность это делать и делает. Руководство не делает ошибок. Обычно виновные легко находятся. Но бывают случаи, когда найти подходящих виновных трудно, и тогда их изобретают. Поскольку различить явления, которые суть следствия плохого руководства, и явления, которые все равно имели бы место при любом руководстве, практически трудно и даже невозможно, то виновные отыскиваются для любых отрицательных явлений жизни, о которых можно подумать, что они могли бы быть результатом плохого руководства. В таких случаях руководство действует слепо формально. Общеизвестные случаи, когда руководители стремились представить свои преступные акции как волеизъявление народа или как одобряемые народом, суть частный случай действия рассматриваемых законов. Отсюда стремление руководителей представить свою деятельность как деятельность на благо народа, волею народа и самого народа вообще. Это удобно. Успехи народа всегда можно представить как результат действия народа или действий, выражающих его волю и интересы. Стремление преступных или аморальных руководителей сделать как можно больше людей соучастниками своих преступных или аморальных действий есть не злой умысел отдельных лиц, а продукт действия коммунальных законов, которым следуют (часто – с великим удовольствием) люди.

Карьеризм

Говоря о карьеризме, обычно не различают два различных явления: 1) карьеризм как человеческое качество, осуждаемое из моральных соображений; 2) карьеризм как желание и стремление людей продвигаться по ступеням служебной лестницы, вполне естественное для всякого сложного и иерархизированного общества. Карьеризм в первом смысле есть во всяком обществе. Он осуждается и в коммунистическом обществе. Карьеризм во втором смысле развивается здесь в высшей степени, ибо здесь лишь очень немногие люди могут достичь высокого уровня жизни исключительно за счет личного труда и талантов. Это, например, писатели и художники. Но и тут это касается единиц. В массе же и здесь есть свои степени, звания, посты, привилегированные позиции. Иерархия в кругах ученых приближается здесь по числу ступеней к армейской. Здесь даже люди, родившиеся в высших слоях общества, используют свое преимущество как средство карьеры. Само по себе оно еще не есть карьера. Число всяких постов здесь огромно. Огромно и число ступеней в их

иерархии. Так что продвижение по служебной лестнице становится здесь нормальным и привычным делом для многих миллионов людей. И главным, а для большинства – единственным средством повышения жизненного уровня, удовлетворения деловых потребностей и тщеславия и других элементов социальной жизни.

Существует детально разработанная система неписаных правил делания карьеры, составляющая часть системы правил коммунального поведения. Она довольно подробно описана в моих книгах. Приведу некоторые отрывки из них, дабы читатель получил хотя бы первоначальное представление об этом. В «Зияющих высотах» сформулированы, например, такие три принципа делания карьеры: карьеру не делают, карьера делается сама собой. Если она делается, ей не надо мешать. Всякая помощь делающейся карьере ведет к помехам. Если карьера не делается, надо подождать, когда она начнет делаться. Если это не происходит, карьера бессмысленна. Единственное, что требуется от индивида, жаждущего сделать карьеру, это обнаружить себя перед обществом в качестве потенциального карьериста и ждать последствий. Как правило, желаемые последствия наступают. Надо только уметь их дожидаться и вовремя распознать. Карьерист, перескочивший хотя бы через одну ступень нормальной карьеры, должен убедить всех в том, что он удовлетворен достигнутым и не намерен прыгать далее. Какими бы прогрессивными и передовыми ни были новые или старые веяния, делающий карьеру индивид должен убедить всех заинтересованных в том, что он менее прогрессивен и менее передовой, чем сами эти общие веяния.

А вот что сказано в книге «В преддверии рая». Имеется несколько каналов карьеры. Каждый из них характеризуется возможной высотой подъема, шансами вознестись на ту или иную высоту, выгодами, которые сулит этот путь, и ценой, которую приходится за это платить. Между каналами имеются различного рода взаимоотношения. Вот один из законов для этого. Пусть имеются три канала А, В и С, такие, что А превосходит В, а В превосходит С по высоте подъема. Пусть вы делали карьеру по каналу В и решили почему-то или вынуждены сменить канал. Если вы переходите в канал А, то независимо от должности в глазах людей, от которых зависит ваше дальнейшее продвижение, вы опускаетесь на ступень карьеры ниже, чем были в канале В, т.е. ваше продвижение относительно задерживается. И наоборот, при переходе в канал С продвижение относительно ускоряется. Сохраняется некоторая константа карьеры: в первом случае вы платите за улучшение перспектив, во втором вам платят за их ухудшение.

Подобно тому, как в армии есть общевойсковые командиры и командиры родов войск, так и в деле карьеры есть карьеристы широкого и узкого профиля. Карьеристы широкого профиля идут путем общепартийной или партийно-представительной работы (секретари парторганизации учреждений, райкомов, горкомов, обкомов). Желających идти этим путем много, но выбиваются на него немногие. Общая цифра таких выбившихся по стране колоссальна. Она невелика сравнительно с числом претендовавших. Отбор на общепартийную карьеру производится самый тщательный и по многим параметрам, – это святая святых системы воспроизводства власти партии. И именно потому, что отбор производится многими лицами и инстанциями и по многим параметрам, отбирается самый средний и заурядный человек с безупречной анкетой. Здесь происходит нечто подобное тому, как если бы устроили соревнование по ста видам спорта, то чемпионом оказался бы весьма посредственный с точки зрения отдельных видов спорта человек. Канал партийного аппарата отличается от общепартийного, как штабной путь военной карьеры от командного. Карьеристы общепартийного канала избираются в партийные бюро, на районные, городские и партийные конференции, на партийные съезды, избираются секретарями бюро, райкомов, горкомов, членами ЦК и Политбюро. Хотя эти выборы суть липа с западной точки зрения, формально это – выбор. Члены же партийного аппарата отбираются на обычных основаниях. Строго, по особым признакам. Но формально не выбираются на собраниях. В аппарат люди уходят тихо и незаметно. Отбор людей туда не афишируется. Отбираются туда люди не то чтобы способные и не то чтобы очень серые, а такие, чтобы могли выполнять чпновничье-бюрократические функции и чтобы были надежными по иным критериям, ибо в аппарате приходится иметь дело с реальной властью и делами важными.

Проблема делания карьеры есть проблема номер один для подавляющего большинства самой активной части общества. Описать систему правил делания карьеры в

коммунистическом обществе – значит в значительной мере описать само это общество и доминирующий тип человека. Занять определенное положение на иерархической служебной лестнице, удержать это положение за собой, вести себя так, чтобы иметь перспективу сделать следующий шаг, – вот основа основ, ядро, стержень, пружина жизни и деятельности самой активной и творческой части общества. Между прочим, потребность сделать следующий шаг в карьере есть сначала средство удержать и закрепить за собой предыдущее положение и лишь затем некоторое движение вперед. Эта вынужденность соблюдать правила овладения положением и сохранения его превращает лучшую часть граждан общества в тварей, вызывающих ужас и гнев всякого рода морализаторов. А между тем сами эти твари и их окружение не видят здесь ничего ужасного. Они воспринимают правила карьерного поведения так же, как светские люди – правила хорошего тона. Правила есть правила. И между прочим, согласно этим правилам в массе делающих карьеру людей осуществляется своего рода справедливость: в массе, в среднем, в тенденции люди оказываются адекватными своим должностям. Конечно, и другие люди могли бы быть адекватными этим должностям, а может быть, чуточку лучше. Но что поделаешь, всех людей министрами, генералами, академиками, директорами не сделаешь.

Добавлю к сказанному еще то, что начиная с некоторого уровня иерархии ход дела вообще не зависит от того, кто стоит во главе его. Он зависит от общей установки в отношении этого дела и общих законов системы. И руководитель действует в этих рамках. Он мог принимать участие в выработке этой установки, но это не меняет его положения в дальнейшем. Если человек хочет попасть на место руководителя какого-то дела, он должен зарекомендовать себя определенным образом в глазах тех, от кого зависит его назначение. Причем обычно жаждущие места руководители не рассчитывают непременно на данное место. Они рассчитывают на какое-то место. А решающие его судьбу лица и инстанции производят отбор кандидата из числа данных карьеристов на данное вакантное место. Решающую роль при этом играют личные интересы и соображения множества лиц, участвующих в отборе и назначении руководителями. Отбор производится по многим параметрам, среди которых интеллектуальный уровень кандидатов играет весьма второстепенную роль. Это дает преимущества в карьере людям посредственным. В каждом частном случае это особого значения не имеет, – в среднем и посредственные люди выполняют положенные функции удовлетворительно. Но в целом это способствует тенденции к снижению интеллектуального уровня руководства и общества вообще.

Случай с карьеризмом характерен с методологической точки зрения. Многие отрицательные качества людей и общества в целом можно видеть и в других обществах. Но это несколько не обеляет общество коммунистическое. Для меня важно констатировать, что они есть и тут, что они тут процветают. Для меня, далее, важно показать, почему они тут постоянно возникают и каков механизм их возникновения. В данном случае с карьеризмом мы видим следующее. В коммунистическом обществе в силу неотвратимых законов организации и управления постоянно имеется огромное количество должностей руководителей и их сложная иерархия. Продвижение людей по служебной лестнице является естественным и необходимым явлением существования общества. Выдающиеся таланты и трудолюбие играют в стремлении людей улучшить свое положение сравнительно небольшую роль. Они годятся для немногих. И даже для большинства из тех, кто этими качествами обладает, они так или иначе служат лишь средством в карьере. Средние и даже минимальные способности и подготовка достаточны для исполнения всех (или большинства) функций руководства. По этим и другим причинам (о которых я частично уже говорил и еще буду говорить дальше) в обществе идет постоянная ожесточенная борьба людей за руководящие посты, порождающая естественным образом такое морально осуждаемое качество, как карьеризм. Причем в этой системе всеобщего буйства карьеризма в качестве карьеристов уже начинают рассматриваться индивиды особого рода, которых не любят сами официально и фактически признанные карьеристы.

Допущения и реальность

Хочу обратить внимание читателя на то, что хотя я до сих пор говорил о коммунальности как об общечеловеческом явлении, я рассматривал ее в том виде, в каком она приобретает господствующее положение в жизни людей. А это имеет место уже в развитом коммунистическом обществе. При этом, далее, я явно или неявно принимал ряд допущений. Вот наиболее характерные из них: 1) все коммунальные действия индивиды совершают добровольно – эти их действия свободны; 2) каждый коммунальный индивид занимает в обществе положение, адекватное его личной ценности; 3) каждый получает от общества соответственно своему вкладу; 4) потребности индивида адекватны его социальной позиции. Из этих допущений логически следуют другие утверждения, например, такие: 5) вознаграждение индивида адекватно его социальному положению; 6) потребности индивидов всегда удовлетворяются. Эти допущения и следствия из них не произвольны, они отражают фактические закономерности и тенденции общества. Я пришел к ним из наблюдения фактов. Но чтобы сделать такие допущения, я должен был проделать сложные операции по отвлечению от обстоятельств, скрывающих и модифицирующих проявление этих принципов (законов) общественной жизни в условиях коммунизма. А это – чисто интеллектуальная операция, исследовательский прием, который сам по себе ничего не отражает, но с помощью которого осуществляется отражение (познание).

Но сами по себе такие допущения еще ничего не значат, если не указать, каким образом реализуются такого рода принципы в самой жизни людей. Я это постараюсь пояснить на принципе эквивалентности для отношения обмена между индивидом и обществом (допущение 3). По всей вероятности, принцип эквивалентности обмена есть общеприродный принцип. Различны лишь механизмы его реализации.

Возьмем отношение «индивид-общество». Индивид нечто отдает обществу (труд, услуги). Но он отдает одно, а получает другое. Отдаваемое и получаемое несравнимы сами по себе. Каким же образом можно судить о том, что обмен эквивалентен? Для этой цели общество имеет очень эффективный механизм, который в простейшем виде я описываю так. Я беру отношение к обществу не одного индивида, а по крайней мере двух индивидов одинакового социального уровня (пусть это суть индивиды А и В). Принципы таковы: 1) если индивид А отдает обществу больше, чем индивид В (а тут сравнение возможно!), то он не может получать меньше, чем В (и тут сравнение возможно!); 2) если индивид А отдает обществу меньше, чем В, то он не может получать больше, чем В. Из этих принципов следует, что если А и В отдают одинаково, то и получать должны одинаково. И коллектив, через который А и В отдают свои услуги обществу, следит, чтобы эти принципы выполнялись. И они выполняются, но – более или менее точно, в тенденции, через отклонения, в борьбе. А источник этой борьбы – другие принципы, восходящие к самим индивидам: 1) один индивид стремится к тому, чтобы другой не получил больше, чем он, за такие же услуги; 2) но сам индивид стремится получить больше, чем другой, за такие же услуги.

Тот тип сравнения, о котором я говорил, уместен лишь в том случае, если индивиды занимают одинаковое социальное положение. А если они занимают различное положение? Как, например, сравнивать вклад в общество директора института и рядового сотрудника? Руководствоваться тут принципом стоимости подготовки бессмысленно. Подготовка, например, хорошего переводчика – дело более кропотливое, чем подготовка директора. Ту работу, которую выполняют некоторые младшие сотрудники, могут делать единицы. А быть директором способна по крайней мере третья часть сотрудников учреждения. Стоимостная оценка вообще здесь бессмысленна. И нет никаких других способов сравнения, чем сами занимаемые позиции. Тем более согласно моим фундаментальным допущениям положение индивида адекватно его личной ценности для общества. Поэтому тут действуют следующие принципы. Пусть позиция А выше позиции В. Принцип ранговости с точки зрения А выглядит так: А отдает обществу больше, чем В. Следствие: А имеет от общества больше, чем В. Этот же принцип с точки зрения В: А отдает обществу не меньше, чем В. Следствие: А должен иметь от общества не меньше, чем В. Так что В признает справедливой возможность некоторого неравенства, а А настаивает на необходимости неравенства. Величина неравенства

устанавливается опытным путем, зависит от традиции. Но общим является принцип осязаемости неравенства вознаграждения, без которого структурирование групп теряет смысл, и общество обрекается на распад или брожение, в лучшем случае – на злоупотребления служебным положением и незаконные доходы. Неравенство в распределении, если не будет признано официально, будет так или иначе введено неофициально. Оно вытекает из самых основных принципов организации общества. Оно нисколько не противоречит принципам марксистского социализма и коммунизма. Наоборот, только через это неравенство они и могут воплотиться в жизнь.

Помимо трудностей реализации коммунальных принципов в действительности, которые вынуждают людей на жестокую борьбу как за их соблюдение, так и за их нарушение, тут действует эффект массовости действий людей, который все время нарушает гипотетическую четкость фундаментальных допущений. Возьмем, например, допущение 1, согласно которому коммунальные действия, взятые по отдельности, индивиды совершают добровольно, – эти их действия свободны. Это не исключает действий по принуждению. Однако в основе лежит добровольность. Только здесь надо пояснить сами понятия добровольности и принуждения. Возьмем такой простой гипотетический пример. Вас на войне окружил превосходящий по силам противник. Вам предлагают сдаться, угрожая в противном случае уничтожением. И вы соглашаетесь сдаться. Является это действие добровольным или нет? Если оставить в стороне ненужную казуистику, это действие следует рассматривать как добровольное. Вы имели свободу выбора: сдаваться или сражаться. Вас никак не принуждают делать выбор, – это было предоставлено вам самим. Но вы произвели социальный расчет, т.е. обдумали последствия того или иного выбора и предпочли капитуляцию. В аналогичном смысле свободны и добровольны коммунальные поступки, если их рассматривать по отдельности.

Но когда мы начинаем рассматривать множество коммунальных поступков множества индивидов, т.е. рассматривать их как массовые явления, то в силу самих определений понятий для массовых случаев будет иметь место иное соотношение добровольности и принуждения. В условиях коммунистического общества вырабатывается стандартная реакция масс людей на определенного рода поступки друг друга, и эту возможную реакцию индивиды принимают во внимание перед тем, как решают совершить или не совершать эти поступки. Это не значит, что они в массе ломают голову над расчетами последствий. Последние более или менее очевидны, и люди следуют коммунальным правилам почти автоматически. И с этой точки зрения добровольность (свобода выбора) практически сводится к ничтожной величине, и правила коммунальности приобретают принудительную силу. Это – пример того, как оказываются возможными противоположные суждения на одну и ту же тему. Но тут нет никакого логического противоречия. Тут одно суждение верно при условии отвлечения отдельного поступка отдельного индивида, а другое – при том условии, что большая масса людей совершает стандартные поступки в стандартных условиях. В применении к конкретно/ реальности имеет силу как первое, так и второе суждение одновременно. Но теперь они просто теряют смысл, уступая место другим суждениям и понятиям, – другой ориентации внимания.

Опыт реального коммунизма дает достаточно материала, чтобы констатировать следующее в высшей степени важное положение: выдвигая лозунги и всякого рода программы преобразования общества, надо подумать о том, как они будут реализовываться в практической жизни больших масс населения. Причем по крайней мере для многих из них можно заранее предвидеть неотвратимые последствия их воплощения в жизнь, поскольку есть общие закономерности больших социальных систем, которых не могут избежать никакие реформаторы и сами участники социальных процессов. Приведенный выше пример с механизмом эквивалентного обмена достаточно очевиден на этот счет. Но нечто аналогичное имеет силу для любых социальных принципов и их реализации.

Я в своих исследованиях советского общества всегда руководствовался таким принципом: принимать относительно этого общества самые хорошие допущения, на какие только способны самые отпетые его апологеты, но затем показывать, как в реальном исполнении эти допущения порождают самые плохие следствия, дающие пищу для самых отпетых его разоблачителей. И это был не литературный прием, не моя личная склонность к парадоксальности суждений, а совершенно беспристрастный прием научного исследования,

благодаря которому можно объяснить сложную и подвижную реальность и преодолеть именно парадоксальность первых впечатлений.

Клеточка коммунистического общества

Чтобы понять, почему коммунальность приобретает столь роковое значение в жизни коммунистического общества, надо обратиться к его минимальным структурным ячейкам (клеточкам), из которых строятся как более крупные части общества, так и все общество со всеми его органами и тканями, – к первичным коллективам общества. Тогда мы увидим, что имеет максимально возможное совпадение законов жизни этих первичных коллективов с законами коммунальности. Такого полного совпадения коммунальности с клеточками всех прочих известных в истории типов обществ нет. Совпадение здесь настолько сильное, что кажется, будто сама коммунальность есть специфический продукт коммунизма, а не его исторический источник. Впрочем, тут есть частица истины: на базе коммунизма коммунальность расцветает пышным цветом и раскрывает все заложенные в ней потенции.

Ячейку коммунистического общества образует самая маленькая его часть, обладающая основными свойствами целого. Эта часть должна обладать некоторой целостностью и самостоятельностью. Это все общество в миниатюре. Вместе с тем, из таких частичек должно быть построено все общество. Но неверно думать, что из анализа ячейки можно вывести свойства всей системы. Коммунистическое общество есть продукт длительной истории. Она предполагает в качестве условия большое число людей, объединенных в целую страну, и большой исторический опыт. Оно формируется сразу по нескольким различным линиям, в том числе – по линии создания таких социальных образований, которые мы теперь, уже имея сложившееся общество, можем рассматривать как его ячейки. Оно формируется и по линии создания иерархии лиц и учреждений, системы власти, транспорта, образования, армии. Одновременно происходит формирование определенного строя жизни большого народа так, что какие-то образования в его составе становятся ячейками целого. Они объединяют группы людей этого народа по некоторым единым принципам. Так что ячейку можно обнаружить лишь в эмпирически данном, сложившемся целом. Это – тоже данный в опыте факт. Идея же выделения ячейки и осознание этой операции идет от техники науки. Более того, наличие и наблюдение общества в целом предопределяет то, что именно будет приниматься во внимание при рассмотрении ячейки. Рассматривая ячейку, мы должны рассматривать тем самым общество в целом, но в его простейшем виде. Или общество в целом мы при этом будем анализировать на его простейшем образце.

Что же образует ячейку коммунистического общества конкретно? Хотя это общество заключено в территориальные границы, разделено на районы, области и другие части, оно организуется в своей социальной основе не по территориальному, а по деловому принципу. Выражение «производственный принцип» здесь не годится, поскольку оно ассоциируется с производством материальных и духовных ценностей, которое здесь является частным видом деятельности, к тому же не основным. Деятельность по уничтожению инакомыслящих, по удушению правдивой литературы, по управлению не есть производство ценностей, но она играет здесь весьма важную роль. Деловую ячейку коммунистического общества образует организация, созданная для выполнения некоторых деловых функций и относительно автономная в этом своем деле. Это – первичная социально-экономическая организация, имеющая свою дирекцию (управление), бухгалтерию, отдел кадров, партийную организацию, в общем – хорошо всем известные заводы, институты, магазины, конторы, совхозы, школы... Для каждого взрослого и работоспособного члена общества ячейка есть то, где его берут на работу, где ему выплачивают зарплату, где он добивается успехов, делает карьеру, получает награды. Через ячейку социально активный член общества (работающий) включается в общество, отдает ему свои силы и получает вознаграждение.

Первичные деловые ячейки складываются и существуют по определенным правилам, независимо от того, для какого дела они складываются. Характер дела здесь не играет роли. Лишь бы влиятельные силы общества считали это дело нужным и отпускали средства на эту ячейку. Деловая ячейка вообще есть лишь способ, каким та или иная группа людей

приобретает средства существования и реализует свои намерения и интересы.

Общество дифференцируется и во многих других аспектах, но в любом из них основу образует ячейка (клеточная структура). Более того, деловая ячейка, повторяю, есть общество в миниатюре, а общество в целом есть многократно расчлененная деловая сверхячейка. Правила поведения людей и взаимоотношения их внутри ячеек определяют собою всю прочую систему поведения и взаимоотношения людей в обществе. Здесь формируется тип граждан со стандартной формой поведения. И отныне этот человеческий материал воспроизводится как продукт нормальной жизнедеятельности общества. И сам он, в свою очередь, воспроизводит строй жизни, воспроизводящий его. Все дальнейшее есть лишь борьба этого сложившегося целого за свое существование, упрочение и расширение.

Разумеется, социальная структура общества не сводится к ячейчному строению. Здесь следует принимать во внимание и иные аспекты расчленения общества, координации, субординации, иерархии его тканей, слоев, органов, организаций. Но путь к систематическому пониманию всего этого начинается с понимания ячейки общества. Подчеркиваю, среднетипичное учреждение страны копирует, отражает в себе, реализует все существенные стороны жизни страны в целом, – отношения начальствования и подчинения, отношения сотрудничества, иерархию должностей и привилегий, распределение благ, надзор за индивидом. Если хочешь постичь общество, изучи сначала его клеточку. Известно, например, что для понимания феодального общества надо было начинать с его клеточки – с отдельного помещичьего хозяйства.

Клеточки коммунизма различаются по многим признакам – по числу сотрудников, по выполняемому делу, по месту в социальной иерархии, по престижу, по внутреннему строению. Например, самый низший сотрудник какого-либо отдела ЦК или Совета Министров обеспечен лучше, чем высшие чины обычного научно-исследовательского института. Даже младшие сотрудники упомянутого института не столь усердно протирают штаны в учреждении, как высшие лица упомянутых отделов. Автомобильный завод в столице насчитывает более пятидесяти тысяч сотрудников, а средний гуманитарный институт Академии наук – не более пятисот. Однако имеются некоторые общие признаки у всех учреждений, позволяющие рассматривать их как однородные клеточки общества. Это, например, наличие отношений начальствования и подчинения, отношений соподчинения, назначаемость руководства сверху, наличие партийной организации и контроля партийных органов за жизнью и деятельностью учреждения, наличие комсомольской организации, сходные отношения между людьми, сходные пути продвижения по службе и способы вознаграждения и наказания, сходные отношения индивида и коллектива... В любом учреждении руководство официально имеет больше жизненных благ и привилегий, чем подчиненные. А главное – правила поведения людей повсюду одинаковы. Если вы изучили хорошо жизнь одного учреждения, наивно рассчитывать, что в других будет иначе. Вы повсюду найдете холуйство, очковтирательство, карьеризм, стяжательство. Повсюду вы будете находиться под бдительным надзором сослуживцев, коллег, общественных организаций. Разумеется, есть отклонения от этих общих свойств. Часть их обусловлена самими нормами жизни общества, и их следует рассмотреть впоследствии. Другие же связаны с условиями, в которые погружены социальные явления, и от них следует отвлекаться как от несущественных, рассматривая общую картину как абстрактный образец, но такой, к которому тяготеет реальность. Общество прилагает усилия (и довольно успешно), чтобы этот средний образец соблюдался.

В дальнейшем я буду употреблять для обозначения клеточек коммунистического общества также термин «коммуна». Употребление этого термина оправдано тем, что сразу же после революции в советском обществе начались эксперименты с образованием коммун. И те деловые ячейки, которые стали стандартными сейчас, сложились не сразу. Они оказались наиболее жизнеспособными и разумными. Они во многом отличаются от первых коммун, но они их преемники. Это – коммуны, а общество в целом есть коммунизм как объединение множества таких однообразных коммун.

Коммуны различаются по степени сложности своей внутренней структуры. Возможны примитивные коммуны, которые не распадаются на официально признанные социальные группы. Это, например, группы, которые складываются на короткий срок для временных

работ (научная экспедиция, бригада по разгрузке картошки), мелкие предприятия, состоящие из одного человека, который соединяет в себе функции рядового сотрудника, заведующего и бухгалтера (например, заведующий пивным ларьком). Но эти случаи суть вырожденные и существенной социальной роли не играют. Возможны коммуны гиганты, состоящие из десятков тысяч человек. Это, например, гигантские авиационные и автомобильные заводы, металлургические комбинаты. Такие гигантские коммуны фактически суть агрегаты коммун. Фактически их подразделения приобретают функции самостоятельных коммун, прикрепленных к другим коммунам интересами дела в несколько иной форме, чем это имеет место для обычных коммун.

Наиболее важные и типичные коммуны общества имеют сложную внутреннюю структуру. В основе этого распада лежат два принципа: интересы дела и интересы управления людьми. Фактическое положение здесь довольно разнообразно и изменчиво. Но имеет место отчетливая тенденция к совпадению этих принципов. Обычно деловые группы образуются как рациональные с точки зрения управления. Там, где интересы дела требуют участия большого числа людей в одних и тех же акциях, и официального разделения этих групп людей на более мелкие социальные группы нет, все равно люди так или иначе группируются по общим коммунальным правилам, все равно в них так или иначе выделяются лидеры (руководители). В больших ячейках складывается иерархия деловых подразделений. Например, в некоторых научно-исследовательских институтах имеет место иерархия «группа-сектор-отдел-институт», в некоторых промышленных предприятиях имеет место иерархия «бригада-цех-завод-комбинат». Бывает так, что части коммуны оказываются разбросанными в пространстве, и члены этих групп общаются между собою меньше, чем с членами других коммун. И все же чтобы понять жизнь всякого рода объединения людей, кажущихся отклонениями от некоей идеальной коммуны, надо проанализировать сначала именно такую идеальную коммуну. Во всякого рода отклонениях от этого идеала вы все равно найдете все то же самое, что и в идеале, но лишь в несколько модифицированном виде. Причем модификации на этой основе легко поддаются объяснению.

Методологическое замечание

Сделаю небольшое методологическое отступление. Имеются объективные, чисто комбинаторные общие законы группировки любых индивидов данного типа. Подобно тому, как вы не можете вокруг данного тела расположить больше определенного числа таких же тел, и вам потребуется некоторое минимальное число таких тел, чтобы в промежутках между ними нельзя было впихнуть другое такое же тело, социальные группировки детерминированы аналогичными априорными обстоятельствами. Структура коммун не есть дело субъективного произвола. Она находится опытным путем, но соотносясь в конце концов с этими законами. Последние так или иначе дают о себе знать. Слишком разросшийся, например, сектор в исследовательском институте распадается на несколько групп или даже секторов. Если слишком много появляется секторов, неизбежно возникают отделы – промежуточные группы между секторами и целым институтом. Это – достаточно очевидные вещи, которым почему-то не придают значения теоретики. А раз это так, возникновение огромного социального слоя руководителей (начальников) всех рангов есть неотвратимое явление социальной жизни. И столь же неотвратимо расслоение в уровнях потребления.

Интересна зависимость группировки индивидов и дифференциация общества от уровня элементов групп (первичных и групповых индивидов). Чем примитивнее элементы группы, тем выше верхняя граница группы (тем больше может быть группа) и выше нижняя граница ее. Чем больше группа, тем примитивнее могут быть ее элементы. Чем выше уровень элементов группы, тем ниже верхняя и нижняя границы группы. Чем меньше группа, тем выше должен быть уровень ее элементов. Чем примитивнее элементы группы, тем больше диапазон ее возможных размеров. И чем выше уровень элементов, тем уже диапазон ее возможных размеров. В случае разнородных по уровню элементов группа тяготеет к более примитивным из них. Это все суть законы природы в такой же мере, как законы физики, биологии, химии. Я стараюсь избегать таких общих рассуждений. Но читатель должен иметь в

виду то, что во всем, о чем я говорил и буду говорить, проявляются общие принципы организации больших эмпирических систем (и социальных систем в том числе).

Собственность и владение

Коммуна для осуществления своих деловых функций получает во владение от общества необходимые материальные средства (здания, машины, приборы, мебель, транспорт и т.п.). Коммуна владеет этими средствами и эксплуатирует их. Но они не есть ее собственность. Она может передать какую-то часть этих средств другим коммунам или даже отдельным лицам. Может ликвидировать часть их за негодностью («списать»). Но для этого нужно разрешение особых уполномоченных на то организаций. И никаким образом отношением собственности эти факты не являются.

Согласно марксистскому учению в капиталистическом, феодальном и рабовладельческом обществах имеет место частная собственность на основные источники жизни людей – на землю и средства производства, а в коммунистическом обществе устанавливается на все это общественная собственность. Но это – чисто идеологическое мнение, не имеющее научного смысла. Оно базируется на смешении понятий собственности и владения, а также различных форм владения. Собственность есть частный случай владения, но не всякое владение есть собственность, – это хорошо знал еще Гегель. Можно владеть чем-то, не будучи собственником того, чем владеешь, – владеть не в силу отношений собственности, а в силу иных оснований, например, – благодаря физическому захвату, обычаям и традиции. Собственность есть правовое отношение. Если человек или группа людей владеют чем-то в силу собственности, они имеют право передать это другим по своей воле, продать, обменять, уничтожить. А коллектив людей, работающих в одном и том же учреждении коммунистического общества, владеет помещениями, столами, машинами, инструментами и многим другим, но не является собственником всего этого. Государство в целом владеет территорией и природными богатствами ее, но оно не есть собственник этого. Существование внешней торговли и тот факт, что государство продает другим странам какие-то природные богатства и даже может уступить кусок территории, создает лишь иллюзию собственности, но не само отношение собственности. Доля того, что кажется собственностью, в том, что не может функционировать в качестве собственности, незначительна, и ею вообще можно пренебречь.

Точно так обстоит дело с тем, что называют личной собственностью. Огромная часть «личной собственности» граждан фактически собственностью не является. Это, например, квартиры и дачи. Сюда же можно отнести и большую часть предметов потребления: съеденный обед не продашь и не отдашь другому. На черном рынке циркулируют большие ценности, но это не вытекает из природы общества. И в принципе общество с этим борется. Благодаря наследованию имущества в некоторых семьях накапливаются большие ценности, которыми владельцы распоряжаются как собственностью. Но все это суть явления второстепенные, не определяющие типа общества.

Хотя идеологическая пропаганда коммунистических стран и утверждает, что в этих странах трудящиеся впервые в истории почувствовали себя господами всех богатств страны, на самом деле положение как раз противоположное этому. Конечно, здесь есть господа, но далеко не все граждане общества. Те же, кто является господами, хозяйничают не в силу отношений собственности, а по законам коммунальности. Что же касается трудящихся, то они воспринимают владения своего коллектива как нечто, данное от природы, как индифферентную для них среду. Они равнодушны к тому, чем владеют в качестве членов коллектива. И это их отношение к тому, чем они владеют, выражается в крайней бесхозяйственности, порче вещей, разворовывании, в небрежности, в халтуре. Отношение к тем же вещам резко меняется, когда они становятся собственностью граждан. Собственное и «казенное» эксплуатируется и хранится совсем иначе, о чем свидетельствует резко различающиеся сроки службы вещей.

Выражение «общественная собственность» есть логический нонсенс. Даже в случаях, когда собственником является коллектив людей, это есть частный случай частной

собственности, а лучше сказать и просто собственности, ибо выражение «частная собственность» подобно выражению «бутерброд с маслом». В свое время в Советском Союзе передали землю «в вечное пользование» колхозам. Но от этого колхозы не стали коллективными собственниками своей земли, ибо не могли не только ее продать, но даже распоряжаться ею по своему усмотрению.

Индивид и коммуна

Коммуна, далее, получает определенную долю общественных средств существования людей, которые она использует в соответствии с установленными нормами для вознаграждения своих сотрудников за их участие в деятельности коммуны. Это – денежные суммы для выплаты зарплаты сотрудникам, премий и ссуд, жилищный фонд, дома отдыха и санатории, средства транспорта. Коммуны, таким образом, суть те каналы, через которые граждане общества отдают ему свои силы и получают взамен средства существования. Это – пункты, через которые люди включаются в качестве элементов в общественное целое. Они входят в общество не непосредственно в качестве суверенных единиц, но лишь через эти первичные коллективы (через коммуны). Коммунистическое общество состоит не непосредственно из людей, а из коммун. И потому носителем личностного начала здесь является не отдельный человек, а целостный коллектив людей. Здесь лишь коммуна есть личность, а отдельный человек есть лишь кусочек личности или безликое условие личности. Потому здесь лозунг «Интересы коллектива выше интересов отдельного человека» есть не просто демагогическое заявление, а практически действующий принцип.

Активный (трудоспособный) гражданин коммунистического общества имеет необходимые средства существования для себя и своей семьи только через коммуны. Он обязан поступить на работу в какую-либо коммуны, выполнять в ней определенные обязанности и занять в ней определенное положение. Это – экономическая необходимость для него, закрепленная юридически как священная обязанность. Юридическое оформление экономической необходимости выражает тот факт, что если гражданин имеет средства существования, не являясь сотрудником какой-то коммуны, он нарушает самые глубинные нормы данного общества. Для таких людей есть специальный термин: «тунеядец». Тунеядец есть первый враг общества. Причем в большинстве случаев тунеядцы добывают средства существования незаконным путем и преследуются уголовно. Но дело не только и не столько в этом: человек, который может жить в обществе, будучи независимым от первичных коллективов, есть угроза самим основам общества. Он подобен солдату, который шагает не в ногу с остальной ротой или вообще бредет где-то независимо от прочих. Он вызывает раздражение у прочих.

Человек может сменить свой первичный коллектив на другой и иметь от этого какую-то выгоду. И это происходит довольно часто. Однако это не отменяет того факта, что он должен быть прикреплен к какому-то первичному коллективу. Покинув свой коллектив, человек должен искать другое место работы. Без зарплаты долго не проживешь. Есть и другие причины, вынуждающие искать новый коллектив. Например – проблема непрерывности стажа, карьерные соображения, юридические нормы. Частая смена места работы в обществе не поощряется. Люди, долго работающие в одном учреждении, имеют преимущества перед прочими (улучшение жилищных условий, награды, путевки в дома отдыха).

Человек может улучшить свои бытовые условия и сделать карьеру (т.е. улучшить свою социальную позицию) главным образом в рамках какого-либо первичного коллектива. Так что его благополучие, судьба, перспективы зависят от коллектива. Он имеет все лишь ценой подчинения коллективу, ценой такого поведения в коллективе, чтобы последний не препятствовал ему или даже помогал. Конечно, человек в какой-то мере обладает независимостью от коллектива. Например, многие люди удовлетворяют свои жилищные нужды не за счет своей коммуны, а по месту жительства (за счет возможностей районных организаций). Имеются закрепленные законами уровни оплаты. Человек обрастает полезными связями. Однако даже эти явления, ослабляющие зависимость человека от коллектива, имеют силу при условии определенного положения и репутации его в каком-то коллективе.

Социальное положение

Сотрудники коммуны выполняют в ней различные функции и, соответственно, занимают различные социальные позиции. Хотя функции варьируются в зависимости от особенностей дела, которым занята коммуна, имеется более или менее устойчивая градация их, позволяющая рассматривать их с некоей единой (социальной) точки зрения и говорить о стандартных социальных позициях (положениях) индивидов. Эти позиции официально признаны и закреплены законами. На овладение навыками в каждой из них в различных учреждениях одного ранга требуется примерно одинаковая подготовка и усилия. И исполнение обязанностей в каждой из них требует в различных учреждениях одного и того же ранга примерно одинаковых затрат сил и способностей. Вознаграждение в каждой из них примерно одинаково в различных учреждениях одного и того же ранга. Эти позиции представляют собою иерархию от низших до высших в данном учреждении. Самую низшую позицию занимают наименее квалифицированные сотрудники, выполняющие наиболее неприятные обязанности. Самую высшую позицию занимают высшие руководители учреждения. Иерархия социальных позиций закреплена официально в иерархии ставок заработной платы. Сотрудники часто используют свое служебное положение, чтобы иметь дополнительные источники существования. Но это касается сравнительно небольшой части работников, часто преследуется законами. В какой мере это затемняет коммунальные нормы и в какой усиливает их, рассмотрим дальше.

Хотя люди различаются по своим способностям, для исполнения функций в коммунах требуются некие средне-нормальные способности и средне-нормальная подготовка. И если люди берутся на эти роли и исполняют их, они обычно выполняют их более или менее удовлетворительно. Конечно, бывают случаи, когда люди плохо справляются со своими обязанностями, и их наказывают или понижают их позиции и увольняют. Или, наоборот, люди очень хорошо выполняют свое дело. И тогда их поощряют, хвалят, дают премии, путевки. Но в целом имеются некоторые общественно-средние нормы выполнения функций данного ранга, и люди так или иначе получают средне-необходимые навыки для их выполнения. В случае больших масс людей, делающих одно и то же дело, различия их способностей и навыков теряют смысл. В массовом исполнении действует принцип соответствия работника занимаемой им социальной позиции.

Конечно, многие работники, занимающие данную позицию, способны выполнять функции и на позиции более высокого ранга. И за переход в более высокий ранг идет ожесточенная борьба. Не всегда лучшие претенденты выбиваются в более высокий ранг. Но это и не худшие из них. Здесь опять-таки действует принцип соответствия, согласно которому для исполнения функций на более высоком уровне в коллективе отбираются претенденты, способные выполнить эти функции средне-нормальным образом. Претенденты на эти более высокие позиции часто приходят из других учреждений, – назначаются независимо от сотрудников данного учреждения. Но они все равно где-то и кем-то отбираются с таким расчетом, чтобы соответствующие функции выполнялись нормально.

Конечно, для конкретных людей, занятых в деятельности того или иного рода, даже незначительные различия в способностях и подготовке людей к данной деятельности играют роль, служат источником недовольства, обид, зависти. Очень часто хорошо работающие люди получают вознаграждение меньше, чем другие люди, работающие хуже их. Очень часто и переход на более высокую социальную позицию удается людям, которые это, по мнению их коллег, не заслужили. Эти явления играют существенную роль в жизни людей, влияют на их психологическую атмосферу в обществе. Но когда речь идет о положении в обществе в целом, о его закономерностях, мы должны исходить из того, что в общем и целом реализуется некая абстрактная справедливость, в соответствии с которой люди в учреждении распределяются по различным ступеням социальной иерархии. И надо сказать, что на уровне первичных коллективов люди признают эту иерархию как нечто нормальное. И расположение людей в ней более или менее тяготеет к упомянутой справедливости.

Иерархия социальных позиций в учреждениях служит естественной основой для

материального и социально-психологического неравенства людей. Она признается подавляющим большинством граждан. Имеются, конечно, недовольные этим неравенством. Но их недовольство не имеет общественно-значимой роли. Оно либо субъективно (часто – болезненно), либо преходяще. Начав повышать свою социальную позицию, такие люди обычно забывают о былом недовольстве и, наоборот, становятся яркими защитниками справедливого неравенства. Попытки в первые годы Советского Союза завести в коммунах уравниловку потерпели крах. Идеи партийного максимума зарплаты для служащих никогда не имели широкой популярности, и сейчас о них вспоминают лишь отдельные диссиденты. Но эти идеи не находят сочувствия у населения.

От каждого – по способности, каждому – по труду

Из сказанного должно быть ясно, что принцип «от каждого – по способности» реализуется в коммунистическом обществе не в том вульгарном смысле, будто здесь каждый волен проявлять все заложенные в нем способности, а в чисто социальном смысле: 1) общество устанавливает, что считать способностями данного индивида в его данной социальной позиции; 2) в среднем и в тенденции индивиды, допущенные обществом к исполнению данных функций, исполняют их в меру своих средне-необходимых способностей. Этот принцип касается не потенциальных, а актуальных (реализующихся) способностей людей. Между прочим, если подходить к проблеме способностей с массовой точки зрения, то потенциальные способности массы людей в данных условиях реализуются в их актуальных способностях, – последние суть показатель первых. Для отдельных людей тут может иметь место несовпадение. Однако и в отношении отдельных людей совершенно бездоказательны утверждения о их якобы загубленных талантах. О загубленных талантах есть смысл говорить лишь тогда, когда человек обнаружил свой талант заметным для окружающих образом и затем как-то потерял возможность его развивать далее и использовать (Мусоргский, Лермонтов, Есенин, Маяковский). Но это – исключения из общего правила. Как правило, подавляющее большинство людей средне-способно или средне-бездарно, что одно и то же.

Из сказанного, далее, должно быть ясно и то, что принцип «от каждого – по способности» не является специфически коммунистическим. Он в той или иной мере реализуется во всяком большом и дифференцированном человеческом объединении.

Допустим, мы решили педантично следовать принципу «каждому – по труду» при вознаграждении работников за их деятельность. Если люди заняты одинаковой деятельностью, еще можно сравнивать их труд по их результатам. Но как быть, если люди заняты разнородной деятельностью, и сравнивать их труд по результатам деятельности оказывается невозможным? Попробуйте сравнить по результатам деятельности труд рабочего, выпускающего сосчитываемые детали каких-то машин, рабочего в химическом предприятии, работника аппарата управления, лаборанта в научно-исследовательском институте, врача, учителя! Как сравнить труд начальника и подчиненного?! Имеется единственный общественно-значимый критерий сравнения труда в таких случаях: это – фактические социальные позиции людей. Средне-нормальное осуществление деловых функций человеком в данной его социальной позиции соответствует его труду, отдаваемому обществу. Практически принцип «каждому – по труду» реализуется как принцип «каждому – по его социальному положению». Этот принцип имеет силу и для тех случаев, когда труд различных людей можно сравнивать по одинаковой продукции: когда много людей занимаются деятельностью одного и того же рода, то имеет место тенденция к нивелированию различий между ними. Для того, чтобы в таких случаях сохранить «материальную заинтересованность», сохраняют «сдельную» оплату (с учетом количества продукции) и особые формы поощрения. Но это существенно не влияет на уровень жизни работников.

Этот принцип «каждому – по социальному положению» действует прежде всего не как некий юридический принцип, а как объективная тенденция в сложном массовом процессе. Люди практически обучаются, приобретают навыки, стремятся улучшить свою социальную позицию. В результате они стремятся быть адекватными этой позиции. А система законодательства лишь закрепляет эту тенденцию в виде формальных норм. Постепенно

вырабатывается весьма детальная шкала оплаты труда, которая, обретя силу закона, начинает действовать сугубо формально, ослабляя породившую ее объективную тенденцию. Таким образом, мы здесь имеем характерный пример противоречивых последствий одного и того же явления: законодательное закрепление оплаты труда согласно социальной позиции работника выражает объективную тенденцию и упрочивает ее, дает ей стандартное всеобщее выражение; с другой стороны, обеспечив работников законодательно определенным вознаграждением, общество само создает соблазны и возможности получить вознаграждение и улучшить социальную позицию, не обеспечивая этого соответствующим трудовым вкладом.

В основе своей и для главных производительных видов деятельности принцип «каждому – по его социальному положению» справедлив, поскольку выражает справедливый принцип «каждому – по труду». Но есть виды деятельности, для которых этого совпадения нет, и первый привносится извне деятельности, не будучи обеспечен вторым. Это, например, деятельность людей в сфере управления. А главное, начиная с некоторого уровня иерархии деловых коммун, он обретает силу до такой степени, что приходит в вопиющее противоречие с породившим его принципом «по труду», – пример того, как из фундаментального добра на уровне первичных коллективов вырастает зло коммунистического общества.

Но и на уровне первичных коллективов справедливость рассматриваемого принципа осуществляется лишь как нечто среднее для массы отклоняющихся от справедливости случаев. И достигается эта осредненная справедливость ценой жестокой борьбы людей за сохранение и улучшение своей социальной позиции в повседневной жизни коллектива. И тут законы коммунальности суть их самые надежные средства.

Если взять заявления марксизма буквально и непосредственно сопоставлять их с реальностью, то можно найти факты, которые их опровергают, и факты, которые их подтверждают. Кроме того, они суть идеологические заявления, допускающие различные интерпретации. В одних из этих интерпретаций они кажутся истинными, в других – ложными. И потому во избежание бесперспективных словесных дискуссий надо сначала констатировать фактическое положение вещей во всей его сложности, противоречивости и изменчивости, а уж затем (на этой основе) смотреть, в каком смысле, в какой мере и в какой интерпретации идеологические коммунистические принципы реализуются в действительности.

Методологическое замечание

Современный читатель прекрасно знает, что возможны технические устройства с такими свойствами: ты его толкаешь от себя, а оно движется на тебя; некоторое время оно движется в желаемом направлении, а потом сворачивает в сторону; до определенного момента ты можешь контролировать его движения, но потом теряешь контроль. Так вот общество можно вообразить себе как огромный агрегат из таких сооружений, строения которых вы не знаете и не можете точно рассчитать совокупный результат их действий.

Я готов допустить, что коммунистическое общество строится с самыми лучшими намерениями – благодетельствовать человечество. Но строители его не принимают во внимание того, что элементы общества подобны упомянутым сооружениям. Решили, например, ввести справедливую оплату по труду. Но где единые критерии измерения? Для массы людей не так-то просто найти такие критерии даже для простейших случаев. Практически же в масштабах общества произвести точные измерения и соблюсти справедливость невозможно. Но люди и не нуждаются в этом. Они находят общественно-значимый путь реализации этого принципа: просто стремятся занять социальное положение, соответствующее их способностям и усилиям. И если бы единый способ измерения труда людей был найден, он дал бы поразительный результат: этим способом мы смогли бы убедиться в том, что в массе, в среднем и в основе социальные позиции людей соответствуют их трудовым способностям и усилиям. И принцип «по труду» оказался бы тождественным принципу «по социальному положению». Но тут обнаруживается, что мы имеем дело с одним из странных устройств, о которых я говорил в начале раздела. Сражение за лучшие социальные позиции идет в условиях царства коммунальности, в которых в огромном числе случаев преимущества имеет не лучший работник, а более гибкий и

изворотливый в коммунальной среде индивид. И в результате принцип «по социальному положению», порожденный принципом «по труду», начинает работать в обратном направлении.

Я не призываю людей предварительно рассчитывать возможные последствия своих действий в таких случаях, – практически это невозможно сделать. Практически в отношении общественных проблем люди вынуждены решать их в силу обстоятельств, часто – единственно возможным способом. Историю не делают, она делается. Если бы первые послереволюционные коммуны были эффективны и продуктивны, они выжили бы и поощрялись бы руководителями страны. Если бы введение партийного максимума зарплаты для высокопоставленных чиновников дало бы желаемые результаты, это давно сделали бы. Но если бы это сделали, высокопоставленные чиновники все равно так или иначе взяли бы свою долю, соответствующую их постам. Кстати сказать, эти чиновники номинально имеют не такую уж большую зарплату. Но им и нет надобности в большой зарплате. Они могут иметь все, что нужно, с малыми деньгами или совсем без денег. Я лишь хочу привлечь внимание читателя к тому факту, что элементы общественного организма выкидывают фокусы куда более странные, чем технические сооружения, о которых я говорил здесь.

Сколько было сказано слов по поводу того, что сталинисты уничтожили подлинных деятелей революции и искренних коммунистов – ленинскую «гвардию», не говоря уж о троцкистах и бухаринцах. Это – один из тех фокусов истории, которые тривиально поясняются на тех механических моделях, о которых я говорил выше. Но именно тривиальность проблемы пугает глубокомысленных критиков коммунизма, и они предпочитают пороть всякую заумную чушь на эту тему вместо убедительных банальностей. Между прочим замечу в назидание всякого рода левым движениям Запада, тяготеющим к коммунистическим идеям, что именно они в первую очередь будут уничтожены в будущем коммунистическом обществе их стран, – ибо они противоречат самой сущности коммунизма: то, за что они борются как за желанную цель, убьет их как нежеланных врагов.

Достоинства коммуны

Трудоспособные граждане коммунистического общества не только имеют право на труд, они обязаны трудиться, т.е. они обязаны быть сотрудниками каких-то первичных деловых коллективов, должны быть прикреплены к ним. Это имеет свои недостатки: человек, способный к труду и обязанный числиться в какой-то коммуне, но длительное время считающийся неработающим (не прикрепленным к коммуне), рассматривается как нарушитель норм общественной жизни и даже как преступник. Имеются специальные законы и организации, которые имеют право и силу заставить таких уклоняющихся от труда (точнее – от прикрепленности к коллективу) людей насильственно прикрепиться к какой-то коммуне, но уже не по их выбору, а в тех местах, где им укажут. Однако для подавляющего большинства населения такое положение есть благо: им всегда гарантировано место работы, дающее какие-то средства существования. Если работник коммуны не нарушает норм жизни общества до такой степени, которая подлежит законному наказанию, его невозможно уволить с работы. Вообще уволить человека с работы, если он не вступает в серьезный конфликт с обществом, очень трудно. Его защищает коллектив и общественные организации – профсоюзная организация в первую очередь. Потому в коммунистическом обществе могут существовать многочисленные нерентабельные предприятия, которые нельзя уничтожить, ибо они дают работу (т.е. прикрепляют) и средства существования для многих граждан общества. Здесь невозможна открытая безработица. Интенсификация труда, которая могла бы привести к безработице, здесь поэтому затруднительна, и расплачиваться за это приходится всем – путем фактического понижения заработной платы (тяготы распределяются по всем работающим). Здесь вообще изменения в жизненном уровне людей существенно зависят от ситуации в стране в целом (снижение или повышение цен в стране в целом, аналогично – с зарплатой).

Условия труда в деловых коммунах сравнительно легкие) Поскольку для получения того или иного вознаграждения достаточно занять соответствующую социальную позицию и затем

исполнять обязанности на общепринятом уровне, то вырабатывается такое отношение к труду, которое точно выражается формулой «где бы ни работать, лишь бы не работать». Лишь немногие энтузиасты стараются повысить свой жизненный уровень за счет трудового героизма. Большинство же относится к труду равнодушно, добиваясь каких-то улучшений иными путями (взятки, воровство, «левая» работа и т.п.). Процветает халтура и очковтирательство. Это – общество недобросовестно работающих людей и халтурщиков.

Я ввожу понятие коэффициента вознаграждения (или эксплуатации) для сравнения условий труда в коммунистическом обществе и других обществах. Пусть X есть величина трудовых усилий, а Y – величина вознаграждения. Отношение Y к X есть коэффициент вознаграждения. Хотя в коммунистическом обществе величина X ниже, чем на Западе, но зато величина Y здесь еще ниже, так что коэффициент вознаграждения Y/X здесь значительно выше, чем на Западе. Потому работники коммунистического общества за редким исключением предпочитают условия жизни коммунизма таковым на Западе. Они, конечно, мечтают о хорошей еде, одежде, квартирах, машинах. Но они вряд ли согласятся за это платить такую цену, какую платят за это работники на Западе.

Работникам коммун гарантирован оплачиваемый отпуск. Они имеют возможность получать путевки в дома отдыха, часто – со скидкой или бесплатно. Время болезни им оплачивается. Им гарантирована пенсия по старости и по инвалидности. Пока жилье граждане имеют по месту жительства в силу прошлой традиции или местных условий (дома и квартиры перешли к ним от родителей). Пока значительная часть жилплощади распределяется через жилищные отделы местных властей. Но все большую роль приобретает распределение жилья через деловые коммуны и в зависимости от них. Во всяком случае, граждане имеют дешевые жилища. Для большинства – тесные и дорогой ценой, иногда – усилия целой жизни уходят на то, чтобы получить отдельную маленькую квартирку на семью. Но все-таки минимум жилья люди так или иначе имеют, причем, повторяю, дешевого. А в России даже отдельная кровать с простынями была великим историческим достижением. И в общем жилищные условия советских граждан за послевоенные годы заметно улучшились.

Граждане обеспечены бесплатной медицинской помощью по месту жительства. Очень многие обслуживаются в больницах по месту работы. Хотя уровень медицинского обслуживания оставляет желать лучшего, минимальные потребности граждан вполне удовлетворяются. Аналогично обстоит дело с образованием и профессиональным обучением. Одним словом, некоторые необходимые и жизненно важные потребности граждан так или иначе удовлетворяются. Можно сказать, что если принцип «каждому – по потребности» понимать не вульгарно обывательски (каждый имеет, что хочет), а социологически, то этот принцип здесь осуществляется на деле. Он не устраняет неравенства и недовольства людей своими условиями жизни, но это уже другой вопрос.

Каждому – по потребности

Остановлюсь на этом принципе подробнее, поскольку это – один из центральных пунктов марксистского учения о коммунизме.

Надо различать исторические условия, в которых возникла идея «по потребности» и ее первичный исторический смысл, обывательское истолкование этой идеи и ее истолкование в государственной идеологии коммунистических стран (я имею в виду советскую идеологию в первую очередь). Исторически коммунистическое общество мыслилось как общество, в котором будет равенство людей во всех аспектах их жизни. О том, что это общество породит свои формы социального и экономического неравенства, причем – в очень сильных размерах, об этом даже думать не хотели. Все зло связывали с частной собственностью. А раз последняя мыслилась как подлежащая уничтожению, то и все зло жизни людей предполагалось исчезающим в самом примитивном смысле – как потребность в еде, одежде, жилье. Надежда состояла в том, что они будут удовлетворены, это и выразили в принципе «по потребности». Изобилие – понятие относительное, исторически определенное. И в той мере, в какой оно мыслилось в прошлые века, оно достигнуто в советском обществе. Здесь нет людей голодающих буквально, нет нищих и бездомных. И в этом смысле принцип коммунизма

реализован.

Но на базе удовлетворения необходимых потребностей людей возникло другое, нынешнее обывательское понимание изобилия и принципа «по потребности», а именно – как удовлетворение любых желаний современных уже людей. А желания эти возросли настолько, что даже официальная идеология Советского Союза отодвинула исполнение этого принципа в неопределенное будущее. Советские люди уже представляют себе изобилие коммунизма по крайней мере в виде высокого жизненного уровня некоторых западных стран, доступного для всех. Основатели учения марксистского коммунизма вряд ли подозревали о холодильниках и телевизорах как предметах первой необходимости, вряд ли думали, что автомобиль станет заурядным средством транспорта. Но нынешний обыватель уже не мыслит себе коммунизма без многокомнатной квартиры со всеми удобствами, без телевизора и холодильника, без личного автомобиля и без дачи.

Официальная идеология Советского Союза почувствовала опасность, которая кроется в таком истолковании весьма неосторожного заявления классиков марксизма, и дала свое истолкование ему. Она стала говорить о разумных потребностях, контролируемых и регулируемых обществом. А это есть лишь замаскированная форма выражения фактического положения вещей, а именно – того факта, что потребности человека в коммунистическом обществе определены возможностями их удовлетворения, т.е. его фактической социальной позицией. Лозунг «каждому – по потребности» в практическом воплощении обращается в принцип «каждому – по его социальной позиции». Именно социальное положение людей в обществе становится здесь практически действующим принципом распределения. Будучи «справедливым» в идее и в самих основах общества, этот принцип в условиях развитой социальной иерархии людей и коллективов порождает социально-экономическое неравенство людей, не уступающее неравенству других обществ, а в некоторых отношениях даже превосходящее их.

Официальная советская идеология недалеко от истины к трактовке потребности. Дело в том, что есть два понятия потребности – субъективное (или психологическое) и объективное (или социологическое). Во втором случае не всякое желание человека есть потребность, а лишь такое, которое социальная среда признает в качестве потребности этого человека. А это значит, что предполагается некоторый общезначимый уровень удовлетворения нужд человека на данном уровне его социальной иерархии, – т.е. некоторая норма потребления. Иметь по потребности – значит иметь в рамках этой нормы, а иметь не по потребности – значит превышать или не достигать нормы. Выражение «не имеет по потребности» относится лишь к случаю, когда человеку не дают того, что ему положено, а выражение «имеет не по потребности» – к случаю, когда человек имеет сверх положенного.

Кроме того, надо различать потребность как то, что общество обязано предоставить данному индивиду, и потребность как то, что считается естественным согласно некоторым разумным представлениям этого общества. Например, с точки зрения практически действующих норм Советского Союза три квадратных метра жилплощади на человека в низших слоях считаются достаточными для удовлетворения потребности в первом смысле, тогда как в обществе уже созревает потребность (во втором смысле) иметь отдельную комнату на каждого взрослого члена семьи. Если взять всю совокупность элементов жизненной ситуации, то можно описать для каждого слоя населения эти две границы «разумных» потребностей, в которых колеблется фактическое положение людей. И надо признать, что общество так или иначе стремится держать жизненный уровень населения в этих границах.

Простота жизни

Еще одно условие жизни в коммунистическом обществе заслуживает здесь внимания: это – формальная простота самой жизни. После школы или другого учебного заведения человек поступает на работу. На него автоматически заводится трудовая книжка. Он вступает в члены профсоюза. И все! Все остальное делается само собой. Больше в принципе не нужно никаких бумаг для дальнейшего хода жизни. Конечно, время от времени требуются какие-то справки

(с места жительства, с места работы), но это – малообременительная рутина. Некоторые хлопоты имеют место при изменении места жительства и работы. Это все может быть связано с потерей времени и нервотрепкой. Но это принципиально не усложняет жизнь, подобно тому, как стояние в очередях и толкучка в транспорте не вносят в нее неких социальных усложнений. Человек здесь не опутан системой формально-правовых отношений. Например, человек здесь совершенно не знаком с той громоздкой и тяжелой налоговой системой, какая имеет место в странах Запада. У него здесь автоматически высчитывают небольшой процент в качестве налога ото всех денежных сумм, какие он получает в официальных учреждениях. И все! Для огромной массы людей, обладающих сравнительно большими средствами, это неизмеримо лучше, чем в правовом западном обществе.

Благодаря крайнему упрощению формально-правового аспекта жизни все внимание и силы людей переключаются на аспект коммунальный. А этот аспект привычен и легко доступен, не требует никакого морально-правового оформления. И люди в этом обществе становятся с детства специалистами по житью в условиях буйства социальности, как многие люди на Западе с детства приучаются жить в условиях формально-правового общества.

Степень эксплуатации и вознаграждения

Стало догмой мнение, будто жизненный уровень населения на Западе выше, чем в Советском Союзе. Но что такое жизненный уровень? Совпадают ли компоненты жизненного уровня населения на Западе с таковыми в Советском Союзе, т.е. в обществе коммунистическом? Являются ли критерии измерения одинаковыми? И вообще, как измерять это явление? Здесь я рассмотрю важнейшие элементы жизненного уровня и вообще образа жизни населения, которые я называю степенью эксплуатации и степенью вознаграждения. Рассмотрю, конечно, в максимально упрощенном виде.

Работающий человек в какой-то форме отдает свои силы обществу – тратит себя на общество. В величину этих трат входит время, отдаваемое работе, интенсивность труда, нервное напряжение, характер эмоций, риск и многое другое. И люди сильно различаются по этим показателям, так что не так-то просто произвести достаточно точные измерения. Например, научный работник может бездельничать в своем учреждении, но работать дома вечерами и даже по ночам, как это часто бывает. Лица, занимающие важные руководящие посты, часто находятся в сильном нервном напряжении, проводят массу времени на заседаниях, не имеют свободного времени и сил для чтения книг, посещения театров и вообще на культуру. Короче говоря, требуется специальное социологическое исследование, чтобы измерить величину трат в каждом виде деятельности, сравнить величины и найти какие-то суммарные величины для различных подразделений общества и страны в целом.

Работающий человек получает определенное вознаграждение за свою деятельность. И опять-таки не просто измерить это вознаграждение. В него помимо официальной заработной платы входит многое другое: жилье, детские учреждения, дома отдыха и санатории, медицинское обслуживание, ссуды, премии, льготы, специальные распределители, дачи, персональные машины, – невозможно перечислить всякого рода дополнительные пути, которые люди находят в своей сфере деятельности (вплоть до воровства, взяток, использования служебного положения). Добавим к этому гарантированность некоторого минимума жизненных благ и довольно высокую стабильность социальных позиций.

Допустим, мы измерили величину вознаграждения и величину затрат, чтобы иметь такое вознаграждение. Частное от деления первой величины на вторую дает степень вознаграждения, а обратная ему величина есть степень эксплуатации. По моим наблюдениям и измерениям (весьма упрощенным и приблизительным) для самой активной и производительной части населения степень вознаграждения в коммунистическом обществе имеет тенденцию возрастать, а степень эксплуатации – снижаться. Причем степень вознаграждения здесь выше, чем для соответствующего типа людей на Западе, а степень эксплуатации – ниже. И в этом состоит основное преимущество коммунистического общества перед Западом. В этом – основа его притягательной силы для миллионов людей на планете.

Но не надо думать, что высокая степень вознаграждения означает, что люди хорошо

живут в бытовом отношении. Люди могут жить плохо при высокой степени вознаграждения и хорошо при низкой. Население на Западе живет в бытовом отношении много лучше, чем в Советском Союзе. Степень вознаграждения может возрастать, а бытовые условия при этом могут ухудшаться. Это величины относительные и не оценочные. Высокая степень вознаграждения – это не обязательно хорошо, а низкая – не обязательно плохо. С точки зрения прогресса цивилизации как раз наоборот, увеличение степени эксплуатации и снижение степени вознаграждения есть признак цивилизации более высокого уровня. Это есть показатель роста производительности труда. И хотя прямой связи этих степеней с бытовыми условиями жизни нет, огромные слои населения чувствуют преимущества для себя коммунистической ситуации на этот счет, а вкусив это на деле, уже не могут от нее отказаться добровольно. Конечно, в коммунистическом обществе есть слои населения, для которых действуют противоположные тенденции. Но не им принадлежит в обществе главная роль и власть.

Тенденция к увеличению степени вознаграждения и снижению степени эксплуатации в коммунистическом обществе способствует тенденции, по крайней мере замедляющей рост производительности труда в обществе, тенденции к застою и порою даже к деградации. Научно-технический прогресс компенсирует эти тенденции. Но мощь его не беспредельна. Он сам обходится все дороже и дороже. В нем самом действуют те же тенденции, замедляющие его и накладывающие верхние ограничения. Есть основания предположить, что со временем тенденция к застою и деградации будет доминировать. Во всяком случае, тот факт, что Советский Союз не способен конкурировать с Западом в экономическом отношении, явно не случаен.

Такая замечательная на первый взгляд вещь, как повышение степени вознаграждения и снижение степени эксплуатации, имеет далеко не столь замечательные следствия. Это ведет к снижению интенсивности «обмена веществ» как внутри общества, так и между обществом и его средой. Замедляются все жизненные процессы. Усиливается тенденция к чисто физическому (пространственному) росту тела общества, – одна из глубоких причин стремления Советского Союза к расширению за счет других мест планеты. Усиливается тенденция к хищнической эксплуатации природы и к паразитизму за счет своего окружения.

Принудительный труд

Труд в коммунистическом обществе есть обязанность в том смысле, что каждый работоспособный человек должен быть прикреплен в первичной деловой коммуне. Эта обязанность выражает тот объективный факт, что трудоспособные граждане общества могут приобрести средства существования, лишь работая в деловой коммуне. Здесь социально-экономический факт облекается в юридическую форму и становится средством принудительного труда. Поскольку подавляющее большинство граждан и без юридического принуждения вынуждено и хочет работать, ситуация такого типа, когда гегелевская формула «Свобода есть познанная необходимость», ставшая элементом государственной советской идеологии, имеет силу. Но с небольшим коррективом: осознавая необходимость прикрепления к деловой коммуне (необходимость трудиться), люди не воспринимают эту необходимость как несвободу. Они кажущуюся свободу воспринимают как реальную. Тем более некоторая свобода выбора профессии и места работы для значительной части людей, некоторая интересность пребывания в деловой коммуне, общепринятость этого, передаваемая из поколения в поколение, и другие обстоятельства настолько усиливают иллюзию свободы и скрывают реальную несвободу, что грань между реальным и иллюзорным для поведения людей здесь исчезает фактически. Если здесь несвобода и замечается, то лишь в форме некоей природной неотвратимости.

Фактическое положение обнаруживается здесь (как и во многих других случаях такого рода) лишь в случаях исключительных, лишь в случаях уклонения от общей нормы, а именно – когда отдельные люди имеют источники существования, независимые от работы, и хотят уклониться от работы в деловой коммуне, когда отдельные люди по тем или иным причинам теряют работу и не могут найти подходящую работу по своему выбору. Для таких людей есть

специальный термин – «тунеядцы». И есть законы, позволяющие властям привлекать таких людей к трудовой деятельности принудительным порядком, причем – в местах по усмотрению начальства.

Большинство тунеядцев не угрожает существованию общества. Часть из них – уголовники, и они преследуются обычными методами. Часть живет за счет родственников или тоже за счет незаконных (но не разоблачаемых в качестве таковых) источников. Обычно они ладят с властями (взятки, связи, фиктивные документы). И на их существование общество смотрит сквозь пальцы. Но часть тунеядцев становится предметом особого внимания властей, и к ним применяются суровые меры. Это – люди, которые так или иначе вступают в конфликт с обществом (диссиденты, религиозные сектанты, индивидуальные отщепенцы и бунтари). В этом случае принудительность труда обнаруживается со всей его беспощадностью. Причем в таких случаях власти не считаются с тем, что человек трудится дома (например, сочиняет стихи или научные трактаты, пишет картины, преподает математику или языки). Работающим в этом обществе считается только тот, кто прикреплен к деловой коммуне и может засвидетельствовать это документально. Здесь имеются лица так называемых свободных профессий, которые работают индивидуально, независимо от коммун. Но и они так или иначе должны быть прикреплены к каким-то организациям, например – в форме особых договоров.

Человек, никак не прикрепленный к деловым коммунам и являющийся при этом трудоспособным, представляет собою серьезную опасность для общества по многим причинам. Он нарушает стройность рядов тружеников общества, как солдат, идущий не в ногу с ротой, мешает последней идти и вызывает справедливый гнев командиров. Он подает дурной пример прочим людям. Некоторое время тому назад в Советском Союзе появилось довольно много таких тунеядцев. Они заразили своим примером буквально тысячи молодых и даже пожилых людей. Они показали возможность жить независимо от коммун и зарабатывать на существование не хуже, чем в коммунах. И быть при этом свободным человеком. Они показали, что при этом можно прекрасно ужиться с людьми и избежать изоляции. Властям было трудно справиться с этой эпидемией тунеядства. И одна из главных трудностей для них тут заключалась в том, что тунеядцы оказались очень полезными для влиятельных кругов общества. Они доставали им нужные книги, которые не найдешь в обычных магазинах, вещи, ювелирные изделия. Они натаскивали их детей по разным дисциплинам, чтобы те могли прилично сдать экзамены в институты. Короче говоря, они стали весьма полезными в сфере обслуживания средних и даже высших слоев населения. Были даже такие тунеядцы, которые сочиняли диссертации для ученых и стихи для писателей. Борьба с эпидемией тунеядства началась более или менее серьезно лишь после того, как в армию тунеядцев влилось значительное число диссидентов. Тунеядцы в некотором роде проложили дорогу диссидентам, открыв и разработав до деталей способы существования в коммунистическом обществе без прикрепления к первичным коммунам.

Главная опасность тунеядства для общества – не уголовная, а социальная: тунеядец уходит из-под контроля первичного коллектива, который фактически является высшей властью общества над индивидом.

Та принудительность труда, о которой я говорил выше, является нормальным явлением и даже предметом гордости общества и предметом зависти для многих людей в некоммунистических странах. Имеются другие формы принуждения, которые сейчас кажутся случайными и временными, но которые имеют тенденцию стать постоянным спутником реального коммунизма. Назову главные из них: 1) принудительная посылка больших масс населения (рабочих, служащих, студентов, школьников, научных сотрудников и т.п.) в деревню, на отдаленные стройки, на овощные базы; использование армии в качестве рабочей силы; 2) огромное число заключенных. Хотя об этих формах и упоминают в обличительной литературе (особенно – о заключенных), однако серьезного социологического анализа их еще не было. А между тем это явление заслуживает самого серьезного внимания, ибо в нем проявляется одна страшная тенденция коммунизма, которую все стараются не замечать или тщательно маскируют, а именно – тенденция к особой форме рабства не в фигуральном, а в буквальном смысле слова.

Изобретатели идеологического коммунизма исходили из целого ряда неявных или явных допущений, описывая будущее общество как рай земной. И в первую очередь они не

принимали во внимание того, что в обществе могут оказаться места, где люди добровольно не захотят селиться, и виды деятельности, которыми люди добровольно не захотят заниматься. Идеологи коммунизма всю изошряются на этот счет, утверждая, что неприятные работы будут выполнять роботы и машины, а отдаленные места будут связаны с прочими современным транспортом и будут насыщены средствами культуры. Абстрактно рассуждая, все возможно. Но факты, которые по выражению Сталина – вещь упрямая, пока говорят о другом. Несмотря на развитие техники, средств транспорта, средств распространения культуры и т.д., остаются другие факторы оценки людьми своего положения и возникают новые проблемы, которые никто ранее не мог предвидеть. Кто мог предвидеть, например, совокупность проблем, связанных с открытием и использованием атомной энергии?! Каких бы успехов ни достигла наука и техника, все равно в огромных массах населения остается потребность в таких видах деятельности, которые имеют низкий социальный престиж и сравнительно плохо вознаграждаются. А главное – в силу самой социальной иерархии населения значительная часть последнего должна занять такое положение, по отношению к которому все прочие ступени иерархии выглядели бы благом. Чтобы жалкая жизнь коммунистического общества казалась обещанным раем, должен быть ад, с которым люди могли бы сравнивать свою жизнь и наслаждаться тем, что они по крайней мере не в этом аду. Такого рода социально-психологические факторы игнорировать при рассмотрении коммунистического общества ни в коем случае нельзя. Они порой играют роль неизмеримо более важную, чем факторы осязаемо-материальные. Так что если даже допустить, что в стране нет плохих мест жительства и работы, они будут изобретены специально в силу социальных законов этого общества. Концлагеря сталинских времен имели одной из причин бессознательное исполнение воли этой социальной необходимости. То, что они давали даровую рабочую силу – рабов, это очевидно.

В Советском Союзе до двадцати миллионов человек на те или иные сроки каждый год посылаются на уборочные работы в деревни, в строительные отряды на различные стройки, на овощные базы в городах. А какие человеческие силы растрачиваются на регулярно проводимых субботниках! Что же касается заключенных, то подавляющая часть их – не хронические уголовники, а обычные граждане, совершившие преступления в силу стечения обстоятельств, часто – вынужденно. В Советском Союзе практически невозможно жить, не совершая преступлений. И число заключенных зависит здесь не от числа преступлений, а от способности милиции находить преступников и способности судов осуждать то или иное количество людей. Эти же факторы в свою очередь зависят от установок высших властей и от потребности в рабочей силе в таких местах, в которых могут работать только заключенные, т.е. рабы.

Подчеркиваю, что я говорю о достаточно большой и обычной коммунистической стране, а не об исключениях. Возможно, что среди коммунистических стран маленькая страна займет исключительное положение, и таких явлений в ней не будет. И в самых больших странах возможны районы с исключительными условиями. Но в коммунистическом мире в целом такие исключения не отменяют его общих тенденций.

Сама благородная идея обязательного труда в реальном ее исполнении в больших массах людей имеет неизбежным следствием тенденцию к раздвоению людей в самом фундаменте человеческого бытия: для одних людей труд становится рабской повинностью, для других – удовольствием. На одном полюсе общества концентрируются люди, ведущие активную социальную жизнь со всеми ее соблазнами, а на другом концентрируются люди, обрекаемые на рабское и скотское существование. Коммунизм не ликвидирует эту поляризацию. Он лишь меняет ее формы и даже усиливает. По моим предположениям со временем армия рабов в коммунистических странах может превысить цифры сталинских времен. Мы не имеем фактических данных о Китае. А что происходит там?

Отношение к труду

Отношение граждан коммунистического общества к труду определяется организацией деятельности первичных коммун и принципом вознаграждения за деятельность. Здесь фактически действует принцип, который советские люди выражают в такой шуточной форме: «Где бы ни работать, лишь бы не работать», «От работы даже лошади дохнут», «Работа не волк, в лес не убежит». Это не значит, что тут все люди работают плохо или стремятся не работать. Во-первых, многие виды работ таковы, что люди вынуждены работать и делать свое дело достаточно хорошо. Во-вторых, для многих людей сам процесс труда доставляет удовольствие, и они работают, как говорится, не за страх, а за совесть. В-третьих, в известных пределах хороший труд лучше вознаграждается, чем плохой. Все это, конечно, есть. Однако в значительной части деятельности общества, в которой заняты наиболее активные его граждане, качество труда и личные способности граждан играют менее важную роль, чем способности ориентироваться в социальной среде и делать карьеру. В этой части деятельности общества люди со средними способностями, со средней подготовкой и усилиями вполне справляются с соответствующими функциями, а вознаграждаются так же или лучше, чем их одаренные и тяжело работающие коллеги. Здесь более важное значение приобретает такое поведение людей, которое не считается работой в принятом смысле слова, подобно тому, как светские балы, на которых в свое время власть имущие решали важные проблемы управления обществом, мало походили на работу. Деятельность как развлечение и как игра приобретают здесь более престижное значение, чем деятельность – труд. Обычно и те люди, которые оказываются захваченными трудом как таковым, не подозревая того, попадают во власть деятельности как развлечения, как спектакля.

Здесь происходит разделение деятельности на деятельность-труд и деятельность-развлечение (удовольствие, игра). Первая становится неприятным и принудительным занятием ради средств существования. Вторая, давая лучшие средства существования, приносит участникам удовольствие сама по себе. Она становится самоцелью. Она сама есть вознаграждение. Но за что? Исключительно за способность пробиться к ней, занять нужную социальную позицию. Стремление всякую деятельность превратить в деятельность такого рода порождает отсутствие в массе населения заинтересованности в труде, в его лучшем исполнении, в добросовестности. Халтура, лень, обман, уклонение от труда заражают все общество. Поднятие производительности труда, на которое так рассчитывают идеологи коммунизма, оказалось одной из самых трудных проблем коммунистического общества в значительной мере из-за такого отношения к труду. Коммунистическое общество, повторяю, есть общество плохо работающих людей. Это не есть национально русская черта. Опыт других коммунистических стран подтверждает это утверждение.

Общество стремится как-то преодолеть препятствие. Отсюда – необычайно громоздкая система контроля, создание образцово-показательных предприятий, особые условия в некоторых сферах деятельности, пропаганда, преимущественное развитие отраслей, в которых качество труда не столь важно, раздувание штатов. Однако эти меры и средства все же не способны заглушить мощную тенденцию общества к замедлению роста производительности труда и к более низкому качеству всего производимого. И сами же они даже способствуют этой тенденции, что отчетливо видно на примере действия контроля и отчетности за сделанное. Система контроля и отчетности в Советском Союзе, например, грандиозна. Контроль здесь осуществляют специальные органы власти, общественные организации и вся масса активного населения. Здесь все так или иначе отчитываются за сделанное. И в огромном числе случаев форма отчета приобретает более важное значение, чем фактическое положение дел. Выбатывается особая система правил отчетности, позволяющая производить хорошее впечатление на контролирующие лица и органы при плохом положении дел. Причем контролеры знают фактическое положение дел и сами заинтересованы в его сокрытии путем формально безупречной отчетности. Складывается круговая порука в самообмане, в котором заинтересованы все участники. Эта тенденция получает мощное подкрепление в том факте, что судьбы лиц и учреждений в значительной

мере не зависят от сбыта их продукции. К этой теме я еще вернусь ниже.

Общественная работа

Коротко об одном специфически коммунистическом явлении – об общественной работе. Явление это сложное. Отчасти оно относится к формам принудительного труда, отчасти – к формам воспитательно-идеологической деятельности, отчасти – к приятному и выгодному времяпровождению. Я лично с детства занимался такой работой. В школе я был вожатым пионерского отряда и рисовал стенные газеты. Рисование карикатур в стенгазетах стало моей общественной работой потом на всю жизнь в Советском Союзе. Хотя это и был труд, но это было веселое времяпровождение. Обычно при изготовлении стенгазеты мы собирались большой компанией, много остряли и смеялись, а потом отмечали окончание работы веселой выпивкой. Я много раз ездил с агитационной бригадой по деревням с лекциями и концертами самодеятельности. И опять-таки у меня об этих поездках остались самые хорошие воспоминания. Кое-что из этих поездок я использовал в своих книгах, в особенности – в «В преддверии рая» и в «Желтом доме». Я также прочитал десятки всякого рода публичных лекций в сети политического просвещения. И часть этих лекций я использовал в своих книгах, в особенности – в книге «Зияющие высоты». Хотя во многих случаях общественная работа есть неприятная обязанность и пустая формальность, было бы несправедливо вообще рассматривать ее так. По моим наблюдениям, это – сложное явление. И очень эффективное с точки зрения идеологического воспитания населения. В этой работе участвуют миллионы людей в качестве активных деятелей. А сколько миллионов охватывается к качеству объекта деятельности! И отмахнуться от такого мощного феномена парой критических фраз и насмешек – значит отступить от принципов научного мышления.

Общественная работа – это работа, выполняемая гражданами сверх своих профессиональных обязанностей. Считается, что она выполняется в сверхурочное время. Фактически же она, по крайней мере во многих случаях, выполняется в рабочее время. И очень часто – вместо служебных обязанностей. Большое число сотрудников официально числится на каких-то служебных должностях, фактически занимаясь профессионально этой общественной работой. Считается, что это – добровольная безвозмездная деятельность на благо общества, зародыш коммунистического отношения к труду. Конечно, – это коммунистическая форма труда.

Прежде всего насчет добровольности. Члены партии и комсомола обязаны заниматься общественной работой. Иначе – взыскания, проработки. Прочие тоже обязаны, поскольку в характеристику сотрудника обязательно включается указание на участие в общественной работе. Конечно, не в такой мере, как члены партии или комсомольцы, чно так или иначе. Человека, который уклоняется от общественной работы, берут на заметку и принимают меры. А меры разные. Начиная от надбавки к зарплате, повышения в должности и кончая квартирными делами, поездками за границу, публикацией работ. Лишь те, кто утратил всякие перспективы роста и улучшения жизни, игнорируют общественную работу. Или еще аристократы, знаменитости, люди с высокими связями.

Затем о безвозмездности. Большинство лиц, занятых общественной работой, получает вознаграждение в форме хорошей характеристики, благодарностей и даже премий. Очень часто время, потраченное на эту работу, компенсируется: официальные «отгулы», неофициальные «отпуска». Выдаются билеты в зрелищные предприятия, путевки со скидкой. Многие получают специальную плату (например, лекторы Вечернего Университета марксизма-ленинизма) и гонорары (например, лекторы различного рода партийных органов и обществ, вроде общества «Знание»). Во многих случаях занятия общественной работой очень выгодны.

Основная форма общественной работы – участие в выборных органах: партийное бюро, профсоюзное бюро, местком, комсомольское бюро. Обычно за это идет борьба. Иногда – очень острая, ибо это есть борьба за участие во власти, за привилегии. Секретарь партийного бюро учреждения и председатель месткома, например, это очень влиятельные фигуры в учреждении. Лица, входящие в жилищные комиссии, распоряжающиеся распределением

путевок в дома отдыха и санатории, играют весьма заметную роль в жизни коллектива.

От постановки общественной работы в учреждении и от участия учреждения в работе такого рода вовсе зависит оценка деятельности учреждения высшими партийными и административными органами. А это – оценка деятельности руководства. Премии и награды. Общественная работа и есть форма приобщения индивида и коллектива в целом к специфически коммунистическому образу социальной жизни. Общественная работа не вытесняет и не заменяет производственную. Это – иной разрез жизни нашего общества. Он столь же необходим, как и производственный.

Частное предпринимательство

По идее в коммунистическом обществе должно быть исключено всякое частное предпринимательство. Это значит, что все активно действующие люди должны действовать как сотрудники официальных учреждений, делать все в рамках закона и довольствоваться лишь теми средствами существования, какие им положены по месту работы в первичных коллективах. Но фактически люди этим не довольствуются. Прежде всего они используют свое служебное положение, чтобы улучшить условия своей жизни. Но помимо этого практически неподконтрольного властям (ибо они сами этим занимаются в первую очередь) явления существует весьма значительная сфера частного предпринимательства. Хотя власти и борются с нею, стремясь удержать ее в терпимых рамках или уничтожить совсем, она так или иначе порождается обществом и порой играет в нем весьма существенную роль. Насколько мне известно, серьезных социологических исследований этой сферы в Советском Союзе не производилось, так что точные величины не известны. Но каждый гражданин так или иначе с нею сталкивается.

К сфере частного предпринимательства относятся приусадебные участки колхозников; садово-огородные участки городских жителей; рынки; сдача жилья в городах и курортных местах; частные портные, парикмахеры, зубные врачи, ювелиры; частные уроки; спекуляция дефицитными вещами; всякого рода незаконные предприятия; свободные профессии; и многое другое, разрешенное законом, незаконное, полузаконное. В целом по стране получаются величины очень значительные. Однако преувеличивать роль этих явлений не следует. Доля их в общей массе деятельности населения относительно невелика. А главное – эти явления несколько не колеблют общий социальный строй страны. Большинство лиц, причастных к этому «частному сектору», так или иначе прикреплены к первичным коммунальным и контролируются до некоторой степени властями. Нарушения норм коммунистического образа жизни здесь имеют чисто уголовный характер.

В связи с тем, что люди в частном секторе работают лучше, чем в соответствующих отраслях общественного, возникают всяческие идеи насчет расширения частного сектора в рамках коммунизма. Однако частное предпринимательство в условиях коммунизма перспектив не имеет. Оно ведет к накоплению богатств в руках людей, не занимающих высоких социальных позиций, что не соответствует общим принципам распределения. Кроме того, при этом масса людей уходит из-под контроля коммун. Так что власти не допускают его чрезмерного роста, а основная масса населения их поддерживает в этом.

Жизнь первичного коллектива

При абстрактном описании первичного коммунистического коллектива последний выглядит вполне благопристойно. Индивиды поступают туда на работу, занимают в них положение, соответствующее их подготовке, работают по способности, получают вознаграждение соответственно вносимой им доле труда. Выполнив свой долг в первичном коллективе, индивиды покидают его и затем ведут частную жизнь в меру заработанных возможностей и личных склонностей. Конечно, для кого-то жизнь выглядит именно в таком идиллически-скучном виде. Но для подавляющего большинства активных членов общества эта абстрактная схема не имеет никакого практического смысла. Для них основная жизнь есть все то, что они делают в первичном коллективе, для него и через него. Эта жизнь в коллективе

отражается во всех остальных кусочках и аспектах их жизни, подчиняет их себе, окрашивает их в свои краски. Она оказывает доминирующее влияние на жизни и переживания членов их семьи. И даже после того, когда они покидают первичные коллективы и уходят на пенсию, до конца жизни они несут в себе влияние их прошлой жизни в коллективе. Дело для них обстоит не так, будто они ходят на работу в первичные коллективы для того, чтобы (выполнив некие обязанности) затем жить некоей настоящей жизнью. Дело фактически для них обстоит как раз наоборот: они живут как-то вне коллектива лишь для того, чтобы иметь возможность жить в первичном коллективе. Жизнь в коллективе есть подлинная их жизнь, а жизнь вне его – лишь условие первой. Коллектив берет не только их лучшие силы тела, но и их душу. Коммуна берет людей целиком и полностью, выжимает все их телесные и душевные соки и выбрасывает потом в частную и уличную жизнь измотанными, опустошенными, злобными, скучными и серыми существами.

На уровне первичного коллектива люди не только (а может быть – не столько) трудятся, но и (сколько) проводят время в обществе хорошо знакомых людей, обмениваются информацией, развлекаются, предпринимают многочисленные действия, сохраняющие и улучшающие их положение, осуществляют контакты с людьми, от которых зависит их благополучие, посещают многочисленные собрания, получают путевки в дома отдыха, получают жилье, а порой и дополнительные продукты питания (в связи с постоянными продовольственными трудностями это весьма существенно). Здесь они повышают свою квалификацию и получают всякого рода звания, удостоверяющие это. Здесь они занимаются в художественной самодеятельности и спортом, не говоря уж о кружках политического образования. Здесь они занимаются общественной работой. Здесь их вовлекают в различного рода массовые мероприятия (демонстрации, встречи и проводы важных персон, праздники, вечера отдыха, туристические походы и поездки). Тут происходит не просто реализация абстрактной схемы, а жизнь в самом точном смысле слова с ее радостями и горестями, удачами и неудачами, жизнь, полная страстей и драматизма. Именно эта реальная жизнь должна быть в первую очередь принята во внимание при научном описании коммунизма. Но именно ее игнорируют почти все, пишущие и говорящие о коммунизме. Предпочитают говорить о вещах, которые производят большой внешний эффект (репрессии, отсутствие гражданских свобод), но которые почти не существуют практически для людей, живущих на уровне первичного коллектива. Если здесь эти проблемы и возникают, то лишь для того, чтобы коллектив осудил инакомыслящих и выразил поддержку властям.

Суть жизни на уровне первичного коллектива состоит в том, что упомянутые выше абстрактные блага индивиды приобретают в ожесточенной борьбе. Эти блага (если тут уместно это слово) не приходят сами собой. Даже примитивная справедливость здесь достигается с боем. Причем это не есть нечто одноактное. Эта справедливость завоевывается постоянно. Стоит на какое-то время ослабить усилия, как человек оказывается так или иначе обделенным. Здесь все, положенное людям «по праву», должно быть «выбито» в качестве такового. При этом даже самая примитивная справедливость реализуется лишь как средняя тенденция, т.е. через нарушения и отклонения. Один индивид урывает больше того, что положено ему, другой меньше. Один и тот же индивид урывает в одном, но теряет в другом. Путевки, премии, надбавки к зарплате, повышения по должности, место в детском саду, квартира и т.д. и т.п., – все это суть реальные ценности, за которые идет ожесточенная борьба всех против всех. И силы коммунальности разворачиваются тут во всю мощь. И спасаясь от них (т.е. от самих себя), люди здесь выработали общественно-значимые защитные средства в виде определенной системы норм и организаций, следящих за их соблюдением. Эти нормы суть нормы распределения деятельности и всего того, что имеет ценность для людей. Эти организации суть партийная организация, профсоюзная организация и ряд других, контролируемых этими двумя главными (комсомольская организация, касса взаимопомощи, жилищная комиссия и другие).

Самая глубокая и, вместе с тем, самая поверхностная суть коммунизма проявляется там, где люди работают и добывают средства существования, – в коммуне. Коммуна есть (как правило) организм со сложной структурой и сложной системой взаимоотношений между людьми. Постороннему наблюдателю разобраться в системе этих взаимоотношений очень трудно, а то и вообще практически невозможно, подобно тому как этнографу бывает порой

трудно разобраться в поведении и отношениях членов, казалось бы, примитивного племени. Сами же члены коммуны (сотрудники) прекрасно в ней ориентируются. Это и не удивительно, ибо их основная социальная профессия – уметь ориентироваться в этой среде и ухитриться урвать для себя как можно больше. Их производственная деятельность здесь есть нечто вторичное и побочное. Не коммуна существует для дела, а дело терпят и выполняют лишь постольку, поскольку должна существовать коммуна. Лишь немногие энтузиасты одержимы делом как самоцелью, да и то до поры до времени. Награды, повышения, известность, разочарование и прочее рано или поздно обнаруживают социальную суть энтузиазма. Бесконечные вопли средств информации (газеты, радио, телевидение) о некоем массовом трудовом энтузиазме суть пропагандистская ложь или пустая формальность. Дело, которым заняты люди в коммуне, для самих людей выступает лишь как средство распределения жизненных благ в соответствии с фактическими законами общества, средство сохранения и улучшения социальной позиции.

Система оценок и ценностей

С точки зрения внешнего наблюдателя в коммуне не происходит почти ничего, заслуживающего внимания. Все кажется мелким, пустячным, ничтожным. Чтобы тут заметить что-то значительное, надо в ней жить самому, а это исключает возможность объективного наблюдения вообще. Здесь все лежит на поверхности, все и всем известно. И вместе с тем, здесь все скрыто. Скрыто, ибо не известно, что здесь надо открывать и фиксировать как заслуживающее внимания с точки зрения имманентной жизни коммуны.

Одно дело – когда сам крутишься в житейской сутолоке, и другое – когда смотришь на нее со стороны. Все смотрится иначе. Начав наблюдать коммуны с позиции натуралиста, изучающего муравейник, стадо обезьян или скопление крыс, вы будете сначала потрясены кажущейся бессмысленностью подавляющего большинства действий сотрудников и несоразмерностью между событиями и реакцией сотрудников на них. Например, зачем эта масса уставших людей идет в актовЫй зал и часами мучается в нем, заранее зная, что от них ничто не зависит, что давно все решено и согласовано в соответствующих инстанциях. Зачем председатель собрания предлагает голосовать, хотя заранее знает, что большинство вообще не удосужится поднять руку, что он, не глядя даже в зал, скажет, что решение принято единогласно, что никто не пикнет по сему поводу. Или вот идет сотрудник А. И вид у него такой, как будто случилось величайшее несчастье. А что произошло на самом деле? А произошло то, что сотруднику В дали Почетную грамоту (опять – бессмысленная бумажка!), а ему, сотруднику А, объявили всего лишь благодарность в приказе (опять – бессмысленная строчка в бессмысленной бумажке!), хотя его заслуги (какие?) превосходят заслуги сотрудника В. И, боже мой, какую удручающую картину являют люди, когда дело касается денег, путевок, квартир. Какие разгораются страсти! Возникает недоуменный вопрос: неужели же надбавка зарплаты на пятерку заслуживает таких переживаний?! Какая разница – быть нищим на такую-то зарплату или на пятерку больше?! Оказывается, разница есть и очень серьезная. Для самих участников этой суеты сует она много серьезнее, чем ситуации в положении королей, министров, миллионеров, выдающихся ученых и писателей, артистов и генералов.

Каждое общество характеризуется своей системой оценок и ценностей. Что такое оценки – каждому известно с пеленок. Съел кашку – молодец, хорошо поступил. Разбил чашку – нехороший ребенок, плохо поступил. Но далеко не каждому известно, что есть некоторые общие принципы оценок, одинаковые для всех обществ, для всех сфер жизни, для всех индивидов. Интуитивно мы это чувствуем в некоторых случаях. Так, если портной сшил плохой костюм, он сшил все равно плохой костюм, какими бы то ни были его намерения. Если человек плохо поет, то он плохой певец, будь он ночной сторож или директор. Если человек косноязычен, то он – плохой оратор, независимо от того, является он главой государства или дворником.

Оценки надо отличать от мнения. Мнение субъективно в том смысле, что нет общих, единых для всех критериев их высказывания. Мнение не является истинным и не является

ложным. Мнение может быть результатом того, что то или иное явление, событие, вещь нравится или не нравится человеку. Оценка же объективна в том смысле, что имеются общепринятые критерии и правила, по которым они формулируются. И любой индивид, руководствуясь этими критериями и правилами, получит примерно ту же оценку данного явления. Бывают отклонения. Но не в них суть. В тенденции все же есть нечто устойчивое. Например, разные учителя в школе примерно одинаково оценивают ответы учеников. Бывают отклонения в один-два балла. Но если взять множество учеников и множество их оценок, реализуется устойчивая тенденция. Общий принцип оценок – именно наличие такой тенденции к объективности и независимость от субъективных мнений. В житейской практике не для всех явлений имеются общие правила оценок. Имеет место смешение оценок и мнений. Но все это не влияет на само понятие оценки и принципиально не отвергает возможности общих критериев оценок для тех или иных случаев. В коммунистическом обществе господствует такая система оценок, которая основывается именно на отказе от общих принципов оценки. Это уже не есть система оценок. Здесь оценка действий и способностей индивидов есть функция от социального положения индивидов, их намерений и настроений окружающих. И даже от конкретности типа ситуации, в которой совершаются действия. Например, высшее начальство принимает решение прорыть канал из пункта А в пункт В и приказывает начать это делать. По общим принципам оценок и по правилам оценок технического и экономического порядка данное решение может быть оценено как в высшей степени идиотское. Но по коммунальным правилам оно оценивается как верх гениальности. И это не пропаганда. Это честно и искренне, ибо данная оценка получена как функция от намерений (облагодетельствовать народ, не ждать милостей от природы), от социального ранга решающих (высшие чины, а они по определению гении), от особенностей ситуации (есть нечего). Предложение же одного ретивого параноика прорыть этот канал, сделанное за неделю до этого, было оценено как вредное и даже как ревизионистское. Ибо кто ты такой, чтобы лезть со своими планами, не спросясь даже у заведующего группой. А ведь намерения у Параноика были те же: облагодетельствовать, повернуть вспять и не ждать милостей. Поскольку такая система антиоценок разработана с величайшей тщательностью и внедрена во все сферы жизни, то нет ничего удивительного в том, что граждане называют шедеврами идиотские фильмы, картины и книги, расхваливают плохо сшитые костюмы и гнилую картошку, возводят в гении потрясающе глупых руководителей.

Многие явления жизни помимо их жизненной ценности имеют еще некое символическое значение, а некоторые – исключительно символическое значение. Например, увеличение зарплаты имеет жизненное значение, что очевидно. Но не только. Оно еще переживается индивидом как символ того, что его уважают, что труд его ценят, что он способен к росту. Благодарность в приказе имеет чисто символическую ценность. Однако не следует эту символическую ценность рассматривать только как некое духовное явление. Символические ценности суть показатели положения индивида в обществе, показатели его перспектив, показатели признания обществом этого положения и перспектив. Потому-то такие сильные страсти разгораются по поводу кажущихся пустяков. Премия – не просто сумма денег (обычно – небольшая), а признание прочности положения индивида и перспектив роста. Перестали человека избирать в президиум собрания – все знают, что положение его ухудшается. Здесь всякая неудача (какая бы мелкая ни была) есть угроза ухудшения, а всякая удача есть надежда на улучшение. А поскольку люди все время живут в страхе ухудшения, каждый пустяк приобретает для них смысл сражения за жизнь. Человек коммунистического общества все время в бою. Пролезть без очереди – победа. Кто-то пролез без очереди перед тобой – поражение. Успел сесть в метро – победа. Перехватили место другие – поражение. Похвалили коллегу – твоя неудача. Поругали коллегу – твоя победа. Коммунальная жизнь – это отнюдь не кишение мелких страстей, это бурление крупных страстей, но по пустякам. Жизнь эта – миллионы пустяков, требующих больших душевных сил. И есть только два способа избавиться от этого. И оба они фиктивны. Первый – пробиваться вверх. Второй – самоограничение. И в том и в другом случае ты лишаешься естественных человеческих потенций и превращаешься в искусственное существо. Нормальная коммунальная жизнь – жизнь в трясине ее мелких дел.

Официальная идеология отражает это фактическое положение, заставляя все средства

воздействия на сознание людей облагораживать и идеализировать эту трясину мелких дел, а с другой стороны – проповедовать нечто противоположное – принцип быть выше житейских мелочей. В Советском Союзе этот принцип в свое время был очень популярен, в значительной мере – как успокоительное средство в ситуации безнадежной нищеты и перманентных трудностей. Теперь поклонников у него все меньше и меньше. Но их еще достаточно, особенно – в тех кругах интеллигенции, которым их жалкий жизненный уровень и примитивный образ жизни достается особенно дорогой ценой. Поскольку люди все равно бессильны вырваться из своей житейской трясины, они охотно идут навстречу официальной идеологии. И последняя тут не лжет, вернее – не просто лжет, а дает людям какое-то успокоение и загоняет их внимание в узкие рамки. Надо признать, что жизнь коллективов с этой идеологической точки зрения организована образцово. Отработаны все соответствующие процедуры – собрания, награждения, празднования, пресса. Посмотрите, например, советские газеты и фильмы, почитайте типичные книги, посмотрите картины художников! Повсюду на первом месте рядовой труженик, хорошо выполняющий свое дело, повсюду прославляются те самые житейские пустяки, образующие непроходимое болото советской жизни. Это не значит, что в этой стране на самом деле рядовой труженик с его житейскими делами есть самое почитаемое явление, – советская пропаганда и идеология лживы и лицемерны. Это значит, что господствующие слои и организации общества осуществляют идеологическую обработку населения в самом фундаменте его жалкого существования.

Борьба между людьми за жизненные блага – извечный закон человеческого бытия. Важно установить, в чем конкретно в данном обществе заключаются жизненные блага, за которые идет борьба, какими средствами она ведется и кто имеет преимущества в этой борьбе. Одно дело – борьба за более легкую работу, за грошовую надбавку к зарплате, за дополнительный метр жилплощади... Другое дело – борьба за работу, требующую отдачи всех сил и способностей, но дающую большие средства существования, за большие прибыли, за более высокое качество продукции, за новые рынки сбыта. В одних случаях в борьбе имеет преимущество талантливый, образованный и добросовестный человек. В других – бездарный холуй и жулик. Я вовсе не утверждаю, что общества строго различаются набором всех этих показателей. В любом обществе найдешь все примеры. Я утверждаю лишь то, что в каждом типе общества что-то преобладает, воспроизводится, поощряется, имеет преимущества. Возьмите коммунистическое общество. Какие жизненные блага стали здесь предметом борьбы? Все самые необходимые и обычные: еда, жилье, одежда, отдых, зрелища. Что становится главным оружием в борьбе за это? Социальное положение. Место в служебной иерархии. Личные связи (знакомства, взаимные услуги, блат, взятки). Кто имеет преимущества? Отнюдь не талант, не бескорыстный трудяга. А интриган, карьерист, хапуга, холуй, приспособленец, доносчик, бездарь, серость. Разумеется, есть исключения. Местами даже могут преобладать иные, противоположные качества. Но в целом дело обстоит именно так, как я сказал. Именно это, а не лозунги, программы и прочие идеологические штучки определяют основные черты коммунального общества и его основные тенденции. Они лишь оформляют, украшают, усиливают и охраняют эту прозаическую суть дела.

Формы социальной борьбы

Между коммунальными индивидами имеют место два типа отношений борьбы и различные комбинации этих двух типов. Первый из них – конкурентная борьба. В случае конкурентной борьбы индивиды независимы друг от друга в том виде деятельности, в каком они конкурируют. Здесь имеются третьи лица, независимо от конкурирующих, которые решают, кто победил в борьбе, или от которых зависит судьба конкурентов. Наиболее простым и очевидным типом конкурентной борьбы являются спортивные соревнования, когда соревнующиеся бегают или прыгают, не мешая физически друг другу делать свое дело. И есть судьи, которые следят за соблюдением правил борьбы и решают, кто побеждает. Факты конкурентной борьбы между социальными индивидами (как отдельными людьми, так и между целыми коллективами) можно наблюдать в различных обществах. Иногда такая форма борьбы играет огромную роль в обществе, как это имело место в буржуазных странах

недавнего прошлого и до сих пор еще дает о себе знать на Западе. И в коммунистическом обществе нетрудно заметить конкурентную борьбу. Однако условия для нее здесь в социальной жизни сильно затруднены. Она здесь играет крайне второстепенную и подсобную роль. Главная роль здесь принадлежит второй из упомянутых форм борьбы. Последняя состоит в том, что борющиеся опутаны различного рода зависимостями именно в том аспекте, в том деле, в котором идет их борьба. Наглядный пример такой формы борьбы мы получили бы, если бы каким-то образом связали соревнующихся бегунов, дали им средства мешать друг другу бежать. Я называю такую форму борьбы препятствованием (в отличие от конкуренции) или привентацией.

Привентация как главная форма социальной борьбы обусловлена всем строем жизни коммунистического общества. Вместе с тем она является одним из важнейших механизмов сохранения общества и действия его законов. Цель привентации состоит не в том, чтобы выделиться из массы прочих членов общества за счет лучшего выполнения данного вида деятельности, как это имеет место в случае конкуренции, а в том, чтобы помешать индивидам выделяться именно таким образом, низводить выделяющихся до некоего средне-общественного уровня. Как отдельные члены коллективов, так и целые коллективы обладают огромными возможностями для того, чтобы осуществлять привентацию. Причем они обладают также и средствами замаскировать подлинную суть привентации, придавая ей форму заботы о благе общества, взаимопомощи, объективной критики.

Средства привентации разделяются на открытые и скрытые. Открытые – стремление заметить недостатки в деятельности выделяющихся индивидов и скомпрометировать их публично. Скрытые – всякого рода доносы, «сигналы», письма в руководящие инстанции, слухи, клевета, влияние на лиц, от которых зависит судьба выделяющихся, подлоги. В ход идут все средства интриги самого подлого свойства. Провести четкую грань между открытыми и скрытыми средствами невозможно. Они переходят друг в друга, тесно связаны. Важно то, что как только окружающие замечают, что тот или иной человек или коллектив начинают возвышаться над общим уровнем, они не сговариваясь, но очень дружно начинают систематическую и неутомимую работу по препятствованию замеченному выделению. Как показывает опыт Советского Союза, только при условии помощи выделяющемуся со стороны высших органов власти он имеет возможность возвыситься на более или менее длительный срок и более или менее высоко. Но у властей редко хватает сил на такую протекцию в отношении многих выделяющихся. Кроме того, они сами в своей протекции не могут зайти слишком далеко. И потому даже в случаях защиты сверху выделяющиеся все равно низводятся до среднего уровня. А в большинстве случаев им вообще не удается выделиться ощутимым образом.

К тому же и сами граждане общества скоро убеждаются в том, что возвышение над средним уровнем дает им мало преимуществ, а чаще оно вообще порождает дополнительные неприятности. В общем и целом положение рядовых граждан и руководителей зависит не от превосходства над другими в данном виде деятельности, а от других факторов, в том числе – и от способности не выделяться из массы людей. Так что вполне естественно преобладающей в обществе становится тенденция к посредственности во всех формах деятельности, отсутствие стремления повысить качество продуктов труда и интенсивность последнего.

Конечно, доминирование привентации имеет и свои преимущества. Здесь либо вообще не бывает побежденных, либо фактические побежденные от этого не страдают и во всяком случае не погибают. Кроме того, одним из могучих средств привентации является взаимопомощь, взаимовыручка. Не случайно одним из элементов так называемого социалистического соревнования здесь является обмен опытом и взаимопомощь. Отстающие так же нежелательны в этом обществе, как и выделяющиеся. Но с ними дело обстоит проще: достаточно снизить средне-общественный уровень, как отстающие оказываются нормальным явлением. Отсюда – тенденция к снижению и средне-посредственного уровня всего производимого в обществе.

Рассмотренные тенденции прекрасно уживаются с таким явлением, как образцово-показательные индивиды и коллективы. Советский Союз в этом отношении достиг выдающихся успехов. Здесь есть показательные образцы для иностранцев, для своего начальства, для демагогии и пропаганды, для нужд избранной части общества. Здесь есть и

такие показательные образцы, цель которых – быть образцами («маяками») для прочих явлений такого рода. Здесь есть и такие образцовые специалисты и учреждения, существование которых обусловлено чрезвычайными потребностями страны, в особенности – военными. Иногда такие случаи являются результатом титанических усилий отдельных энтузиастов. Но все эти исключительные случаи лишь подчеркивают общую заурядность, оказывая на нее настолько ничтожное влияние, что его вообще можно не принимать во внимание. С другой стороны, они способствуют тенденции общества к показухе, к очковтирательству, к фиктивным формам организации и деятельности, к вытеснению реальной деятельности ее имитацией.

Привентация касается не только борьбы лиц и учреждений одной категории, но и разных категорий. Так что в результате ее действия устанавливается и поддерживается некое соответствие уровней различных профессий и отраслей хозяйства и культуры. Различие в уровне различных сфер деятельности людей обусловлено рядом причин, скрывающих и модифицирующих тенденцию ко всеобщей заурядности. Например, высокий уровень спорта, балета и шахмат в Советском Союзе держится благодаря тому, что эти явления стали элементом государственного престижа, орудиями мирного (пока) завоевания мира в пользу коммунизма. И самое любопытное тут состоит в том, что эти средства действуют. Не так давно мне довелось присутствовать в компании довольно образованных людей. Смотрели телевизионную передачу о спорте. Показывали китайских гимнастов. Последние выступали очень хорошо. И часть зрителей восприняла это выступление как показатель хорошей жизни в Китае. На мое замечание, что успехи спорта в Советском Союзе прекрасно сочетались с низким жизненным уровнем и массовыми репрессиями, реагировали как на навязчивую идею.

Интимная жизнь коллектива

Интимная жизнь коллектива не исчерпывается совместной производственной или служебной деятельностью. Она включает в себя также разнообразную совместную общественную деятельность (собрания, вечера, поездки), а также личные взаимоотношения, вырастающие на этой основе (сплетни, гостевание, любовные связи, совместные выпивки, локальные группки, мафии, круговая порука, взаимные услуги). Последние-то и придают внутриколлективным отношениям характер интимности. Они сплавляют коллектив в единую семью не в фигуральном, а почти в буквальном смысле слова. Они сплавляют коллектив в нечто большее, чем семья, а именно – в своего рода единую личность (суперличность) коммунистического общества, в такое «мы», которое имеет право рассматривать себя как «я». Это очень важно для понимания всего происходящего в коммунистическом обществе. Здесь, подчеркиваю, носителем личностного начала является не отдельный человек, а целостное учреждение. Отдельный человек есть лишь частная личность, претензия на личность, протест против обезличивания, воспоминание о личности. Так что в применении к этому обществу полноценным субъектом права и морали является не отдельный человек, но лишь отдельное, целостное и автономное в своей деятельности учреждение. Когда нормы права и морали, сложившиеся в условиях цивилизации Запада, переносят на это общество, получают те самые курьезы, из-за которых столько десятилетий идет бесперспективная борьба.

Интимная жизнь коллектива – это огромное число действий и связей, которые в большинстве случаев привычны, автоматичны, неявны, незаметны для посторонних, но существенны для посвященных. Это – все то, что делает человека своим в некоторой части коллектива и через эту часть – своим для коллектива в целом. Благодаря этому в интимной жизни человека не остается ничего такого, что неизвестно коллективу (начиная от состояния кишечника и кончая амурными делами). Чтобы человек был признан в коллективе своим, он должен обладать некоторым набором пороков, допускаемых коллективом фактически, хотя порицаемых часто официально. Например, пьянство (в меру, конечно, чтобы не было «пятна» на учреждении и чтобы жена не жаловалась), двуличность, подхалимаж, склочность, бездарность. Человек еще более принимается коллективом, если с ним приключаются неприятности (болезни, раздоры в семье, неудачи с детьми). Коллектив, например, готов с сочувствием зацеловать человека, у которого ограбили квартиру, украли шубу. Коллектив по

самой сути есть объединение ущербных, серых, несчастных существ в некое целое, компенсирующее их дефекты.

В коллективе выделяются люди, которые становятся профессионалами по его интимной жизни. Они вникают во все детали жизни сотрудников, распространяют новости, слухи и сплетни, мобилизуют сочувствие или осуждение. Одним словом, коллектив учреждения, в котором работает индивид, есть его основа и органическая жизненная среда, без которой он вообще не мыслит себя в качестве личности. И общество не признает в качестве полноценного гражданина такого человека, который сам или через членов своей семьи не приписан (не прикреплен) к какому-нибудь учреждению, как принято говорить – нигде не работает. И это – объективный факт жизни, а не пропаганда апологетов и не клевета врагов. Это – фундаментальный факт всей социальной структуры общества.

О духовной близости

Часто приходится слышать жалобы на то, что люди на Западе живут в духовной изолированности друг от друга. И этой изолированности противопоставляется близость между людьми в коммунистических странах, в Советском Союзе – в особенности. Не хочу ничего говорить об изоляции людей на Западе, – это не моя тема. Но что такое советская близость людей, это мне хорошо известно. Возможно, у нее есть достоинства. Наверняка есть: это есть естественная форма отношений между людьми в условиях господства социальности. Но суть этого «блага» – взаимное насилие, взаимное унижение, взаимный контроль. Это – проявление коммунистического насилия коллектива над индивидом. Причем индивид добровольно насилуется другими, ибо сам участвует в насилии над другими. Фактический принцип этих «теплых» и «дружеских» отношений таков: «Все мы ничтожества». При таких отношениях люди стремятся знать всю подноготную жизни других людей, смакуют всякие житейские мелочи, обычно – грязные, вмешиваются в души и жизнь друг друга, за глаза издеваются друг над другом, распускают сплетни, клеветают. Проявляя внимание друг к другу, люди вольно или невольно стремятся напакостить друг другу, низвести тонус жизни всех до некоего средне-паскудного уровня. Это не есть некое достижение в духовном развитии человечества. Это скорее есть нечто похожее на промискуитет, но в сфере бытовой и духовной жизни вообще. Я не знаю более мерзкого явления в человеческих общениях, чем интимная близость советских людей. Представьте себе, вы попали бы в такие условия, когда каждый ваш шаг наблюдался бы и обсуждался бы окружающими. Вы сели есть, и вам все заглядывают в рот. И говорят вам, что у вас слева внизу одного зуба не хватает. И вообще, зубы у вас скверные, у других присутствующих лучше. Нечто подобное имеет место в человеческих общениях в коммунистических коллективах всякого рода. Здесь отсутствие всякой культуры человеческого общения возводится в принцип и выдается за высшее достижение в этой области. Причем интеллигенция в этом отношении не только не отстает от низших и высших слоев (которые мало чем различаются), но идет дальше и являет образцы. Хамство, взаимное унижение и опошление всего на свете достигает здесь чудовищных форм и размеров. Здесь человек должен быть испачкан окружающими (близкими!) со всех сторон, чтобы быть своим в этой среде. Может быть, это взаимное опошление есть одно из самых страшных явлений коммунизма. Принцип «Интересы коллектива превыше интересов личности» в практическом исполнении выглядит как стремление всех превратить в ничтожества, достойные насмешки и презрения. Никаких личностей, – вот суть его. А официально раздуваемые «личности» суть такое же ничтожество, как и все прочие, – это знает каждый член общества, в особенности – образованный. Коммунизм мыслился лучшими людьми прошлого как такая организация жизни людей, в которой люди вместе трудятся, вместе развлекаются, вместе переносят трудности, вместе радуются удачам. В которой все распределяется поровну и по справедливости, в которой все живут открыто, на виду друг у друга, живут душа в душу, помогают друг другу, заботятся друг о друге, любят друг друга, – короче говоря, живут единой дружной семьей. Такая коммунистическая ячейка есть пустая абстракция, если взять общество в целом. Она предполагает отвлечение от смены поколений, от семьи, от бюрократии, от иерархии, от государства, от партии, от органов подавления. Такая абстракция

может реализоваться иногда для небольших групп в исключительных условиях и на короткий срок, но не для нормальной жизни общества в целом. Не случайно основоположники учения о коммунизме говорили об отмирании государства, органов подавления при коммунизме, – они чувствовали, что их идея – нереальная фантазия, и обставляли фантазию фактически нереализуемыми условиями.

Коммунальное закрепощение

Человек в коммунистическом обществе приобретает минимальные жизненные блага, упрощенную жизнь и минимальные гарантии насчет будущего дорогой ценой – ценой потери личной независимости, ценой подчинения первичному коллективу, ценой коммунального закрепощения. Я имею в виду не просто контроль общества над тем, как индивид выполняет свои деловые функции, – это само собой разумеется во всем обществе, где людям приходится трудиться совместно. Я имею в виду прикрепление человека к первичному коллективу и подчинение правилам коммунального поведения в рамках коллектива и общества в целом. Это – специфически коммунистическая форма закрепощения человека.

В критической литературе стало общим местом сравнивать коммунистическое общество с концентрационным лагерем сталинских времен или с исправительно-трудовым лагерем нынешних «либеральных» времен (в лучшем случае). Конечно, концентрационные лагеря во многом похожи на коммунистическое общество: здесь большие массы людей вынуждены жить совместно по принципам социальности. И все же тут имеется принципиальное различие. В концлагере люди внешними силами вынуждаются жить совместно, и тип общества здесь им навязывается обычным «свободным» обществом. Коммунистическое же общество за пределами концлагерей есть продукт естественной, внутренней жизнедеятельности людей. Оно сначала производится людьми, можно сказать, добровольно. И лишь на этой основе оно навязывается людям как нечто данное от природы, причем – навязывается совсем иначе, чем в концлагерях (с рождения, с воспитанием в семье и образованием, во всей повседневной жизни). Человек в обычном коммунистическом обществе свободен в том смысле, в каком не свободен человек в концлагере. И сравнение коммунистического общества с концлагерем (стало модно говорить о нем как о «большой» зоне лагеря) затемняет суть этого общества, мешает его пониманию. Более того, концлагеря не могут служить моделью коммунистического общества в целом, подобно тому как отдельный орган сложного дифференцированного организма человека не есть модель организма в целом. В концлагерях удобно наблюдать проявление законов коммунальности, – здесь они действуют более открыто, чем в «свободном» обществе. Но концлагерь как целое не есть нормальная деловая ячейка коммунизма. Администрация и охрана лагеря может быть рассмотрена как ячейка коммунизма, но в особых условиях. А заключенные хотя и используются для какого-то дела, с социальной точки зрения суть материал для дела администрации лагеря, подобно тому как дети в детских садах и учащиеся в школах и институтах суть материал для дела сотрудников воспитательных и учебных заведений. Больные в больницах тоже суть люди, но они здесь не являются сотрудниками больницы как деловой ячейки. Хотя число заключенных в коммунистическом обществе может достигнуть больших размеров, не лагеря для заключенных образуют социально-экономический базис общества. Заключенные в коммунистическом обществе суть продукт его нормальной жизнедеятельности, концлагерь есть следствие того общества, которое есть за его пределами, но не основа и не частный случай последнего.

Повторяю, люди в нормальном коммунистическом обществе свободны в том смысле, в каком они не свободны в исправительно-трудовых лагерях (вообще, в заключении). Чтобы понять тип и степень закрепощения граждан коммунистического общества, надо сначала понять тип и степень его свободы. Всякая свобода есть свобода в определенных границах. Две различные проблемы (которые обычно смешиваются) возникают при этом: 1) насколько люди свободны в этих границах; 2) насколько прочны и узки (или широки) эти границы. Например, человеку, захотевшему поехать на Запад из Советского Союза и получившему отказ, этот факт кажется показателем отсутствия свободы, тогда как другому человеку в глуши страны,

даже и не помышляющему об этом, это мнение его соотечественника кажется абсурдом («с жиру бесится»). Ученику, который не имеет возможности попасть в Институт международных отношений, этот факт кажется ограничением свободы выбора профессии, тогда как с иной точки зрения этот факт так не воспринимается: нельзя же всем быть дипломатами. А доказать, что упомянутый ученик имеет больше прав на то, чтобы стать дипломатом, невозможно по той причине, что таких прав вообще нет. Тем более ученик не попадет в этот институт на законных основаниях: его просто провалят на экзаменах или потребуют особую характеристику от райкома комсомола, которую ему не дадут. Быть дипломатом есть привилегия господствующих слоев. Но такие привилегированные профессии есть во всяком обществе, – это не есть отличительная особенность коммунизма.

Суть дела состоит в том, что люди в коммунистическом обществе по условиям воспитания и очевидным условиям личной судьбы вынуждаются принимать те или иные границы свободы и несвободы поведения как нечто само собой разумеющееся, естественное. Они вырастают жить в этих границах и с детства приспосабливаются к ним. Они принимают навязываемый им образ жизни, не имея иного выбора, и сами затем навязывают его другим. Что получается из того, когда кто-то пытается нарушить общепринятые рамки свободы или несвободы (что одно и то же), об этом я скажу дальше. Суть коммунального закрепощения состоит не в насилии извне, а в принятии населением данных ограничений их свободы и воспроизводстве их в своем нормальном процессе жизни. Большинство людей вовсе не воспринимает свое положение как закрепощение. Это мы, наблюдая общество со стороны, можем позволить себе употреблять такое выражение, как «закрепощение», сравнивая положение людей в данном обществе с некоторыми реальными или абстрактно мыслимыми возможностями.

В рамках же общепринятых и кажущихся вполне естественными ограничений граждане коммунистического общества не ощущают себя несвободными. Их сознание ориентировано на другое – на то, как лучше устроиться в рамках дозволенной и, надо признать, для большинства вполне достаточной свободы. Ограничения на выбор профессии, места работы и жительства, на перемещения по стране и поездки за границу, например, как правило, не воспринимаются как отсутствие каких-то свобод. Обычно люди с этим мирятся или находят свои индивидуальные пути обойти эти ограничения. Например, ограничения на возможность жить в Москве обходят путем женитьбы или замужества, взяток, служебной карьеры, использования талантов. Но даже диссиденты не додумались еще до того, чтобы требовать отмены системы прописки.

Условия жизни людей в коммунистической стране разнообразны. В одном населенном пункте, например, нет заводов и специальных учебных заведений, в другом – один завод и один техникум, в третьем – десять заводов, два института, десять техникумов. Так что возможности образования, профессиональной подготовки и выбора профессии не одинаковы для всех. Учебные заведения различаются по уровню образования. Профессии различаются по степени приятности и по перспективам карьеры. Люди различаются по природным задаткам, по положению их семей и многим другим признакам. Уничтожить это разнообразие практически невозможно. И общество изобретает какие-то средства, чтобы заставить людей до известной степени мириться с ним. Такими средствами являются различные ограничения свободы людей – свободы в выборе профессии, места работы и учебы, передвижений, места жительства. Аналогичные ограничения есть во всяком обществе. Но в каждом обществе они имеют свой особый вид. В коммунистическом обществе они суть лишь продолжение общих принципов прикрепления людей к коммунам и распределения по социальному положению. Будучи вынуждены указанными выше причинами, ограничения свободы индивидов в условиях коммунизма становятся сознательным принудительным методом распределения людей по территории страны и коммунам. Развивается сложная система ограничителей – паспорта, прописка, трудности с гостиницами и транспортом, трудности с продовольствием и устройством на работу там, где хотелось бы. Устанавливаются своеобразные нормы свободы. Система привилегий охватывает этот разрез жизни в первую очередь.

Рамки свободы (или несвободы) обнаруживаются людьми и начинают переживаться таким образом, когда они начинают преступать границы писаных или неписаных законов коммунистического образа жизни. Например, если какие-то люди организуют

религиозные секты или политические группы, пытаются что-то издавать, минуя цензуру, и устраивать неразрешенные властями демонстрации, они сразу обнаруживают отсутствие в этом обществе ряда таких свобод поведения людей, какие являются обычными в демократических странах Запада. То, как на такие попытки реагируют официальные власти, общеизвестно. Здесь важнее другое: то, что власти выражают лишь реакцию массы населения на такие отклонения от норм коммунистической жизни. Дело здесь обстоит не так, будто некие нехорошие власти умышленно лишают людей якобы естественных и общепризнанных свобод, а так, что общество в самих его основах не нуждается в такого рода свободах и даже враждебно по отношению к ним. Они суть чужеродные явления в нем. И борьба с такого рода явлениями здесь ведется прежде всего на уровне первичных коллективов.

Личность и функция

Индивид в коммунистическом обществе с рождения живет в сфере действия мощнейшей системы воздействия, которая успешно (за редким исключением) творит из него «нового человека», удовлетворяющего принципам этого общества. И надо признать, что это свое гнусное дело общество делает хорошо. Теперь уже очевидно, что коммунизм – это прежде всего общество плохих поступков. Но дело по производству этой плохой продукции тут налажено здорово. Хорошо делать плохие вещи, пустяки, «липу», фикцию, имитацию, фальшивку – это есть неотъемлемое качество коммунистического общества. Это в особенности относится к главной продукции – к производству человека. Общество здесь выпускает в массовых масштабах превосходно сделанные существа, лишенные каких бы то ни было социально-нравственных устоев и готовые на любую мерзость, какая от них потребуется смотря по обстоятельствам.

С точки зрения человеческого материала коммунистическое общество характеризуется тем, что в нем невозможны в массовом исполнении индивиды, обозначаемые термином «личность». Это не следует понимать так, будто индивиды не могут вообще совершать поступки, свойственные личности. Это следует понимать так: если индивид совершил поступок, свойственный личности, то он устраняется с арены истории, в частности – уничтожается и как биологическое существо или насильственно изолируется. Человек может только однажды совершить поступок, свойственный личности. Но этого слишком мало, чтобы считать его личностью, ибо личность – социальный индивид, более или менее регулярно совершающий поступки такого рода. Конечно, бывают такие исключительные ситуации, когда человек завоевывает возможность на некоторое достаточно длительное время быть личностью. Но коммунистическое общество так или иначе и рано или поздно очищается от таких индивидов. Кроме того, такие случаи – величайшая редкость. Они не типичны и не характерны для коммунистического общества. Для последнего типично и характерно именно отсутствие таковых или уничтожение (в том числе – выталкивание вовне) случайно уцелевших индивидов, набравшихся наглости быть личностями. Коммунистическое общество тяготеет к абсолютно однородному безличностному состоянию. Так спокойнее. И порядка больше. И начальству гораздо легче.

Если человек коммунистического общества сложился в значительную личность, противопоставившую себя окружающей действительности, это не значит, что он прожил добродетельную жизнь, позволяющую приписать его к лику святых. Если он на деле пытается вести такую жизнь, его либо быстро ликвидируют всеми доступными средствами, либо он вырастает в борца против мелких несправедливостей в своем ближайшем окружении, всемерно поощряемого советскими властями и пропагандой. Такой правдоборец воюет с домоуправлением за починку водопроводных кранов, против курения в помещениях, против шума от транзисторов. Такой правдоборец – опора коммунизма. И никогда не дорастет он до противопоставления себя всему строю коммунистической жизни. А чтобы противопоставить себя таким образом, надо что-то сделать, достаточно долго пожить и многое обдумать, – надо, чтобы по тем или иным причинам общество само тебя вытолкнуло на такую роль. Конечно, черты характера, условия воспитания и события прошлой жизни играют при этом роль, и порой – решающую. Но не всегда. И не всегда заметно. А главное – такой человек живет

обычной нормальной жизнью, лишь постепенно накапливая свою исключительность. Не случайно потому в Советском Союзе происходят внезапные «вспышки» личностей, когда вдруг, казалось бы, обеспеченные и благонадежные граждане начинают бунтовать, протестовать, отстаивать личное достоинство.

Опять-таки такое положение есть следствие самого образа жизни основной массы населения. Люди здесь по своему положению в коммунах воспринимают друг друга не как целостные автономные существа, содержащие в себе все ценности мира, а лишь как частичные функции целого. Потому тут легко меняют любовников, друзей, соратников. Легко, ибо важна лишь функция, которую может выполнить любой подходящий индивид, а не некий суверенный партнер на высоком уровне отношения целостных личностей. Здесь практически действует принцип: незаменимых людей нет.

Различие человека-функции и человека-личности идет не по линии уровня образованности и культуры. Человек-функция может быть высокообразованным и высококультурным, а человек-личность может быть малограмотным и некультурным. Различие – в характере отношения людей друг к другу и к своему объединению. Я не употребляю здесь оценочных выражений. Быть личностью – не обязательно хорошо, а быть частичной функцией – не обязательно плохо. Работники совхозов и колхозов Советского Союза, например, образованнее дореволюционных крестьян и живут в общем и целом лучше их, но они являются все же частичными функциями некоторых коллективных личностей, тогда как даже бедные крестьяне прошлого тяготели к типу индивида-личности.

Помимо разделения людей по их функциям в деловой жизни коллектива и их официальным социальным позициям происходит неофициальное, но практически не менее важное разделение людей по их неофициальным функциям в коллективе. Здесь неприменимы понятия добровольности и принудительности. Просто определенные, подходящие для этого люди выталкиваются на определенные роли в жизни коллектива. Роли эти суть, например, следующие: осведомители начальства, сплетники, правдобротцы, обличители, порядочные люди, «реакционеры», гении. Я в моих книгах описал многие виды таких людей-функций, в том числе – функцию порядочного человека. Приведу это описание здесь как характерный пример такого рода. Пример этот интересен и как дополнительный штрих к портрету человека коммунистического общества.

Коммунистическое общество внесло существенный вклад в общий социальный прогресс, породив особую категорию индивидов, невиданную ранее и не встречающуюся в обществе иного типа. Это – порядочный человек. Не то чтобы раньше не было порядочных людей или нет их в других странах. Раньше их даже было больше, а в современных обществах иного типа их неизмеримо больше, чем в коммунистических странах. Но дело не в этом. Дело в особой социальной роли индивидов. Подобно тому, как в достаточно больших и устойчивых группах непременно несколько человек (обычно – один) выталкивается на роль добровольных шутов, так в социальных группах коммунистического общества один или несколько (чаще – один) индивидов выталкиваются на роль порядочного человека. Какие индивиды выталкиваются на эту роль? Разумеется, наиболее удобные и подходящие, умеющие извлечь из этой своей почетной роли ощутимую выгоду. Главное тут не в этом. Важно: какие зримые поступки регулярно совершают эти индивиды в этой своей роли и какова их скрытая социальная суть. Обычно сами порядочные люди и окружающие не осознают эту суть, что является одним из существенных проявлений самой этой сути. Порядочный человек совершает все те поступки, которые совершают прочие, но совершает их так, что на фоне этих прочих он выглядит воплощением доброты, чуткости, честности, смелости, принципиальности и прочих абстрактных добродетелей. Самим фактом своего существования он как бы говорит людям: можно быть добродетельными и при том не страдать, а даже вознаграждаться! Своим участием в разных организациях и свершениях он как бы облагораживает последние, маскирует их подлинную суть. Именно порядочные люди прикрывают в глазах широкой публики гнуснейшие проявления коммунистического образа жизни. Они не просто соучастники преступлений. Они надевают на последние маску добродетели или печальной необходимости, кроме того, они опасны. Они наносят удар в самое ответственное время и совершенно неожиданно, ибо ты надеешься на них, и тебе даже в голову не приходит, что это – самое уязвимое звено в твоей позиции. Начальство прекрасно отдает себе отчет в том, какую

роль играют на самом деле порядочные люди, и, в известных пределах поощряют их, даже специально выдумывают, если таковые не появляются по естественным законам коммунальной жизни. Они избираются во всякие бюро, награждаются премиями, ставятся в пример. Случаи, когда порядочный человек эволюционирует в оппозиционера, практически исключены. Как только начальство замечает, что порядочный человек нарушает границы дозволенного, его немедленно ставят на место или вообще лишают данной роли.

Пример с порядочным человеком я выбрал специально еще по той причине, что хочу подчеркнуть: в обществе, в котором царствует коммунальность, даже добродетели суть особые функции людей, а не некие прирожденные благородные качества. Причем часто добродетель даже лучше оплачивается, чем злодейство. И скрытая роль ее бывает порой более гнусной, чем открытое поведение злодеев.

Совершенно аналогично обстоит дело и с другими социальными функциями коллектива. Выше я уже упоминал о функции правдборцев. Интересно здесь то, что средне-обычная коммуна представляет собою нечто вроде рассыпавшегося на множество различных людей одного отдельного человека. Если вы теперь захотите узнать, что из себя представляет человек коммунистического общества в потенции как цельное существо, вы должны будете проделать такую операцию: взять средне-типичное учреждение общества, выявить его строение и разнообразные функции людей в нем и затем соединить это в своем воображении в целое, в характеристику отдельного человека. И тогда вы получите существо, которое сам Маркс определил как совокупность общественных отношений. Здесь коллектив плодит своих членов по образу своему и подобию, а члены коллектива воспроизводят свое объединение в соответствии со своей натурой. Круг замыкается. И внутреннего выхода из него нет. Мы творим нашу общественную жизнь в соответствии с тем, что мы представляем собою как исторически сложившиеся существа.

В коммунистическом обществе огромная масса людей профессионально или почти профессионально занимается тем, что низводит человека до уровня ничтожной ползучей твари. И самое мощное их оружие в этом деле – их собственная ничтожность, ползучесть, тварность. Это есть их естественная форма самозащиты и самосохранения. Так что преодолеть эту страшную силу – на это нужны века и жертвы.

Ответственность коллектива

Коммуны поставлены в обществе в такое положение перед властями, что они как целое несут ответственность за поведение своих членов. И если отдельные члены коммуны совершают осуждаемые обществом поступки, то в той или иной мере страдают и прочие члены коммуны. Положение здесь такое, какое бывает в армии. Ушел, например, солдат по увольнительной записке в город, напился там и устроил дебош. За это получают нагоняй многие командиры, причем – в иерархической последовательности (командир полка – от командира дивизии, командир батальона – от командира полка, и так вплоть до ближайшего начальника солдата). Политработники усиливают воспитательную деятельность. Весь взвод или даже вся рота лишается увольнительных записок на ближайшие несколько выходных дней. Проводятся собрания, выпускаются стенные газеты. Короче говоря, все окружение солдата вынуждается на то, чтобы осудить его. Точно так же организуется реакция коммуны на проступки его отдельных членов. Начальство коммуны начинают «таскать» в вышестоящие инстанции и «склонять» там (т.е. ругать). И это влияет на их положение и карьеру. Коллектив несет не только символическое наказание (например, места в соцсоревновании), которые в конце концов сказываются ощутимым образом (например, лишение премий), но и непосредственно ощутимые (потеря времени на собрания, всякого рода комиссии, усиление трудовой дисциплины, внимание к другим потенциальным нарушителям порядка). Подробно эта система («Коллектив в ответе за своих членов»), вынуждающая коммуны нужным образом реагировать на поведение своих членов, описана в книге «В преддверии рая». Эта система не просто передает власть над индивидом в руки коллектива, но делает исполнение этой власти неизбежным.

Отщепенцы и коллектив

Особенно отчетливо сущность взаимоотношений индивида и коллектива в коммунистическом обществе проявляется в случаях появления в коллективах особого рода лиц, которых в Советском Союзе называют отщепенцами. Это явление подробно описано в книгах «Записки ночного сторожа» и «В преддверии рая». Здесь я приведу лишь некоторые фрагменты этого описания.

Всякая коммуна распадается на активную, пассивную и выпадающую части. Активную образует сравнительно небольшое число сотрудников, которые заправляют всеми делами внутренней жизни коллектива, оказывают давление на дирекцию, партийную организацию и прочие общественные организации. Они образуют своеобразную мафию людей, связанных круговой порукой и взаимной выручкой. Они суть носители, выразители и создатели внутреннего общественного мнения коллектива. Они избираются в местком, в жилищную комиссию, в кассу взаимопомощи. В их руках распределение путевок, выдача ссуд и премий. Они распускают слухи и сплетни. Они составляют негласные досье на каждого члена коллектива. Конечно, далеко не все подвластны этой мафии. И сама она обычно выполняет волю официально правящей группы коллектива. Но ей многое подвластно, в особенности – в отношении сотрудников низших разрядов и житейских мелочей. Она не всегда однородна и единодушна. Иногда она распадается на враждующие части, меняется по составу. Иногда «поджимает хвост». Но при всем при этом ее роль остается незыблемой – коллективно урвать для себя все то, что возможно урвать на самом нижнем уровне жизни. Пассивную часть образует подавляющее большинство сотрудников коллектива. В нее входят и лица более высоких рангов, которые в какой-то мере стоят выше «житейских мелочей» жизни коллектива. Это – покорная и совершенно индифферентная масса. С нею считаются только тогда, когда та или иная группа стремится захватить инициативу и для этого привлечь ее на свою сторону. Выпадающую часть образует небольшое число лиц, которые по тем или иным причинам стоят вне интимной жизни коллектива. Обычно это – опустившиеся люди или временно работающие в этом учреждении. С ними вообще не считаются. Они как бы не существуют для коллектива. Но иногда в эту часть попадают хорошие работники, сознательно стремящиеся сохранить некоторую независимость и уклоняющиеся от погружения в мелочную интимную жизнь учреждения. Такие вызывают беспокойство и злобу. Их стремятся выжить, скомпрометировать, уничтожить.

Отличительная черта выпадающего отщепенца есть прежде всего неучастие в интимной жизни коллектива, которое членами коллектива расценивается как противопоставление коллективу, зазнайство, отрыв от коллектива. И не спасет то, что такой человек – хороший работник. Если коллектив почувствует, что этот человек – отщепенец, он сделает все, чтобы разрушить представление о нем как о хорошем работнике. Выглядит это как разоблачение, выведение на чистую воду, одергивание маски. Обычно это потом преподносят так, будто под личиной честного и хорошего работника скрывался враг.

Коллектив не сразу относит сотрудника к категории отщепенцев. Проходят годы, иногда – десятилетия, прежде чем это случается. Да и сам сотрудник не всегда сразу становится отщепенцем, а став – не всегда сразу это осознает. Иногда он этого вообще не осознает и впадает в крайнее недоумение, когда коллектив начинает с ним расправу. Коллектив сначала яростно борется за то, чтобы сотрудник не оторвался от него и не противопоставил себя ему. Применяются всевозможные меры: от ласки до угроз и нанесения ущерба. И обычно редко кто не поддается натиску коллектива. Последний в отношении сотрудника, за которого идет борьба, может себе позволить многое такое, что недопустимо в отношении тех, насчет которых нет сомнений. Например, коллектив может скрыть от начальства факт попадания сотрудника в выпрезитель и тем самым завлечь его в некоторые интимные отношения с доверенными лицами коллектива.

Как правило, сотрудники не стремятся стать отщепенцами, а коллектив искренне стремится приобщить человека к своей жизни. Здесь действует глубинный закон нивелирования индивида и прикрепления его к коллективу, причем – обе стороны естественным образом стремятся к этому. И если происходит выпадение человека в

отщепенцы, то это есть уклонение от общей нормы. Это уклонение не есть случайность – есть другие законы, порождающие его. Но само по себе оно есть уклонение от норм жизни, вырастающих из недр этой формы жизни. В силу тех же законов единства индивида и коллектива последний предпочитает не выбрасывание, а обламывание его и удержание в себе в обработанном виде. Тут имеет силу принцип: стань, как все мы, и мы тебя простим. Отщепенец выбрасывается вовне лишь в крайнем случае, когда не остается надежды обломать его, или по указанию властей. Обычно тут имеет место совпадение.

Одно из самых мощных средств воздействия коллектива на человека, который выпадает из него или имеет к этому тенденцию, – это клевета. Клеветали люди и в прошлом. Но только в коммунистическом обществе клевета стала нормальным социальным явлением, не вызывает открытого осуждения и никаких угрызений совести. Только здесь она достигает чудовищной силы и применяется на всех уровнях жизни. Конечно, все зависит от того, на кого она направлена. Если она направлена на своего или (боже упаси!) на вышестоящее начальство, она есть уголовное преступление. Она ненаказуема лишь тогда, когда объект ее вытолкнут коллективом и одобрен начальством в качестве индивида, противопоставляющего себя коллективу и обществу в целом. Такой индивид живет в атмосфере постоянной клеветы. Поскольку у людей нет никаких внутренних ограничителей (вроде страха Бога, совести, моральных принципов, воспитанности), а внешние ограничители сняты, люди не скупятся на клевету и проявляют при этом бездну изобретательности. Талант народа в огромной степени уходит в клевету на ближнего.

Навыки клеветы в обществе развиты настолько высоко и привычка клеветать вырабатывается из поколения в поколение настолько последовательно и систематично, что люди даже не отдают себе отчета в том, что они занимаются клеветой. Способность клеветы им органически присуща как одно из величайших исторических достижений народа. Клевета есть фактор повседневной жизни на всех ее уровнях. Практически клевету невозможно разоблачить, ибо в ней принимают участие все, никогда не обнаруживаются ее источники и инициаторы; посторонние не в состоянии отличить ее от правды, разоблачение ее легко превращается в пустяк, шутку.

Поразительным, однако, является не то, что коллектив расправляется с отщепенцем, а то, что он с необходимостью выталкивает какого-то своего члена на роль отщепенца. Отщепенец чужд этому обществу, но он чужд ему в такой форме, что он одновременно и необходим. Выталкивание подходящего человека в отщепенцы, одновременное стремление сделать его своим, затем – стремление дискредитировать и подавить его, наконец – исключение из общества, – все это суть необходимые элементы тренировки общества на монолитное единство, демонстрация этого единства для себя и для других, средства постоянного воспитания общества в определенном духе и поддержание этого духа. Врагами общества люди не рождаются. Они ими становятся, причем – по воле и желанию общества. Коллектив намечает человека определенного типа в качестве будущей жертвы, и приобщая его к коллективу, он делает это так, что в качестве неизбежного следствия имеет место выталкивание жертвы на роль врага. Врага обычно фиктивного, иллюзорного. Очень редко – реального. Здесь действует свойство этого общества – приобщить путем выталкивания или выталкивать путем приобщения. В этом есть какой-то глубокий смысл, непонятный участникам и аналогичный смыслу ритуальных жертв в обществах прошлого, основанных не на правовых, моральных и христианско-религиозных принципах.

Кандидаты в отщепенцы по своим личным качествам суть люди оригинальные, смелые, прямые, независимые в своем мировоззрении, яркие, т.е. самые беззащитные в социальном отношении, самые уязвимые и самые ненавистные для средней серой массы сотрудников коллектива. В отношении таких людей все меры коллектива, имеющие целью приобщить их к своей интимной жизни, вызывают естественным образом лишь усиление сопротивления индивида коллективу и стремление выделиться из него в качестве суверенной личности. И кончается это либо гибелью индивида на уровне коллектива (запой, апатия, авантюризм), либо фактическим изгнанием его вовне, что также ведет к потере его обществом. Очень часто это – физическая изоляция индивида от общества силами карательных органов.

Поступки людей, вызывающих повышенное внимание коллектива, не воспринимаются объективно, а подвергаются интерпретации. Суть последней состоит в том, что окружающие

по своему усмотрению приписывают поступкам таких людей мотивы, цели, причины и последствия, – т.е. определенный смысл. И далее люди имеют дело фактически не с поступками как таковыми, а со своей их интерпретацией. Они при этом не замечают, что им навязывается некоторая наиболее удобная для данной ситуации и для доминирующей части коллектива интерпретация. Члены коллектива прибегают к этому не потому, что они не знают подлинных причин, мотивов, целей и последствий поступков данного человека, а потому, что это для них удобно. Это дает им психологическое самооправдание, настраивает их определенным образом, дает аргументы для наказания жертвы. Они сами судьи и исполнители решений. Сам коллектив здесь поставлен в такое положение, что он в ответе за поведение своих членов. Это удобно. С одной стороны, с каждого индивида снимается ответственность за коллективное насилие над ближним, а с другой стороны, коллектив вынуждается на злобную реакцию против отклонившегося от него члена и на беспощадную расправу с ним.

Само наказание жертвы осуществляется по определенным правилам. Целая система организаций и лиц следит за тем, чтобы эти правила были соблюдены и чтобы наказание было доведено до конца. Все заинтересованные и ответственные лица должны убедиться в том, что коллектив правильно реагировал на «чепе», что коллектив в основе здоровый, а руководство справится с ситуацией и примет меры, предупреждающие повторение случаев такого рода. Иначе этим надсмотрщикам будет в свою очередь указано на их просмотры в этом деле. И так до тех пор, пока волна ответственности не заглохнет в глубинах социальной иерархии. Основные принципы ритуального наказания таковы: 1) всячески очернить жертву; 2) выразить свое возмущение ее поведением; 3) признать свою вину в том смысле, что проглядели, проявили либерализм, не обратили должного внимания на сигналы; 4) наказать тех, кто считается виновным в том, что проглядели; 5) принять профилактические меры.

Цель наказания – месть отклоняющемуся от общепринятых норм поведения и назидание другим. Наказание – не отдельный акт, а постоянное состояние провинившегося на всю оставшуюся жизнь. При этом наказываемый лишается защиты коллектива от хулиганов, воров, бандитов, милиции, соседей. В обществе, в котором индивид не имеет правовой защиты от произвола местных властей, единственной защитой для него в этом плане является коллектив. Без нее человек становится игрушкой в руках случая даже при сравнительно слабых наказаниях.

Индивидуализм и коллективизм

Очень чутко коммунистический коллектив реагирует на явление, противоположное его естественной форме поведения, психологии и идеологии, – на индивидуализм. Этому явлению уделено много внимания в книге «Желтый дом». Здесь я ограничусь лишь краткими замечаниями.

Индивидуализм и коллективизм суть особые типы поведения, психологии и соответствующей им идеологии. С поведенческой точки зрения индивидуалист предпочитает действовать в одиночку, независимо от других людей. Не следует это смешивать со стремлением к привилегированному положению. Индивидуалист готов поступиться привилегиями и выполнять более тяжелую и менее доходную деятельность, если она дает ему какую-то независимость от деятельности других людей. Коллективист же предпочитает действовать в группе, в контакте с другими людьми, делающими с ним одно единое дело. Индивидуалист избегает сборищ, стремится выделиться из толпы. Коллективист стремится к сборищам, стремится примкнуть к группам, кастам, париям, толпе. В массе людей ведет себя по законам массы, не выделяясь из нее. Не следует это смешивать с такими явлениями, как стремление к карьере или отсутствие такового, стремление к лидерству или отсутствие такового. Коллективист даже более склонен к возвышению над окружающими, к лидерству, к карьере, чем индивидуалист, ибо для него это есть его поведение и роль в коллективе, а для индивидуалиста это есть лишь средство отделиться от коллектива. Индивидуалист стремится пробиваться в жизни за счет индивидуальных способностей и личного труда, т.е. лично. Коллективист же пробивается вместе с коллективом, за счет коллектива, за счет своей роли в

коллективе.

С психологической точки зрения индивидуализм и коллективизм не следует смешивать с эгоизмом, эгоцентризмом, альтруизмом, мизантропией, общительностью, замкнутостью и прочими качествами того же рода. Коллективист может быть эгоистом и эгоцентристом, ненавидеть людей, быть замкнутым. Индивидуалист может быть общительным, может любить людей, может избегать привлечения к себе внимания. Коллективист может быть шкурником, может предавать свой коллектив за свои мелкие выгоды. Он не обязательно на самом деле ставит интересы коллектива выше своих личных. Индивидуалист может быть преданным коллективу, может жертвовать своими интересами ради коллектива. Дело тут совсем не в этом. Индивидуалист психологически самодостаточен. Он ощущает себя как целостную и суверенную личность, независимо от своей социальной позиции.

С идеологической точки зрения индивидуалист воспринимает себя как существо, имеющее самодовлеющую ценность и автономное. И в других людях индивидуалист признает такие же суверенные существа. И даже к коллективу, в котором вынужден вращаться индивидуалист, он относится как к равноправному существу. Он отвергает принцип «Интересы коллектива выше интересов личности». Он принимает принцип «Интересы членов коллектива по отдельности и коллектива в целом равноценны». Коллективист же воспринимает себя как функцию суверенного целого – коллектива, принимает принцип «Интересы коллектива выше интересов личности». Индивидуализм есть самая высокая оценка личностного начала в обществе, коллективизм – самая низкая. Они различаются не по отношению к коллективному началу в обществе, а исключительно к личностному. Для коллективизма ссылки на важность коллективного начала в обществе есть лишь аргумент в споре и материал для самооправдания. Для индивидуалиста человеческое общество есть объединение полноценных и суверенных «я», а для коллективиста лишь само объединение есть «я», лишь «мы» есть «я». Активный индивидуалист стремится быть единственным и неповторимым среди равных; активный коллективист стремится занизить себе подобных, возвыситься над ними и стать первым.

Коллективизм делает индивида более приспособленным к сложным условиям современного общества, чем индивидуализм. Коллективист гибче, подвижнее, изворотливее, чем индивидуалист. А когда речь идет об обществе коммунистическом или об островках коммунизма в других обществах, то коллективизм оказывается максимально адекватным самим основам общества. Поэтому общество здесь специально культивирует коллективистов. Индивиды, которые в иных условиях могли бы стать индивидуалистами в силу природных задатков, подгоняются под общую норму, подобно тому, как прирожденные левши принуждаются быть правшами. Общество стремится помешать появлению индивидуалистов. Но они все-таки появляются. Почему? Отчасти – по недосмотру со стороны окружения. А главным образом благодаря тому, что в обществе постоянно сохраняются виды деятельности, с которыми хорошо справляются лишь индивидуалисты. Это главным образом суть виды творческой деятельности, в которых коллектив в принципе или фактически в данных обстоятельствах не способен заменить отдельного человека, в которых коллектив не имеет никаких преимуществ перед индивидом. Но положение уцелевших и даже преуспевших индивидуалистов в подавляющем большинстве случаев драматично. Выполнение упомянутых видов деятельности создает угрозу возвышения индивида над прочими смертными не по законам данного общества, а вопреки им, что создает соблазнительные образцы. Он есть угроза порчи самого вещества общества, т.е. человеческого материала, образующего это общество. И поэтому общество стремится уничтожить вообще или свести к минимуму такие виды деятельности, создать в них стандартную коллективистскую обстановку, первыми жертвами которой становятся индивидуалисты.

Конечно, коммунистический коллективизм имеет и свои достоинства. Он разрушает личностную «оболочку» индивидов, обрекающую их на духовное одиночество, и сливает людей в некое духовное единство. Но что из себя представляет это средство излечения людей от одиночества?! Оно подобно грязной коммунальной московской квартире довоенного времени, в которой ютится пять или более семей, вечно враждующих между собою и вечно впадающих в слезливо-дружеское состояние.

Власть

Коммунистическое общество есть общество волюнтаристское в высшей, может быть, в предельно высшей степени. Здесь система власти достигает чудовищных размеров и пронизывает все общество во всех направлениях такой густой сетью, что отделить власть от подвластного населения практически невозможно. Поэтому совершенно нелепыми являются надежды на то, будто возможно изменить образ жизни в той или иной коммунистической стране, изменив форму власти в ней. Форму власти здесь можно изменить, только изменив общество в целом, а точнее говоря – разрушив страну и на развалинах построить общество другого типа. Но, как я уже говорил выше, возможности и в этом отношении весьма ограничены.

Что такое власть? Понятие это довольно неопределенное. Власть есть прежде всего совокупность всякого рода начальников в стране. А сколько их! В стране такого размера, как Советский Союз, число их настолько огромно, что вместе с членами своих семейств они образуют целое государство в государстве. Это выражение имеет, разумеется, чисто метафорический смысл, ибо начальники здесь не образуют некое единое целое объединение, а распределены по стране в массе подначального населения. При этом огромная часть начальников сама является одновременно подначальной другим начальникам и живет хуже, чем многие представители привилегированных слоев, начальниками не являющиеся (например, рядовой преподаватель университета может жить лучше, чем начальник милиции). Но из этого не следует, будто люди воспринимают функции власти как неприятные и обременительные. Даже за самые низшие должности в системе власти идет борьба, ибо они означают повышение социальной позиции и дают сравнительно ощутимые привилегии.

Эта огромная армия начальников есть явление сугубо коммунальное. Оно обусловлено самим фактом распада общества на деловые клеточки и далее на социальные и деловые группы различных уровней, иерархией клеточек, объединением всякого рода групп людей в сложные группы и в целое общество. И от этого явления невозможно избавиться, ибо есть объективные социальные законы на этот счет, неотвратимые, как закон природы. Есть определенные границы, в которых колеблется число начальников в современном достаточно развитом обществе. Оно не может быть меньше некоторого минимума, определенного одними только интересами управления людьми. И никакими государственными декретами не уменьшить это число. Можно уменьшить число официально признаваемых начальников, но появятся фактические начальники. Пусть официально непризнаваемые, но выполняющие вполне законные социальные функции. Число фактических начальников можно сократить, уменьшив численность населения страны, сократив число иерархических ступеней в структуре общества, упростив систему хозяйства и другими путями. Но многие ли из них соответствуют тенденциям эволюции общества?! Между прочим, одна из причин смены сталинского режима в Советском Союзе режимом хрущевско-брежневским связана с тем, что начался процесс стремительного усложнения жизни страны, и прежние формы контроля за нею оказались уже непригодными.

Коммунистическое общество не изобретает власть в этом смысле. Но оно способствует расцвету власти в обществе в этом направлении, ибо здесь место собственника занимает начальник, который даже не владеет тем, над чем он начальствует, причем начальник здесь обретает власть не в силу традиции, обычаев, наследства, а в силу самих отношений господства и подчинения.

Власть, далее, есть совокупность специальных органов общественного организма, имеющих задачей объединение больших групп людей в единое целое, в конце концов – в целую страну (партийный аппарат, министерства, территориальные власти). Эти органы сами имеют сложную структуру. В конечном счете и они состоят из деловых клеточек. Внутри самих этих клеточек люди разделяются на начальников и подчиненных. Эти органы имеют сложную структуру и в другом плане – партийный аппарат, административно-хозяйственный аппарат, государственный аппарат (в Советском Союзе, например, это – территориальные советы). В дальнейшем я вернусь к рассмотрению основных (с социологической точки зрения) свойств этого довольно громоздкого аппарата власти.

Наконец, власть есть всякая возможность одних людей осуществлять насилие в отношении других людей. В коммунистическом обществе власть в этом смысле приобретает особенно мощную силу. Это прежде всего – власть целого первичного коллектива над отдельными членами коллектива, власть отдельных членов общества над любым другим членом общества, попадающим на то или иное время в зависимость от него. Сюда относятся бесчисленные случаи, когда одни люди становятся объектами деятельности для других (например, власть продавца в магазине над покупателем, власть милиционера над подвыпившим интеллигентом, власть шофера такси над спешащим куда-то человеком, жаждущим схватить такси). Для рядовых граждан эта власть настолько ощутима, что часто заслоняет собою все остальные формы власти.

Власть в узком смысле слова есть совокупность лиц, занятых в государственном аппарате общества и его бесчисленных ответвлениях. В Советском Союзе это – различного уровня советы, министерства, комитеты, союзы, милиция, органы государственной безопасности и т.п. И конечно – партийный аппарат, объединяющий все это в единое целое, возглавляющий всю систему власти и образующий ее стержень на всех уровнях и во всех ответвлениях.

Подавляющее большинство представителей власти суть низкооплачиваемые служащие. Это власть нищих или нищая власть. Отсюда – неизбежная тенденция компенсировать низкую зарплату путем использования служебного положения. Поэтому ничего удивительного нет в том, что многие представители власти с низкими окладами живут значительно лучше более высоко оплачиваемых сограждан. Так что власть привлекательна материально даже на низших ступенях. Подавляющее большинство представителей власти официально обладает ничтожной долей власти. Отсюда тенденция компенсировать неполноту власти за счет превышения официальных полномочий. И возможности здесь для власти практически неограничены. Неудивительно также то, что практически огромной властью располагают ничтожные чиновники аппарата власти.

Отсюда, между прочим, ненависть рядовой власти к научно-технической интеллигенции и деятелям искусства более высокого ранга, распространяемая по закону компенсации бессилия на самую незащищенную и бедную часть творческой интеллигенции. Ненависть к интеллигенции вообще есть элемент идеологии всей массы власти хотя бы еще потому, что в низших звеньях власть образуется из низкообразованной и наименее одаренной части населения, а в высших звеньях из лиц, которые с точки зрения образованности и талантов повсюду и всегда уступали и уступают своим сверстникам, выходящим в ученые, художники, артисты, писатели.

Власть в коммунистическом обществе всесильна и, вместе с тем, бессильна. Она всесильна негативно, т.е. по возможностям безнаказанно делать зло. Она бессильна позитивно, т.е. по возможностям безвозмездно делать добро. Она имеет огромную разрушительную и ничтожную созидательную силу. Успехи хозяйственной (и вообще деловой) жизни страны не есть заслуга власти как таковой. Эти успехи, как правило, есть неизбежное зло с точки зрения власти. Тем более – успехи культуры. Это вообще не есть функция власти. Иллюзия того, что это – продукт деятельности власти, создается потому, что здесь формально обо всем принимаются решения, составляются планы, издаются распоряжения, делаются отчеты. На самом деле здесь имеет место лишь формальное наложение, а не отношение причины и следствий. Существование самодовлеющей власти облекается здесь в форму руководства всем.

Всемогущая власть здесь бессильна провести до конца и заранее задуманным способом даже малюсенькую реформочку в масштабах страны, если эта реформочка призвана повысить уровень организации общества, т.е. позитивна. Она одним мановением руки способна разрушить целые направления науки и искусства, отрасли хозяйства, вековые уклады и даже целые народы. Но она не способна защитить даже маленькое творческое дело от ударов среды, если последняя вознамерилась стереть это дело в порошок.

Власть коммунистического типа принципиально ненадежна. Она не способна достаточно долго и систематически выполнять свои обещания. Не потому, что она состоит из обманщиков. Она не способна сдерживать свое слово по условиям своего функционирования. Это касается, конечно, позитивных намерений в первую очередь и лишь в некоторой мере негативных. Лиц, обещавших что-то, легко заменить лицами, которые само это обещание

истолкуют как ошибку (для дискредитации сменяемых лиц). Общая тенденция к отсутствию стабильности норм жизни и тенденция властей к преобразованиям может изменить ситуацию так, что прежние обещания теряют смысл или забываются.

Ненадежность обещаний властей становится привычной формой государственной жизни. Властям в глубине души никто не верит. Не верят и они сами. И принимая решения, это предполагается априори. Неявно, конечно. И, повторяю, в том, что касается позитивной деятельности. А в том, что касается негативной деятельности, стоит только дать сигнал. Ломать – не строить.

Плюс ко всему прочему почти полная безответственность за ход государственных дел. Присваивая себе все положительное независимо от его природы, власть строит свою деятельность так, чтобы не нести никакой ответственности за промахи и недостатки. Внутри власти для этого существует система круговой поруки.

Власть в коммунистическом обществе есть элемент не политических, а иных социальных отношений – отношений коммунальных. Это – самодовлеющая власть, не имеющая никаких иных основ, кроме самой себя. Здесь не власть существует для общества, а общество признается и допускается лишь в той мере, в какой оно нужно и достаточно для воспроизводства и функционирования власти. Здесь общество есть лишь питательная среда и арена для спектаклей власти.

Все формы власти в коммунистическом обществе и все лица, причастные к власти и имеющие какую-то власть, не гнушаются никакими средствами (способны на все), если это дает желаемый результат и не наказуемо достаточно сильно. Коммунальный расчет образует основу и суть поведения всех и вся. Прочие же явления отношений людей производны от этой основы и подчиняются ей. Этому принципу подчиняется и государственная власть коммунистической страны в целом. Если руководство страны сочтет какую-то операцию нужной и сравнительно безопасной, ничто внутри общества не способно остановить его от осуществления этой операции, какой бы чудовищно безнравственной и жестокой она ни выглядела. Коммунистическая власть имеет ограничения своему произволу лишь во внешних препятствиях и в своих возможностях преодолевать их.

Власть на уровне клеточки

Сущность власти коммунистического общества отчетливо обнаруживается на уровне первичных коллективов. Конечно, в более крупных объединениях (вплоть до масштабов страны) власть приобретает функции, какими она не обладает на уровне клеточек. Но корни этих функций уходят все же в клеточки. Это суть лишь отчужденные и объединенные в масштабах страны функции власти в клеточках. Например, на уровне клеточек нет судов и карательных органов, однако функции наказания присущи уже первичным коллективам. Первичный коллектив не может дать разрешение сотруднику выехать за границу, но от него зависит эта поездка не в меньшей мере, чем от министерства внутренних дел. В огромном числе случаев первичные коллективы дают санкцию на возбуждение уголовного дела против своих сотрудников и даже сами выступают инициаторами таких дел.

В своей деловой ячейке граждане имеют дело с административной (деловой) властью, партийной властью (включая комсомольскую) и властью коллектива (включая профсоюзную организацию). Подавляющее большинство сотрудников коллектива так или иначе само участвует в этой системе власти. И хотя административное руководство назначается свыше, а партийное руководство отбирается и одобряется высшими партийными органами, власть на уровне первичных коллективов есть подлинное самовластие. Для большинства граждан общества жизнь вообще ограничивается уровнем первичных коллективов, так что для них власть как нечто актуальное предстает прежде всего в этом облике самовластия. Власть здесь не воспринимается как насилие. Даже высшие руководители коллектива не противостоят здесь рядовым сотрудникам так, как это имеет место в случае противостояния хозяев предприятий и наемных рабочих, владельцев земли и батраков или крепостных. Они здесь суть члены коллектива. Они могут иметь перспективы подняться выше и тем самым противопоставить себя коллективу как нечто внешнее и вышестоящее. Но пока они в данном

коллективе, они тут свои люди. Власть коммунистического общества является в высшей степени демократичной в своей основе, что сказывается и в личных взаимоотношениях руководителей с подчиненными. Один из фокусов социальной системы, на которые я постоянно обращаю внимание, состоит в том, что на самой демократической основе власти в коллективе вырастает самая недемократическая власть уже в масштабах районов, областей, министерств и т.п., не говоря уж о стране в целом.

Руководство коммуны

Руководитель коммуны (заведующий, директор) назначается вышестоящими административными органами. Однако санкцию на его назначение дает соответствующий партийный орган, а часто он проявляет инициативу в подборе подходящей кандидатуры. Как принято говорить в Советском Союзе, руководитель учреждения (а часто – и его заместители) есть номенклатура районных, городских или более высоких партийных органов. Должностные лица внутри клеточки на более низкие должности частично тоже отбираются и утверждаются высшими административными и партийными органами (номенклатура более низкого уровня), частично отбираются и назначаются руководством клеточки, разумеется, с санкции партийной организации.

Не следует думать, будто рядовые сотрудники вообще никак не участвуют в назначении руководства. Даже назначение высших руководителей коллектива часто зависит от мнений и желаний сотрудников учреждения. Какую-то роль играют партийные и общие собрания учреждения, производственные совещания и другие формы демократии. Назначение же на низшие посты вообще очень значительно зависит от рядовых сотрудников. Трудно подсчитать здесь точный процент, но пожалуй, большая часть первичных руководителей выходит из рядовых сотрудников.

О чисто социальном аспекте руководства я уже говорил. Здесь хочу еще обратить внимание на такие явления. Отбор людей во власть на уровне клеточки происходит как будничная деловая процесс. Он непрерывен, т.е. происходит не сразу для всех должностей, а постоянно, по мере освобождения или появления новых должностей. Иногда тут имеет место фикция свободных выборов (например, выборы научных сотрудников), но как исключение, а не как общее правило. Система власти воспроизводится непрерывно как обычная рутина. Есть некоторые общие правила отбора людей во власть. Среди них есть формальные (например, нужен диплом инженера или доктора наук), но в большинстве случаев действуют неписанные законы работы ответственных органов и коллективов. Описать эти правила – значит описать, какого рода люди имеют преимущества в карьере, каким людям отдает предпочтение отбирающая и назначающая власть. Конечно, тут бывают ошибки и просчеты, но редко. Обычно же решающие люди имеют достаточно жизненного опыта, чтобы отобрать подходящего человека. При отборе кандидата на пост принимаются во внимание его идеологические, деловые, моральные и общечеловеческие качества (например, умение обращаться с людьми). Отобранный по этим критериям кандидат, как правило, оказывается надежным и средне-толковым руководителем. Неверно, будто на должности отбираются самые ловкие и циничные проходимцы, – на уровне первичных коллективов людей знают достаточно хорошо и таких индивидов не любят. Но если приличные отобранные кандидаты затем обретают все качества подхалимов, циников, ловкачей, хапуг, так это действуют общие коммунальные законы, от которых уберечься удастся лишь единицам, да и то в редких случаях.

Наконец, не следует думать, будто назначенное свыше начальство не зависит от своих подчиненных. От успешности работы подчиненных зависит прочность положения руководителя и перспективы карьеры. В первичных коллективах руководство подвергается как гласной, так и скрытой критике. Гласная критика – собрания и производственные совещания. Негласная критика – анонимные и подписанные доносы, жалобы в высшие органы, слухи, клевета. Иногда руководителю учреждения приходится не столько заниматься делом, сколько обороняться от критики такого рода. Так что изображенная мною выше картина представляется гармонией только при условии отвлечения от коммунальности,

которая на самом деле буквально буйствует на уровне первичных коллективов, отравляя жизнь практически всем, и начальству – в том числе. Хотя люди рвутся в начальство, однако их жизнь не есть сплошное наслаждение. Часто она есть нечто довольно утомительное. Но люди все же идут в начальство, ибо для многих это – единственный путь вырваться из трясины коммунальности.

Власть руководителя коммуны над подчиненным не является неограниченной. Не говоря о том, что она ограничена потребностями дела коммуны, она ограничена и формально, – законами, вышестоящими административными и партийными властями, партийной и профсоюзной организацией коммуны, полномочиями других руководящих лиц коммуны. Так что порой директор вынужден длительное время вести изнурительную борьбу за то, чтобы уволить какого-то сотрудника, и часто терпит поражение. Руководители подразделений коммуны порой успешно отстаивают свои интересы против дирекции. С точки зрения организации дела коммуны руководитель мало что способен изменить. Деловая активность коммун ограничена их законным статусом и планами, и руководитель обязан действовать в этих рамках. Так что даже мелкая инициатива стоит руководителям коммун больших усилий и кончается нередко инфарктом. По этой причине руководители больше заботятся о показном аспекте жизни коммун, о том, чтобы хорошо выглядеть в отчетах, о личных взаимоотношениях со всякого рода важными и полезными лицами, о своем формальном авторитете. Львиная доля усилий и способностей руководителей уходит на то, чтобы удержаться на посту и создать в коммуне «здоровую» обстановку (т.е. чтобы начальство было довольно и чтобы недовольство в коммуне не превышало некоторую меру).

С точки зрения внутренней жизни коммуны директор (заведующий) имеет власть, существенную с точки зрения обычной жизни членов коммуны. От него зависит многое: продвижение по службе, премии, жилье, прибавки к зарплате. Но и тут он не полновластный хозяин. И тут он под контролем общественных организаций и рядовых граждан, которые пишут жалобы и анонимки во всякие органы и часто критикуют директоров открыто. Так что директор может использовать свою власть лишь лично для себя и своих подручных, подхалимов, реальных помощников.

Разумеется, руководители коммун постоянно стремятся превысить свои полномочия и злоупотребить властью. Это – норма жизни общества, если, конечно, не нарушается некая мера или не начинается какая-то кампания, для которой требуются свои жертвы.

Поскольку на роль руководителей коммун отбираются подходящие для этой цели индивиды, поскольку они проходят для этого соответствующую подготовку, то описанное выше положение руководителя их, как правило, вполне устраивает. Ограничение инициативы избавляет их одновременно от риска потерять свое положение из-за своих собственных ошибок. Вместе с тем, за ними сохраняется достаточно инициативы действия в рамках упомянутых ограничений. Правда, эта инициатива имеет, как правило, направление, ничего общего не имеющее с интересами прогресса в деятельности коммуны. Руководители не заинтересованы в техническом прогрессе, в рационализации производства, в снижении себестоимости продукции, в повышении производительности труда и т.д., что способствует общей тенденции к застою.

Руководители коммун являются деловыми руководителями (производственными, хозяйственными, административными) и одновременно представителями и уполномоченными партии в системе государственного руководства. В этом пункте социальное руководство обществом переходит непосредственно в деловое руководство. Это чрезвычайно важно для понимания природы власти в коммунистическом обществе. На уровне коммун имеет место еще один важный стык и перелом в системе власти, о котором я скажу ниже. Но уже случай с руководителями коммун достаточен для того, чтобы отвергнуть как вздорное противопоставление некоей партийной и хозяйственной власти. Власть в обществе одна. И «хозяйственная» власть есть лишь функция и ответвление единой системы власти, которая лишь в крайних проявлениях выглядит как «партийная».

Партийная организация

Хотя структура и роль партии в коммунистическом обществе, казалось бы, совершенно очевидны, непонимание сущности партии в критической литературе достигает чудовищных размеров. Любопытно, что бывшие члены партии и даже лица, занимавшие посты в партийном аппарате, одинаково с прочими говорят на эту тему несусветную чушь. Чего стоит, например, утверждение одного известного критика советского общества, будто в нем господствует некая партократия. Почему это происходит? Официально в Советском Союзе (и других коммунистических странах) партия считается руководящей и направляющей силой общества. Поскольку считается, что советская пропаганда врет, то и эта формула считается ложной, хотя она совершенно справедлива. И хотя роль партии отвергнуть никак нельзя, выдумывается теория, будто власть в стране принадлежит партийной верхушке, опирающейся на КГБ и армию в деле насилия над всеми прочими. А между тем выражение «руководящая и направляющая сила» не обязательно означает, что партия есть нечто очень хорошее, – это выражение не оценочное. Даже тогда, когда советская пропаганда утверждает, что партия есть ум, честь и совесть советского общества (и даже эпохи), она говорит правду: из этого утверждения самого по себе еще не следует, что эти ум, честь и совесть суть высокого качества.

Вторая причина – чисто гносеологического порядка. Можно о некотором явлении знать очень много, совершенно не понимая сути этого явления. Именно так обстоит дело в данном случае. Слово «партия» здесь сбивает с толку. Партия в коммунистическом обществе рассматривается по аналогии с прочими политическими партиями, как явление политическое, хотя на самом деле роль партии в ставшем коммунистическом обществе качественно отличается от роли политических партий в некоммунистических странах: здесь партия не есть уже явление политическое. И чтобы понять, что это такое на самом деле, нужен тот самый метод понимания, о котором я говорил выше: надо сначала понять, что такое есть партия на микроуровне первичных коллективов, т.е. в самом фундаменте общества, и лишь на этой основе можно объяснить те превращения с партией, которые происходят с ней на макроуровне общества в целом. В том числе лишь на этом пути можно понять, почему нелепа сама идея многопартийной системы в рамках коммунистического общества.

Согласно обывательскому способу мышления плохое происходит только из плохого, и если в обществе что-то плохо, то и породившие это плохое причины тоже плохи. И вообще, в плохом обществе все плохо. На самом деле в жизни постоянно добро порождает зло, а зло – добро, и даже в самом плохом обществе можно найти достоинства. И если общество существует достаточно долго и мирится с каким-то злом, то либо есть нечто такое, ради чего люди терпят зло, либо люди сами порождают это зло, не будучи способными преодолеть его или даже не желая этого делать. Так вот, на микроуровне первичных коллективов партия есть воплощенное благо. Здесь (да и вообще в стране) это есть единственная сила, способная как-то ограничить буйство сил коммунальности, защитить людей от самих себя и обеспечить некоторый прогресс.

Партия состоит из людей. Поэтому исходный вопрос в ее понимании – вопрос о ее членстве. Надо признать как бесспорный факт, что членство партии есть дело добровольное. Зачем вступают люди в партию, ясно всем: главным образом – из корыстных и карьеристических соображений. Но делается это добровольно. Быть членом партии – желанная цель многих. Но не все устаиваются этого блага. Есть случаи, когда люди вынуждены вступать в партию по условиям работы. Например, беспартийным почти невозможно работать в области многих гуманитарных наук. Но это не отменяет принципа добровольности. Люди добровольно выбирают себе эти сферы деятельности, как правило, зная заранее, что им придется добиваться принятия в члены партии. Руководители учреждений, как правило, являются членами партии. Они добровольно рвутся в руководители и вступают для этого в партию. Тот, кто говорит, что он был вынужден вступить в партию помимо воли, тот лицемерит.

Возможны и имеют место случаи, когда люди, вступая в партию, не верят в ее идеалы, в чистоту ее морали и поведения, презирают партийную дисциплину, демагогию, собрания.

Таких очень много. Но это не играет никакой роли, раз люди формально ведут себя так, как должны вести себя искренние члены партии. Главное – фактическое поведение. Ничего безнравственного в этом нет, ибо нет никакой возможности обнаружить, что человек лишь прикидывается, не являясь искренним в отношении программы, идеологии, демагогии партии. Неискренность при вступлении в партию не отвергает принципа добровольности, а подтверждает его. Это тем более делается согласно собственному расчету и решению индивида.

Добровольность членства партии есть основа всей государственности. На базе полной добровольности здесь вырастает самая полная и оголтелая принудительность власти. Насилие есть равнодействующая свободных волей индивидов, а не злой умысел тиранов. Тираны такие же пешки в руках добровольно вырастающей власти, как и их жертвы. Неограниченная власть тиранов есть иллюзия, рождаемая ситуацией всевластия жертв власти.

Второй принцип членства партии – принцип отборности. В партию идут добровольно, но не все в нее принимаются. В нее отбираются по строго определенным принципам. Этот отбор и определяет то направление, в котором будут суммироваться добрые воли отдельных индивидов их совокупной власти. Однажды сложившись, система отбора лиц в члены партии воспроизводится в стабильном виде изо дня в день, из года в год, испытывая незначительные изменения.

Полного совпадения структуры партийных организаций со структурой первичных коллективов нет. Возможны социальные группы, в которых вообще нет членов партии. Иногда партийная группа создается из членов партии различных социальных групп (правда, обычно наиболее близких в деловом отношении). Иногда первичный коллектив обладает таким большим числом членов партии, что руководящий партийный орган его получает права районного комитета партии (например, таков партком Московского Университета). Но в главном, в среднем и в тенденции структура партийных организаций тяготеет к официальной социальной структуре первичных коллективов, так что партийную организацию каждый раз можно рассматривать как элемент социальной группы данного уровня.

Партия в коммунах

В критической литературе сложился прочный образ партии сугубо негативный: для одних это – власть (партийная верхушка), для других – средство карьеры, а в целом это – орган угнетения партийными злодеями беспартийных хороших людей. Бесспорно, партийные чиновники, начиная с некоторого уровня, являются привилегированными лицами, подавляющее большинство руководителей всех сортов суть члены партии, огромное количество жизненно важных функций в обществе доверяется только членам партии, очень многие используют членство в партии исключительно как средство карьеры и т.д. И все-таки не только в этом суть партии, сначала не в этом и лишь как следствие в этом. Большинство членов партии мало что имеет для себя от своего членства, а многие имеют лишь дополнительные хлопоты и неприятности (партийные взносы, собрания, общественная работа). Большинство членов партии живет жизнью обычной беспартийной массы населения, разделяя с ним все тяготы быта. Беспартийная масса населения нисколько не осуждает своих партийных собратьев за то, что они – члены партии, и воспринимает это как должное. В различного рода трудных ситуациях члены партии на самом деле идут впереди. Не все, конечно. Но те, кто идет впереди, обычно суть члены партии. В партию идут далеко не худшие люди, а с точки зрения интересов коллектива и общества – лучшие. Беспартийные так или иначе влияют на то, будет человек в партии или нет, создавая о нем определенное общественное мнение. До сих пор в народе настоящими коммунистами называют не партийных карьеристов, а честных, скромных, мужественных и самоотверженных людей. Партия есть массовая, многомиллионная организация населения, образующая не только ядро власти, но и ядро жизни общества в целом. Прежде всего надо иначе посмотреть на отношение партийного аппарата как стержневой части государственного аппарата и массы членов партии, работающих в управляемых первичных коллективах. Внешне дело выглядит так, будто существует некая партия, представляющая собою единую организацию, в ней

имеется руководство, и это партийное руководство властвует над обществом, используя партию как свое орудие. Высказывалась даже мысль рассматривать систему власти в Советском Союзе как партократию. Но реальное положение иное. Партийный аппарат контролирует партийные организации в коммунах, контролирует прием граждан в члены партии, дает единые установки для партийных организаций, отбирает для себя наиболее подходящих работников из членов партии. Это, конечно, дает дополнительные средства для управления обществом. Однако однажды сложившись, партийный аппарат сохраняется, самовоспроизводится уже независимо от массы рядовых членов партии и первичных партийных организаций. Принципиально мыслима ситуация, когда произойдет более четкое разделение их, так что даже названия окажутся разными. Возможно, что и с формальной точки зрения воспроизводство партийного аппарата будет происходить без процедур выбора, ставших даже в Советском Союзе наполовину фиктивными. Рядовым же членам партии и первичным организациям номинально будет определена роль, какую они играют фактически: роль исключительно на уровне первичных коммун и внутри их. Партийные организации в первичных коллективах и партия в целом не являются объединениями людей, подобными коммунам. В первичных коллективах члены партии еще могут собираться вместе, что создает иллюзию некоего единства. Но уже партийные организации даже соседних коммун живут совершенно независимо друг от друга и не образуют никакого единства. На уровне района происходит некое объединение партийных организаций в целое так, что партийные организации выбирают делегатов на конференцию (которых им навязывает тот же райком), а эти делегаты выбирают бюро райкома. Причем заранее намечены кандидаты в это бюро и в секретари райкома. Эта процедура выборов фиктивна. Если ее отменить, ничто не изменится по существу. Главное же здесь то, что образование бюро райкома (между прочим, большой аппарат последнего не является даже по видимости выборным) никоим образом не означает объединение различных партийных организаций в целое. Они так и остаются разьединенными. Еще более это положение усиливается на уровне области и республик. Разрыв партийного аппарата и партийной массы достигает абсолюта на высшем уровне.

И на уровне первичного коллектива партийная организация не есть социальная группа наряду с другими подразделениями коллектива. Это – фиктивное объединение. Здесь видимость объединения достигается лишь за счет того, что лица, вступившие в партию, обязуются выполнять некоторые правила поведения членов партии. Соблюдение правил дает им какие-то преимущества. Нарушение же их сокращает и даже совсем разрушает возможности сохранения прежней позиции. Вступление в партию для человека есть лишь одно из социальных действий среди многих других, определяющих его социальное положение. Причем – не самое главное. Главным является положение человека в первичном коллективе с деловой точки зрения. Членство партии есть лишь одно из средств в карьере. Даже партийные руководители на уровне первичных коллективов в большей мере зависят от руководства коллектива, чем от районного комитета партии. От последнего зависит их избрание и кое-какие перспективы. Но они – члены коллектива, получающие все жизненные блага в коллективе и через него. Хотя директор учреждения как член партии (и обычно как член партийного бюро) подчиняется секретарю партбюро, последний редко злоупотребляет своим положением. Директор все равно остается высшей властью в учреждении, причем – отнюдь не некоей хозяйственной властью. Директор учреждения есть представитель именно партийной власти. Он есть ставленник партийного аппарата, отобранный для этой роли именно партийным аппаратом. А партийное бюро и партийная организация суть его помощники. В какой-то мере они контролируют его. Но в большей мере они маскируют фактическую беспартийную суть власти.

Роль партийной организации в первичном коллективе характеризуется такими важнейшими положениями: 1) она есть представитель и выразитель интересов всей массы коллектива; 2) вместе с тем, она есть представитель органов власти общества в целом в данной части общества. Первую функцию партийная организация выполняет постольку, поскольку члены ее растворены в общей массе коллектива, прочно связаны с ней, не выделяются в особый привилегированный слой, не отделяются от нее. Вторую функцию партийная организация выполняет через своих руководителей, подчиняющихся партийному аппарату, и через постоянный контроль со стороны высших партийных органов. Так что

партийная организация в первичных коммунах выражает народовластие и его границы. Одновременно она образует связующее звено и регулятор взаимоотношений народовластия и государственной власти.

Роль партийной организации в жизни первичной коммуны огромна. Является грубой ошибкой представлять население коммунистической страны исключительно в виде абсолютно покорных пешек, не имеющих никакого влияния на ход жизни общества. На уровне первичных коллективов население страны проявляет известную активность, а в лице своих партийных представителей оно принимает участие в обсуждении дел в учреждении, осуществляет контроль за многими аспектами его деятельности. Критика недостатков в жизни коллектива – обычное дело в работе партийной организации. Последняя поддерживает некоторый благопристойный уровень жизни в коллективе, проводит воспитательную и просветительскую работу. Короче говоря, все стороны жизни коммуны находятся в сфере ее внимания и влияния.

Другое дело – партийная организация коммуны фактически не имеет влияния на поведение более обширного объединения и на жизнь в стране в целом. Но это и не входит в ее задачу как особого социального явления. Она не есть политическая организация. Она есть лишь элемент в структуре клеточек общества, а не общества в целом. В обществе в целом функционирует партийный аппарат, являющийся частью государственной власти, – организация тоже не политическая, но совсем иного качества, чем первичные партийные организации.

Из сказанного должно быть ясно, почему в коммунистическом обществе невозможна многопартийная система. Во-первых, здесь невозможна даже однопартийная система, ибо это общество вообще исключает партии в смысле политических организаций (как в странах Запада, например). А всякие попытки создания политических организаций здесь рассматриваются как покушение на прерогативы государственного аппарата власти и пресекаются при молчаливом согласии или даже при поддержке населения. А во-вторых, многим партиям здесь просто некого представлять. Население коммунистических стран группируется (структурируется, кристаллизуется) естественным образом так, что каждый первичный коллектив в целом создает какое-то свое активное представительство в системе власти. И это представительство есть первичная партийная организация. В соответствии с общей тенденцией к стандартизации и подчинению, эти организации тоже оказываются стандартизированными и подчиненными органам власти.

Дело не в названиях. В обществе существуют и постоянно возникают и другие организации, так или иначе представляющие интересы различных категорий и групп населения, – профсоюзы, комсомольские организации, спортивные организации и т.д. Но в силу общих принципов начальствования и подчинения все они так или иначе находятся под контролем официальной системы власти.

Первичный партийный руководитель

Вопрос о секретарях первичных партийных организаций и о партторгах (руководителях маленьких партийных групп) является частью общего вопроса о статусе партии в коммунистическом обществе.

Неверно думать, что первичные партийные руководители все суть злодеи в духе разоблачительных тенденций наших дней, – карьеристы, хапуги, лжецы, трусы, приспособленцы. Почти во всех известных мне случаях это были далеко не самые худшие граждане. Зная общую ситуацию в партии, я утверждаю, что это – закономерное явление. И дело тут вот в чем.

Как я уже неоднократно говорил, надо различать партию как множество первичных партийных организаций в коммунах и партию как совокупность профессиональных работников партийного аппарата – работников районных, городских, областных, краевых, республиканских и центрального (общесоюзного) комитетов партии. Эти учреждения суть управленческие учреждения, к тому же – самые привилегированные. Фиксировать это различие массы рядовых членов партии и первичных выборных партийных функционеров, с

одной стороны, и партийного аппарата в виде иерархии партийных комитетов, профессионально занятых партийной деятельностью, с другой стороны, очень важно с точки зрения понимания структуры коммунистического общества. Хотя первое из упомянутых явлений порождает второе, питает его и служит ему опорой, а второе вырастает из первого как средство объединения его в масштабах общества, второе обособляется от первого в виде командной и привилегированной части общества. Оно прочно срастается с остальной массой чиновничьей части общества, становясь его кристаллизующим ядром. Первое же подразделение врастает в прочее беспартийное тело общества, делит с ним все его тяготы. И второе всячески использует это в своих корыстных интересах.

Было бы неправильным исключать всякие корыстные мотивы у лиц, вступающих в партию, и у первичных партийных руководителей. Почти вся руководящая часть общества начинает со вступления в партию, так что карьерист в подавляющем большинстве случаев идет этим путем. Но прочая часть членов партии, у которой не получается карьера, потенциально тяготеет к тому же. По крайней мере для нее это есть некое самоутверждение. Партийный секретарь обычно является довольно посредственным работником в своем профессиональном деле. Он безотчетно предпочитает деятельность партийного активиста деловой карьере. Секретарь партбюро, далее, есть власть, и она ему нравится. Когда он говорит, что это ему надоело, он лицемерит. Конечно, в какой-то мере надоело. Но нравится больше, чем надоело. Ему нравится председательствовать на собраниях, делать доклады, беседовать с людьми. Он с удовольствием пошел бы по партийной линии и выше, но почему-то «не тянет». Почему? Партийных секретарей много, а мест в аппарате значительно меньше. Иногда причиной является то, что он – хороший секретарь. Он хорош не с точки зрения партийной карьеры, а с точки зрения непосредственного руководства партийной организацией учреждения и партийного руководства учреждением. Он вроде политрука на фронте, который ходит в атаку с рядовыми солдатами, проводит время в окопах и погибает вместе с атакующими. Такой политрук не годится в качестве работника политотдела дивизии, армии, фронта. Если секретарь надеется получить квартиру, то это не так уж мало. Порой главным в поведении таких лиц является не корыстный расчет, а некоторые качества человеческой натуры, не связанные специфически с идеями марксизма и программой партии. Эти качества просто суть воплощения в данных лицах неких общих функций коллектива. Партийный аппарат лишь облекает в нужную форму эти общечеловеческие явления и обращает их в свою пользу.

Партийный секретарь почти никогда не вступает в принципиальный конфликт с дирекцией и высшим партийным руководством. Он – верный проводник партийной линии. Райком партии и дирекция могут на него всецело положиться. Его и отбирают с таким расчетом на это (а его всегда заранее намечают и согласовывают в соответствующих инстанциях). Но в учреждении помимо высших установок играют роль внутренние взаимоотношения и действия сотрудников. Для жизни учреждения важно, на какие круги сотрудников опирается партийное бюро при проведении генеральной линии партии. Высшие партийные установки воплощаются в жизнь через поведение рядовых членов партии и через самые низшие слои партийного руководства. С другой стороны, обстановка в низшей сфере партийной жизни существенно сказывается на общей линии партийного поведения. Сталинизм в свое время был не только навязан сверху, но и вырос из низовой партийной жизни и стимулировался ею. Хрущевско-брежневский «либерализм» выражал «либерализм», выросший все в той же низовой партийной массе.

Профсоюзная организация

Профсоюзы в коммунистическом обществе – еще один пример того, что понятия, выработанные в свое время для описания жизни стран Запада, стали многосмысленными или вообще бессмысленными, что за одними и теми же словами скрывается принципиально различная действительность.

Слово «профсоюзы» употребляется в отношении того феномена, о котором здесь пойдет речь, в силу некоторой исторической преемственности и некоторого сходства функций

рассматриваемой здесь организации с функциями профсоюзов в капиталистических странах. Однако упомянутая преемственность не является необходимой, а сходство функций не настолько значительно, чтобы усматривать в нем однокачественные явления. Как показывает опыт коммунистических стран, существование профсоюзов в предшествующем обществе не есть необходимое условие возникновения профсоюзов (придется употреблять все-таки это слово, помня о его ином здесь смысле) в новом обществе. В Советском Союзе, например, в подавляющем большинстве мест и учреждений никаких профсоюзов до революции не было. Теперь же они – обязательный элемент жизни людей во всех частях страны и во всех учреждениях. И выросли они для выполнения жизненно важных функций коллективов граждан и общества в целом.

Весьма возможно, что существующая форма профсоюзов в Советском Союзе есть во многом дань марксистскому учению, традиции, пропаганде. Сейчас сложился громоздкий профсоюзный аппарат, который борется за свое существование, доказывает всячески свою необходимость обществу именно в такой форме, и не так-то просто произвести какую-либо его перестройку, благодаря которой могла бы упроститься и обнажиться сущность тех социальных функций, которые этот аппарат взял на себя. Весьма возможно, что какая-то перестройка в этом направлении произойдет. Возможно, что в других странах в силу необходимости сразу сложится наиболее «чистый» аппарат такого рода. Но несмотря на все это, возможно выделить в «чистом виде» социальную роль профсоюзов во всяком коммунистическом обществе, какую бы форму последние ни принимали и какими бы словами они ни обозначались.

Все сотрудники (члены) первичных коммун суть члены профсоюза. Членство их является сугубо формальным: они платят членские взносы. Эти взносы идут на содержание профсоюзного аппарата (аналогично партийному), на путевки в дома отдыха и различного рода мероприятия. Поскольку всякий работник коммуны есть член профсоюза, то профсоюзная организация как особая организация не имеет смысла. Все то, что сотрудник имеет как член профсоюза, он мог бы иметь как член коммуны. И все выборные профсоюзные органы могли быть просто выборными органами коллектива. Уплата взносов могла быть учтена в заработной плате. Все функции профсоюзного аппарата, который так же (и даже еще более) независим от первичных профсоюзных организаций, как и партийный аппарат от первичных партийных организаций, могли выполняться какими-либо отделами государственного аппарата власти. Однако раз в первичных коллективах существуют функции, которые сейчас выполняют профсоюзные работники, а в стране в целом существуют функции, которые сейчас выполняет профсоюзный аппарат, то в силу тенденции общества к разделению функций и воплощению их в деятельности особых лиц и организаций все равно появились бы явления, эквивалентные нынешним профсоюзам. А функции эти весьма существенны. Функции первичных профсоюзных организаций и всякого рода их выборных лиц и органов – контроль массы работников коммуны за условиями их трудовой деятельности и быта. Они влияют на прием и увольнение сотрудников, на процедуры награждений и наказаний, на продвижение по службе. Они контролируют надбавки к зарплате, распределение путевок в дома отдыха и в значительной мере распределение жилья, а также всякого рода бытовые «мелочи» – ссуды, устройство детей в детские сады, туристические поездки, культурно-массовые мероприятия и многое другое. На уровне первичного коллектива кто-то этим должен заниматься. Вот этим и занимаются профсоюзы. Зная эту важную роль профсоюза, многие сотрудники, не имеющие перспектив улучшить свои жизненные условия иными путями, весьма активно включаются в профсоюзную работу. Для многих профсоюзная работа есть одна из сфер общественной работы, которой почти все сотрудники обязаны заниматься. Многие начинают свою партийную и административную карьеру с самых ничтожных должностей в профсоюзах. Конечно, это – очень ограниченная сфера активности населения, но она для них важна чрезвычайно. Функции профсоюзного аппарата – стандартизация и контроль за работой первичных профсоюзных организаций, а также охрана их полномочий. Административные власти имеют тенденцию не считаться с интересами сотрудников в самой важной для них сфере жизни – в сфере труда и быта, и профсоюзные организации сдерживают эту тенденцию. Профсоюзный аппарат охраняет эту их силу. Существуют специальные юридические нормы, учитывающие позицию профсоюзов.

Вся деятельность профсоюзов снизу доверху контролируется партийным аппаратом.

Как и первичные партийные организации, первичные профсоюзные организации фактически не объединяются в некие единые организации. Их функции ограничены исключительно рамками первичных коммун. Западные люди часто удивляются, почему профсоюзы в Советском Союзе не борются за улучшение условий работы и быта трудящихся, в частности – не устраивают забастовок. Дело в том, что профсоюзы именно тем и занимаются, что борются за улучшение условий труда и быта и следят за соблюдением соответствующих норм. Но – в рамках норм, единых для всего общества, закрепленных в законодательстве. А забастовки в этом обществе просто лишены смысла, ибо положение сотрудников первичных коммун определяется общей ситуацией в стране и едиными для всех законами, а не особенностями данной коммуны, данного района, данной сферы деятельности. Конечно, различие здесь имеется, но оно определено условиями, не зависящими от людей тех или иных коммун. Если же происходят какие-то нарушения норм труда и быта, то борьба с ними происходит обычным рутинным административным порядком. И профсоюзы в этом принимают участие. Так что объяснять отсутствие забастовок одним страхом наказания ошибочно. Есть более глубокая причина этому: забастовки не способны существенным образом изменить ситуацию в стране. Конечно, и в коммунистических странах могут случаться (и случаются) события, похожие на забастовки в странах Запада. Но это – стихийные бунты против из ряда вон выходящих трудностей. Профсоюзные организации инициаторами их не являются. Наоборот, они против них. Такие бунты – редкость. Обычно они скоро кончаются. Бывает, конечно, что власти в таких случаях принимают какие-то меры, например, приказывают улучшить снабжение данного района хлебом, отменяют повышение норм работы и т.д. Но всегда они наказывают зачинщиков.

Профсоюзы такого типа, как в западных странах, в коммунистическом обществе невозможны и лишены смысла в силу самих фундаментальных условий жизни и деятельности людей, а не в силу нежелания плохих властей допустить их. Власти, конечно, не хотят допускать. И не допустят. Но в этой своей запретной деятельности они опираются на объективную незаинтересованность населения в таких профсоюзах и на неспособность населения создать нечто подобное в достаточно больших размерах и жизнеспособных формах. Как называемые «свободные профсоюзы» в Советском Союзе, о которых одно время много говорили на Западе, были бы явлением опереточным, если бы власти не преследовали их организаторов. Несколько человек с ненормальной для советских граждан судьбой на страну с населением в двести шестьдесят миллионов – это не есть признак зарождения некоего профсоюзного движения, похожего на западное. В Советском Союзе можно набрать несколько сот монархистов, но нелепо рассматривать это как стремление советского народа к реставрации монархии.

Комсомол и молодежь

Комсомол (коммунистический союз молодежи) во многом подобен партии, имеет сходную структуру, целиком и полностью подчиняется партийному руководству и контролю. Подавляющее большинство членов партии проходит подготовку и тренировку в комсомоле. Очень многие партийные чиновники получают первичную подготовку в комсомольских организациях коммун и в комсомольском аппарате. Комсомол успешно выполняет функции помощника и ответвления власти в деле контроля, организации и воспитания населения страны в нужном духе с учетом особенностей молодежи сравнительно со взрослым населением и детьми. Комсомол есть грандиозное учреждение. Сравнительно небольшое число молодых людей уклоняется от комсомола или не допускается в него. Число молодых людей, охваченных комсомолом, настолько велико, что практически вся молодежь так или иначе находится в сфере его внимания. Тот факт, что есть неорганизованная молодежь, не ослабляет комсомол, а даже повышает его престиж: исключение из комсомола или недопущение в него есть мера наказания и воспитания, причем – часто довольно серьезная. Лица, уклоняющиеся от комсомола, тоже имеют какие-то неприятности. Например, им труднее поступить в желаемые учебные заведения и избрать желаемую профессию, труднее

устроиться на работу в учреждение с какими-то привилегиями, обычно бывает нщ возможно начать делание успешной карьеры. Лишь в исключительных случаях общество делает скидку для «неорганизованной» молодежи, например, – в науке, искусстве, спорте (когда таланты молодых людей очевидны и это требуется государству из тех или иных соображений).

Особенности людей комсомольского возраста общеизвестны. Я хочу здесь коротко остановиться лишь на таких из них, которые имеют непосредственное отношение к теме книги. В комсомольском возрасте предопределяется судьба человека в коммунистическом обществе, – его будущее социальное положение или линия карьеры. В период становления коммунистического общества в Советском Союзе происходило образование бесчисленных соблазнительных для молодежи профессий и постов. И возможности выбора профессии, образования и карьеры казались неограниченными. Но в послевоенные годы положение стабилизировалось. Общество оказалось укомплектованным специалистами и должностными лицами, положение которых соблазнительно для молодежи, в полной мере и даже с избытком. Наступило состояние нормального воспроизводства социальных позиций людей, – уход на пенсию или смерть одних и индивидуальный отбор на их место других. Конечно, происходит некоторое расширение социальных возможностей для люден – новые профессии, новые предприятия, – но не в такой мере, чтобы прежняя иллюзия насчет «ста путей, ста дорог» сохранилась. От этой иллюзии ничего, кроме лицемерных демагогических фраз, не осталось. И молодежь в Советском Союзе теперь живет в сложившемся коммунистическом обществе, в котором она с самого начала своей сознательной жизни сталкивается с фактической социальной структурой общества и с проблемами, обусловленными ею.

Хотя социальная структура молодежи более однородна, чем взрослого населения, неравенство возможностей дает о себе знать с самого начала. Школьное образование различно по уровню в крупных городах и в маленьких, в городах и деревнях. Даже одаренный ученик, окончивший школу в провинции (да еще в деревне), имеет хуже подготовку для поступления в высшее учебное заведение, чем посредственный ученик, окончивший школу в большом городе. Но и в городах уровень школьного образования различен. Имеются привилегированные школы, в которые простым смертным не так-то легко попасть. Имеются специальные школы, в которых подготовка по некоторым избранным дисциплинам много выше, чем в обычных школах. Большое число соблазнительных для молодежи учебных заведений фактически является закрытым для большинства желающих. В привилегированных сословиях дети имеют возможность получать дополнительное домашнее образование, чего не могут себе позволить в семьях рабочих, крестьян, мелких служащих. А различие в уровне школьной подготовки при наличии значительного разрыва между школьной программой и требованиями высших учебных заведений и при наличии большого конкурса весьма существенно. Далее, имеются привилегированные высшие учебные заведения, в которые могут поступить только дети высокопоставленных чиновников и дети лиц, имеющих полезные связи. Дети лиц, занимающих достаточно высокое социальное положение, имеют больше шансов попасть в институты, независимо от уровня подготовки. Процент молодежи, принимаемой в институты после школы, невысок, предпочтение отдается претендентам с трудовым стажем и с хорошими комсомольскими характеристиками. Дети из привилегированных семей и тут имеют преимущества. Плюс к тому власти специально создают затруднения для молодежи в деревнях и мелких городах в попытках поступления в институты в больших городах (не дают нужных справок, вынуждают «добровольно» оставаться в местах рождения). Короче говоря, многомиллионная армия молодежи с самого начала готовится быть распределенной и распределяется по местам подготовки к будущей деятельности совсем не в соответствии с социальными законами общества. Неравенство в распределении молодых людей по ячейкам общества свойственно всякому обществу. Важно – чем определяется это неравенство. В коммунистическом обществе оно зависит в первую очередь от того места в социальной структуре общества, в какой человек появляется на свет и вырастает во взрослое существо. Общество не может существовать без рабочих, крестьян, мелких служащих, солдат, офицеров, милиционеров, продавцов, рабочих, учителей и т.д. и т.п., – это банальный факт. Важно – какая часть молодежи вынуждается на такие профессии, на такое социальное положение. А с этой точки зрения миф коммунистической пропаганды о равных возможностях для молодежи избирать свой жизненный путь в коммунистическом

обществе абсолютно ничего общего не имеет с реальностью. Здесь фактически действуют социальные законы, по которым дети представителей привилегированных слоев удерживаются в этих слоях и очень редко опускаются вниз. Дети же представителей низших слоев в большинстве своем так и остаются в этих слоях или опускаются на еще более низкие уровни.

Молодежь коммунистического общества с самого начала знает, какой социальный уровень судьбы им уготован согласно их семейному положению, месту рождения и учебы и отпущенным от природы способностям. Перед их глазами – многочисленные образцы такого рода. Бывает, конечно, когда случаются вещи неожиданные. Например, красивая девочка выходит замуж за перспективного офицера и становится генеральшей. Серый и бездарный комсомольский активист из провинции становится крупным чиновником в центральном партийном аппарате. Но это – обычные для всякого общества явления, не отменяющие общей тенденции, о которой я говорил выше. Структура взрослого населения с самого начала известна молодежи. И они эту структуру воспроизводят не только индивидуальной борьбой за лучшую позицию, но и предопределенностью успеха в этой борьбе. Большинство молодежи принимает это положение как естественное, подобно тому, как большинство населения вообще принимает данный строй жизни как само собой разумеющийся. Именно естественность образа жизни и его воспроизводства молодежью создает идеологию справедливости происходящего. Чувство несправедливости общественного порядка появляется у отдельных молодых людей и переживается ими не как общественная несправедливость, а как несправедливость, касающаяся их лично. Причем это и на самом деле так, ибо с общественной точки зрения требуется ограниченное число писателей, художников, профессоров, дипломатов, партийных работников и т.п. И не существует в природе никаких абсолютных критериев того, почему этот, а не другой молодой человек должен занять такое-то социальное положение. Разница между людьми, когда счет идет на миллионы, с точки зрения их природных данных не так уж велика. И в обществе в целом как в массовом явлении реализуется некая справедливость. Но механизм реализации ее – не некая доктринерская гармония, а жестокая борьба за лучшее место в жизни. И в ход идут все доступные средства.

В коммунистическом обществе не существует проблемы «отцов и детей» в качестве проблемы социальной. Молодежь постепенно и индивидуально занимает жизненные позиции и сменяет «отцов», становясь в свою очередь «отцами». Молодежь не имеет здесь возможности в больших масштабах создавать свои объединения, неподконтрольные взрослым, властям и общественным организациям (если исключить уголовные банды, наказуемые законом и не поддерживаемые населением). Молодежные объединения здесь определены общими принципами кристаллизации (группировки) населения. Ни о каких специфически молодежных движениях, подобных западным, тут не может быть и речи.

Отмечу еще некоторые черты молодежи, важные с точки зрения формирования подходящего типа человека коммунистического общества. В силу простоты бытовой жизни и предопределенности жизненного пути (ничтожные возможности выбирать и отсутствие надобности принимать самостоятельные решения) молодые люди ощущают себя таковыми до тридцати (официальный комсомольский возраст – до 28 лет), а то и до сорока лет. Возможности их начать самостоятельную жизнь, не зависимую от родителей, весьма ограничены (трудности с жильем, низкая стипендия и зарплата). Это способствует укреплению зависимости людей от общества и их управляемости. Далее, молодые люди здесь со школьной скамьи снабжаются характеристиками, от которых существенно зависит их будущее. Эти характеристики следуют за ними повсюду. И молодежь в своем поведении принимает это во внимание. Общественная оценка их поведения постоянно держит их в определенных рамках. Это не значит, что молодежь здесь вообще лишена всякой свободы поведения. В Советском Союзе молодежь, например, чувствует себя довольно свободно в бытовом поведении. Это значит, что в молодежных коллективах и в коллективах, имеющих дело с молодежью как с объектом деятельности, действуют общие принципы коммунальной жизни. А молодежные коллективы как социальные группы копируют коллективы взрослых или сами включаются в эти взрослые коллективы в качестве их частей.

Социологическое исследование молодежи в коммунистическом обществе – предмет

особой книги. Здесь же я ограничусь сказанным. В упомянутых выше моих книгах читатель (при желании, конечно) может найти дополнительные сведения на эту тему. В книге «Желтый дом» главным героем является молодой человек, только что вышедший из комсомольского возраста.

В Советском Союзе несколько лет назад началась своеобразная кампания под лозунгом «решительного поворота школы к улучшению подготовки молодежи к труду в сфере материального производства». В чем смысл этой кампании? А в том, что происходит разделение населения на привилегированные и непривилегированные слои. Принадлежность к ним становится наследственной. И мероприятия по школе вносят в это дело свой вклад. Суть их очевидна: дети рабочих и крестьян пусть будут рабочими и крестьянами. Дети номенклатурных работников, генералов, академиков, директоров, писателей, профессоров в сферу материального производства не пойдут. Для них есть особые учебные заведения, есть средства для домашнего образования, есть нужные связи. Для детей непривилегированных слоев ничего подобного нет. Для них – демагогия, подкрепляемая насилием. Их просто вынуждают идти в сферу материального производства, препятствуя попыткам поступления в высшие и специальные средние учебные заведения в городах, оказывая давление через комсомол, удерживая образование для них на уровне, недостаточном для конкурирования с детьми привилегированных групп. В либеральные годы социологи выяснили, что выпускники школ совсем не стремятся в сферу материального производства. Да это ясно и без социологии. Уроки труда в школах и работа школьников на прикрепленных к школе предприятиях вызывают отвращение к физическому труду. Так что насилие со стороны властей является вполне естественной реакцией на стремление молодежи повысить свой социальный уровень и улучшить жизненные условия. Оно вступает в конфликт с демагогией насчет неограниченных возможностей для молодежи, которая (демагогия) все более и более лишается реальной основы. А условия труда на низших уровнях жизни далеки от пропагандистских идеалов. Это порождает определенные явления в среде молодежи, не согласующиеся с привычными нормами советской жизни, стремление какой-то части молодежи выйти из-под идеологического контроля, создавать свои неофициальные объединения, создавать свой стиль жизни.

Коммунистическая демократия

В коммунистическом обществе очень многие должности являются выборными. Одни из них выборные лишь по видимости. Это, например, депутаты советов, народные судьи, партийные чиновники, сотрудники научных учреждений. Здесь выбор происходит обычно из одного заранее намеченного кандидата, и результаты выборов предрешены заранее. Но если даже власти допустят выбор из двух, трех и более кандидатов, положение не изменится: все равно эти кандидаты будут отобраны и намечены заранее. Иногда выборы бывают настоящими. Но это касается пустяковых случаев, никак не влияющих на судьбы людей и коллективов. Таковы, например, выборы профоргов групп, страхделегатов, культторгов, членов редколлегии стенной газеты. Бывают случаи, когда коллектив вносит свои коррективы в выборы в серьезные органы, например, в партийное бюро (порой коллектив отклоняет кандидата в секретари партийного бюро, намеченного районным комитетом партии). И даже в тех случаях, когда выборы фиктивны, все же совершается некоторая формальная процедура, без которой намеченные лица не могут исполнять свои функции. Все это создает атмосферу своеобразной демократичности. Последняя усиливается таким важным явлением в жизни граждан коммунистического общества, как собрания, совещания, заседания, съезды, конференции, слеты и прочие сборища людей, призванные по идее коллективно решать какие-то проблемы. Буду употреблять для их обозначения общий термин «сборище». Сборища играют настолько важную роль в жизни общества, что сложилась стандартная система типов их и ритуалов их проведения. Особенно сильно они затрагивают лиц, причастных к руководству. Здесь невозможно дать подробное описание этого почти совершенно не изученного явления. Я ограничусь лишь рассмотрением двух типов сборищ – собраний на уровне коммун и руководящих сборищ.

Собрания на уровне первичных коммун суть общие собрания сотрудников, партийные собрания, профсоюзные и комсомольские собрания. В дальнейшем я даю их обобщенную характеристику, ориентируясь в большей мере на партийные собрания как на главные и служащие образцом для прочих. Собрания в коммунистическом обществе суть высшая форма демократии для индивидов, находящихся на низшей ступени социальной иерархии. И сила этой демократии не простирается за рамки мелких дел и интересов членов коммун.

Типы собраний и их функции разнообразны: информация о решениях высших властей, воспитательная работа, участие в деловой жизни, организационные вопросы. Более подробное описание читатель может найти в «Зияющих высотах» и «Желтом доме». Не следует думать, будто советские люди ходят на собрания только потому, что вынуждены на них ходить под угрозой наказания. В большинстве случаев они ходят на них по доброй воле. Те, кто стремится избежать их, делают это фактически безнаказанно. Общество смотрит на таких уклонистов сквозь пальцы именно потому, что пока еще в избытке хватает добровольцев. Почему так? Да потому, что для одних – это сцена, на которой они кривляются перед прочими сослуживцами, для других – средство достижения своих практических целей, для третьих – место нападения на противников, для четвертых – место самозащиты от нападения, для пятых – возможность поболтать, для шестых – возможность посмотреть житейский спектакль, для седьмых – место борьбы за интересы дела... Короче говоря, собрания в первичных коммунах суть важный орган жизни. Это – максимум того положительного, что может дать участие широких масс населения в управлении обществом. Попытки перейти эти границы могут привести лишь к склокам, хаосу, пустой потере времени. И население это прекрасно понимает. Безграничная активность широких народных масс хороша лишь в абстрактных доктринах, но не в реальности. Думаю, что сторонники таких доктрин усомнились бы в их правильности, побывав несколько раз на собраниях, на которых руководители теряют контроль над массой собравшихся.

Руководящие сборища весьма разнообразны. Я здесь выделяю такие, которые происходят регулярно и являются элементом структуры власти, – заседания партийных, профсоюзных и комсомольских бюро, бюро районных и областных комитетов партии и т.д., вплоть до Пленумов ЦК партии и съездов партии. Я не буду здесь касаться деятельности соответствующих органов, состоящих из многих людей, которые выполняют отдельные функции целого (дирекция, партбюро и т.п.). Выделю лишь то, что связано с самим фактом сборищ, когда люди физически собираются вместе, обсуждают какие-то проблемы, принимают совместные решения. А с этой точки зрения только в случае полного незнания фактического положения дел можно думать, будто такие сборища суть чистая фикция, будто все дела решают отдельные лица, а остальные только голосуют. Безусловно, такие сборища готовятся заранее, – это элемент самой процедуры их деятельности. Все заранее может быть согласовано, и сборище может принять решение чисто формально. Но не всегда так бывает. На самом деле бывают деловые обсуждения, споры и конфликты. Но если бы даже дело ограничивалось чисто формальным принятием решения, это не было бы излишней фикцией. Сам факт формального одобрения некоего предложения, сам факт принятия решения данным сборищем играет роль весьма существенную: он придает законную силу намерениям отдельных лиц или групп лиц провести какое-то мероприятие. Именно эта формальная роль сборищ, кажущаяся на первый взгляд фиктивной, является на самом деле главной их социальной функцией. А обсуждение есть лишь нечто подсобное и производное. Это очень важный и довольно трудный для понимания пункт в системе власти коммунистического общества. Попробую пояснить его в несколько парадоксальной форме.

Я хотел бы избежать употребления слов «диктатура» и «демократия». Но чтобы объяснить, почему они не годятся, я должен все же использовать их в некотором общем смысле, без претензии на роль научных терминов, просто как слова обычного языка. Одна из социальных функций сборищ состоит в том, чтобы замаскировать диктаторскую власть, т.е. власть, исходящую сверху и не встречающую сопротивления снизу. Но сама диктаторская власть здесь организована и действует так, чтобы препятствовать диктаторским тенденциям отдельных лиц и групп лиц, и, вместе с тем, снять с властителей персональную ответственность за результаты деятельности власти. Руководящие сборища и призваны не столько придавать демократическую видимость диктаторской власти (это – дело

второстепенное), сколько фактически лишать власть диктаторских атрибутов. Отсюда – не столько маскировочная, сколько фактическая тенденция к коллегиальному руководству. Потому понятия «диктатура» и «демократия» лишены смысла в приложении к этой форме власти, если их рассматривать как строгие научные понятия. В коммунистической системе власти есть тенденция, похожая на диктаторскую, и тенденция, похожая на демократическую. Но тут нужны другие слова. Слова «централизация» и «децентрализация» здесь тоже не годятся. Может быть, здесь больше подходят слова «единоначалие» и «коллегиальность». Эти две тенденции суть усложнение общих принципов отношения начальствования и подчинения в применении их к обществу как сложному целому. Даже величайший диктатор Сталин не был диктатором в строго социологическом смысле слова. Он был вождем, обладавшим большей властью, чем диктаторы. Тенденция, похожая на демократическую, тоже имеет уже другую природу. Временами она обретает мощную силу, превосходящую силу первой тенденции. Борьба этих двух тенденций в руководстве способствует образованию правящей клики. Последняя выдвигает в качестве своего символа и средства формальной законности фигуры, очень похожие на диктаторов прошлого, но редко являющиеся диктаторами на самом деле. Лишь в исключительных ситуациях они становятся фактическими диктаторами. Это характерно для периода формирования коммунистического общества и кризисных ситуаций, но не для нормального стабильного существования общества. Даже Сталин отчасти уже был фиктивным диктатором. Хрущевская попытка последовать его примеру потерпела крах. А Брежнев является уже чистой фикцией диктатора. Он есть, скорее, насмешка над диктатурой.

Общественное мнение

Существует ли такое явление в коммунистическом обществе, как общественное мнение? Чтобы ответить на этот вопрос, надо определить, что называется этим выражением. Не все, что думают люди о каком-то факте жизни общества, есть общественное мнение, если даже достаточно большие массы людей единодушны в этом. Миллионы советских людей думали, что Хрущев был безответственным шутком и что его кукурузная политика смеха достойна. Миллионы советских людей думают, что Брежнев маразматик и что проводимая его именем внешняя и внутренняя политика обрекает население страны на страдания и толкает мир к катастрофе. А что толку? Это думание не превращается в общественное мнение, ибо оно не влияет на поведение власти. Более того, несмотря на такое думание, население, если это требуется власти, открыто высказывает свое одобрение ее поведению. Общественное мнение тогда существует как реальный факт жизни общества, когда оно оказывает давление на поведение людей, групп людей, организаций. В коммунистическом обществе общественное мнение в масштабах целой страны как фактор, влияющий на поведение власти, не существует или существует в настолько ничтожной мере, что его практически невозможно заметить. Оно существует лишь на уровне коммун. Причем оно здесь является мощным в отношении поведения отдельных членов коммун и довольно слабым (хотя все же заметным и порой существенным) в отношении поведения руководства. Короче говоря, оно здесь есть нормальная форма коммунального господства коллектива над индивидом и лишь в ничтожной мере есть средство самозащиты от коммунальности и средство защиты индивидов и коллектива в целом от власти.

Самоуправление и управление сверху

В условиях коммунизма самоуправление коммун на практике вырождается в то, что некоторая часть членов коммуны захватывает в ней власть, эксплуатирует и терроризирует остальных членов, и жизнь для последних превращается в кошмар. В Советском Союзе опыт на этот счет был достаточный. Стоит в какой-то мере ослабить контроль со стороны вышестоящих инстанций за деятельностью какой-то коммуны, как в последней складывается обстановка, которую советские люди называют «шарашкиной конторой», «частной лавочкой» и другими презрительными именами. Такая коммуна начинает жить по законам гангстерской банды. Поэтому люди предпочитают ограничение самоуправления путем передачи основных

функций власти централизованному управлению свыше, оставив для своего самоуправления некоторый минимум (о нем я уже говорил выше). Это дает членам коммун защиту от насилия со стороны своих ближних, которое более унижительно и жестоко, чем насилие сверху. Так что принцип управления «сверху вниз» есть не столько результат захвата высшими чиновниками и органами власти над бедным населением, сколько результат добровольного согласия населения на это. Этот принцип управления вынужден самими условиями коммунальной жизни. Плюс к этому – чисто «технические» законы управления: каждая коммуна существует здесь лишь как часть более сложного целого, и управление сверху реализует это на деле. Аналогичное единство самоуправляющихся коммун возможно лишь в доктринах и на бумаге, а не в реальности. В реальности оно возможно лишь в порядке исключения и на малый срок. Даже в условиях контроля свыше здесь постоянно действует тенденция к нарушению правил единства и к хаосу.

И для деловой деятельности коммун самоуправление не имеет здесь никакого смысла. Вознаграждение членов коммуны мало зависит (а чаще – вообще не зависит) от производственной деятельности. Члены коммун фактически равнодушны к этому аспекту жизни коммуны в целом, очень редко испытывают чувство патриотизма в отношении своих учреждений и редко «болеют интересами дела». За исключением начальства и некоторых членов коммуны, для которых это есть прямая обязанность или для которых это выгодно (премии, повышение по службе). Власти свыше сами стремятся стимулировать активность населения в отношении производственной деятельности, поощряют рационализаторов, изобретателей, зачинателей всякого рода движений. Однако в большинстве случаев и в конечном счете все это – пустая формальность, очковтирательство, показуха. Члены коммун не воспринимают дело коммун в целом как их личное дело, относятся к нему лишь как к неизбежному средству и условию в своем маленьком, действительно личном деле. А главное – судьба коммун мало зависит от того, хорошо или плохо работают ее отдельные члены. Коммуна имеет очень слабую степень независимости от других коммун в своей деятельности. Ее функции, доля и характер производимого продукта и сфера назначения ее продукции здесь строго определены. И коммуна не в силах изменить свое положение в системе других коммун общества. К этому вопросу я вернусь ниже.

Члены коммун не принимают прямого участия в управлении более сложными объединениями, – районами, областями, республиками, страной в целом. Такое участие невозможно по чисто техническим причинам. А главное – оно мало что способно изменить в положении населения, и последнее к такому участию вообще не стремится. В этом обществе люди, стремящиеся участвовать в системе власти, делают это индивидуально путем участия в профессиональном аппарате управления.

Идея насчет «демократического коммунизма (социализма)», в котором широкие слои населения участвуют в управлении предприятиями, районами, областями и страной в целом, суть вздорные идеи, игнорирующие общие законы социальной организации людей и специфические законы общества коммунистического типа. Я хочу здесь в связи с затронутой темой обратить внимание на один из аспектов народовластия, который тоже обычно упускают из виду.

Когда говорят об инициативе масс, это не значит, что все члены массы инициативны. Большинство членов массы пассивны. И они приходят в движение, возбуждаются к действию благодаря усилиям небольшой группы активистов. Наличие таких активистов есть элемент социальной структуры масс. Активисты собирают сведения и «материальчики» на тех или иных членов коллектива, следят за их поведением, выступают на собраниях и возбуждают «вопросы» о поведении намеченных индивидов, подают «сигналы», пишут письма, входят во всякие комиссии. Порой три-четыре таких активиста определяют всю социально-психологическую атмосферу в учреждении, держат под своим контролем все стороны его жизни. Это есть подлинный контроль масс над жизнью общества, один из рычагов подлинного народовластия. Такой актив неизмеримо эффективнее официально назначенных лиц. Чтобы такой актив был и хорошо функционировал, требуются два условия: 1) чтобы власти сверху охраняли такой актив, давали ему видимую поддержку, воспринимали его как свою опору; 2) чтобы в самом коллективе (т.е. в массах) такой актив имел поддержку и одобрение, – он должен быть выразителем интересов и воли коллектива по крайней мере в

некоторых важных аспектах жизни, должен быть элементом реальной власти коллектива над отдельными его членами.

В сталинские времена в Советском Союзе имел место расцвет этого аспекта народовластия. Сейчас ситуация несколько ослабла. Власти из страха возвращения сталинских времен (т.е. подлинного народовластия) боятся поощрять и поддерживать такие инициативные активы в коллективах, а внутри коллективов спонтанно не выделяются такие члены их на роль активистов, которые пользовались бы доверием коллектива и выполняли бы свои функции добровольно и с энтузиазмом. И это есть не что иное, как ограничение народовластия. Функции реальной власти коллектива над индивидами в значительной мере перешли к специальным органам и лицам, и массы добровольно отреклись от своей непомерной власти, стали к ней равнодушны. Известно, какой тип людей выталкивается на роль активистов в первичных коллективах, – подонки, мерзавцы, доносчики, провокаторы, лгуны, халтурщики, бездари... Общество уже не хочет быть в их власти.

Народовластие есть определенная структура власти, а не нечто аморфное и бесструктурное. Характерной фигурой народовластия является всесильный вождь, опирающийся на самодеятельность широких масс населения, и террор такого рода, как в сталинские времена. При народовластии масса населения вырабатывает свою коммунальную структуру, в которой законы коммунальности действуют с силой, угрожающей существованию общества. Современное большое общество со сложной культурой и сложным хозяйством вступает в конфликт с народовластием, исключает его или по крайней мере ограничивает его до минимума (рамками коммун и мелких дел их членов). Потому культ вождей в условиях ограниченного народовластия принимает комические формы, как это имеет место, например, в Советском Союзе в отношении Брежнева. Повторить феномен Сталина можно только при условии повторения феномена безграничного народовластия.

Социальная структура общества

Коммунистическое общество состоит из большого числа первичных деловых коллективов – коммун. Конечно, не все население объединяется в коммуны. Остаются больные, дети, старики и многие так или иначе неорганизованные индивиды. Однако коммуны образуют основу социальной кристаллизации населения. И большинство населения, непосредственно не включаемое в коммуны, включается в него косвенно – в качестве членов семей лиц, прикрепленных к коммунам, и в качестве объекта деятельности особого рода коммун (детских учреждений, школ, больниц, особых отделений учреждений власти). Так что число людей, вообще ускользающих от влияния коммун, сравнительно ничтожно. Обычно они так или иначе преследуются как нарушители законов.

На основе коммунально-клеточной структуры и в зависимости от нее общество структурируется и в других разрезах. Я здесь хочу обратить внимание читателя лишь на самые главные из них: 1) разделение функций производственных коммун и образование единой системы производства и распределения ценностей; 2) разделение социальных функций коммун, в результате которого отдельные функции становятся специальным делом особых органов общества, обобщающих и объединяющих эти функции в масштабах общества (или той или иной его части); упомянутые органы сами имеют клеточную структуру, и внутри их клеточек происходит все то, о чем говорилось выше; 3) образование иерархии клеточек, благодаря которой складывается многоступенчатая иерархия социальных позиций индивидов в масштабах больших частей общества и общества в целом; 4) распад населения на народные группы и социальные слои в зависимости от социального положения индивидов, родственных и других несоциальных отношений, территориальных знакомств и других обстоятельств.

Единая система коммун

Коммунистическая страна может распадаться на сравнительно автономные территории. Однако главной тенденцией здесь является образование единого организма общества, в котором за каждой коммуной закрепляется ее строго определенная роль. Единая армия, транспорт, почта, денежная система и другие институты общества скрепляют, конечно, множество коммун в целом. Но главным цементирующим средством среди них является именно место коммуны среди других коммун и ее зависимость от них. Коммуны суть клеточки целого не только в рассмотренном выше смысле, но и в том смысле, в каком таковыми являются клетки тела животного. Они суть частички целого с определенными функциями в целом.

Коммуна (ячейка) коммунистического общества отличается от ячейки феодализма (частного предприятия) – тем, что включается в общественное целое не через рынок и конкуренцию с другими предприятиями. Она есть частичка в разделении деятельности общественного целого, выполняющая в нем определенные функции. В исполнении этих функций она есть некоторое социально-автономное целое, подобно тому, как клетка живого организма не растворяется в массе других клеток. Общественное целое, конечно, считается с исторически данными условиями образования данной коммуны – тут процесс влияния взаимный. Но в сложившемся обществе мы наблюдаем такой факт. Каждой коммуне определен характер и объем ее деятельности, определены другие коммуны, с которыми она вступает в деловые контакты (получает сырье и машины, направляет свою продукцию и т.п.). Определено число членов коммуны, их распределение по профессиям и по социальным рангам. Делается это в форме особого законодательства, определяющего статус коммуны, и системы планирования деятельности всех коммун общества, в которой устанавливается форма и доля участия данной коммуны в общем плане. Установление делового положения членов коммуны, их распределение по профессиям и по социальным рангам. Делается это по плану и с соблюдением норм поведения коммун в единой деловой системе общества, – это является основной функцией особого рода коммун, образующих государственный аппарат общества. Этот вопрос я буду рассматривать ниже (в разделах, относящихся к государству).

Иерархия клеток-коммун

Основное социальное разделение функций коммун происходит по линии разделения деловых функций и функций управления исполнением деловых функций, – образуются особые ячейки, занятые исключительно делом управления. Подобно тому, как в отдельном человеке как существе социальном управляющий орган является господином над управляемым телом, т.е. имеет более высокий социальный ранг, так и в обществе деловая ячейка, являющаяся управляющим органом по отношению к другим деловым ячейкам, имеет более высокий социальный ранг. Управляющая деловая ячейка сохраняет все социальные качества деловой ячейки вообще. Она с этой точки зрения подобна тем ячейкам, которыми она управляет. Но поскольку ее деловой функцией является управление другими, она есть управляющий орган нового социального целого. И потому она приобретает новые социальные качества. Главное из них состоит в том, что группа лиц, в свою очередь управляющая прочими лицами управляющей ячейки, имеет более высокий социальный ранг, чем самые высшие лица управляемых ячеек. Имеются, конечно, отдельные исключения из этого правила. Но они не отменяют всеобщей силы самого правила.

Второе обстоятельство, играющее здесь важнейшую роль, – это образование сложной иерархии клеточек именно в сфере управления, т.е. начиная с первичных управляющих клеточек. Подчеркиваю, иерархия клеточек-коммун образуется не за счет иерархии в множестве клеточек, занятых непосредственным делом и управляемых другими клеточками, а за счет управляющих клеточек. Другими словами, имеется множество деловых клеточек, которые никем не управляют. Они группируются в некоторые агрегаты деловых клеточек, которыми как целым телом управляет особая управляющая клеточка, – первичная (или первого ранга) управляющая клеточка. В зависимости от числа управляемых клеточек растет

и число управляющих клеточек первого ранга, которые нуждаются в управлении в свою очередь, – так образуются управляющие клеточки второго ранга. Процесс таким образом продолжается до тех пор, пока не будет охвачено все общество в целом. Причем имеются количественные социальные законы управления и группировки, по которым складывается вся грандиозная иерархия клеточек-коммун. Таким образом, социальная иерархия общества есть иерархия сугубо управленческая, подобно тому как в армии вся совокупность офицеров различных рангов вырастает на базе солдатской массы.

Конечно, и те клеточки-коммуны, которые никем не управляют, как-то иерархизируются. Но уже совсем в ином духе. Например, есть заводы и институты высших и низших категорий. В зависимости от категории многие лица получают различную зарплату (например, сотрудник института первой категории получает больше, чем сотрудник того же ранга института второй категории). Однако завод второй категории не подчиняется заводу первой категории, подобно тому как обычный негвардейский полк не подчиняется полку гвардейскому.

Вполне естественными следствиями рассмотренной иерархии клеточек-коммун является образование многоступенчатой иерархии социальных позиций людей и превращение дела управления людьми и группами людей, занятых каким-то делом, в более важное дело, чем те виды деятельности, какими заняты управляемые. Не офицеры, генералы и маршалы существуют для солдат, а солдаты существуют для офицеров, генералов и маршалов, причем – существуют лишь как материал для их деятельности.

Отношения между группами

Между группами индивидов имеют место те же отношения, что и между индивидами в группах: субординации (начальствования и подчинения), координации (соподчинения), кооперации (деловые). Первые два устанавливаются через отношения руководителей групп или руководящих групп. Например, дирекция института образует господствующую группу по отношению к отделу института, поскольку руководитель дирекции (директор) является начальником, а заведующий отделом – его подчиненным. Кроме того, между группами имеет место отношение включения (например, институт содержит в себе отдел, отдел – сектор). И вообще в большом обществе устанавливается сложная структура групп.

Условия существования индивидов в группе мало зависят от того, как действует группа в целом. Отклонения тут бывают, но они в большой массе людей и групп нивелируются. Этот принцип независимости положения индивидов от успешности действия группы весьма существен, – он делает индивидов безразличными к успехам группы. В лучшей деятельности группы бывает заинтересовано ее руководство и отдельные лица группы, да и то далеко не всегда. Зато положение индивидов может существенно различаться в зависимости от того, к какому рангу принадлежит его группа и имеет ли она привилегии. Например, секретарша директора крупного института первой категории имеет более высокую зарплату и дополнительные блага сравнительно с секретаршей мелкого института второй категории.

Вообще говоря, большинство активно действующих принципов общества имеет не столько позитивный, сколько негативный характер. Так обстоит дело и в отношениях групп. Возьмем две группы одного ранга. Руководство одной из них (а значит – одна из них) стремится к тому, чтобы другая группа не работала более успешно, чем его группа, или во всяком случае, чтобы успехи другой группы не были заметны, не имели бы резонанса. Руководство группы знает (если, конечно, оно опытное), что и в отношении его группы действует тот же закон, и потому не особенно стремится «вылезать». Тем более карьера руководителей зависит от деятельности его учреждения весьма в незначительной степени. Она зависит от личных отношений с теми лицами, от которых вообще зависит продвижение по служебной лестнице. Так что руководство группы стремится к тому, чтобы его группа была не хуже других. Здесь исключена конкуренция, поскольку судьба группы не зависит от судьбы результатов ее деятельности. Группа отдает нечто обществу, получая за свою деятельность соответственно установленному ее рангу в обществе. Потому-то и возможно такое, что сотрудники предприятия с устаревшей технологией живут примерно одинаково (а возможно – лучше) с сотрудниками аналогичного предприятия с передовой техникой. Короче

говоря, коммунальные отношения не стимулируют прогресс производительности труда.

Иерархия индивидов и распределение

В силу справедливого в самом фундаменте общества принципа распределения жизненных благ в соответствии с социальным рангом людей складывается многоступенчатая иерархия и в системе распределения. Причем разница в доле благ на высших и низших ступенях иерархии оказывается огромной. Поскольку размер доли благ на каждой ступени иерархии определяется не некими законами природы (их просто нет), а тем, сколько могут урвать для себя лица, находящиеся на данной ступени, и сколько общество вынуждено им уступить, т.е. устанавливается в результате социальной борьбы и закрепляется законом, то контрасты в распределении имеют тенденцию возрастать до чудовищных размеров.

Критики образа жизни коммунистических стран говорят о самых различных их дефектах, но почему-то обходят молчанием фундаментальнейший вопрос бытия людей – вопрос о распределении жизненных благ. Фактическое положение здесь таково. Есть официальная основная зарплата. И общеизвестно, что разница в зарплате бывает огромной, иногда в десятки раз. Есть скрытая дополнительная зарплата в виде премий, гонораров, «пакетов», командировок, бесплатных путевок в санатории. Есть закрытые распределители продуктов, в которых цены много ниже официальных. Есть законный и незаконный продукт личной изворотливости, – «подарки», взятки, блат, черный рынок, обычные базары. В официальной и полуофициальной торговле постоянно продаются и покупаются вещи, предполагающие очень зажиточные слои населения. Факт очевиден: общество расслаивается на группы, людей, располагающих различным уровнем потребления. Причем разница временами достигает таких размеров, что порою контрасты прошлого просто бледнеют в сравнении с ними.

Общеизвестно, далее, что начальство получает жизненные блага больше и лучше, чем подчиненные, что с ростом ранга начальства растет и доля общественного продукта, которую они получают. Причем, чем выше ранг начальства, тем легче труд, меньше требуется талантов, тем больше привилегии. Само начальство всех рангов и типов не сомневается в справедливости этого и всячески укрепляет и увеличивает свои привилегии. Народ ропщет, но тоже не считает это несправедливостью: начальству это положено. «Интеллигенция» чувствует себя ущемленной, но не настолько, чтобы бунтовать. Тем более она находит способы как-то компенсировать «положенное» им и принимает сама деловое участие в создании иерархии распределения. И вся масса населения действует в том направлении, какое диктуется объективными социальными законами, и прежде всего – фактически действующим принципом распределения.

Принцип «Каждому – по его социальному положению» является главным и самым фундаментальным принципом распределения жизненных благ в коммунистическом обществе. Этот принцип является фактическим воплощением принципа «Каждому – по труду», ибо социальное положение индивида в условиях огромного разнообразия форм трудовой деятельности и в условиях действия общечеловеческих законов коммуналности является единственным общественно-значимым критерием как трудового участия индивида в общественном производстве, так и признаваемых обществом его разумных потребностей. В обществе имеют место отклонения от этого принципа, но сами эти отклонения порождаются не отменой его действия, а именно стремлением к его соблюдению. Самым сильным и заметным из таких следствий этого принципа является тенденция к прогрессивному увеличению доли общественного продукта с ростом ранга социальной позиции индивидов и к прогрессивному снижению доли продукта с уменьшением ранга социальной позиции индивидов. Результатом действия этих тенденций является поляризация потребления – необычайно высокий уровень потребления на верхних ступенях социальной иерархии и необычайно низкий – на низших.

При рассмотрении иерархии распределения исследователь сталкивается со следующей трудностью: официально фиксируемый показатель потребления часто не совпадает с реальным. Например, чиновник из аппарата ЦК получает сравнительно небольшую зарплату. Но уровень его потребления в несколько раз выше, чем таковой у обычного гражданина с

более высокой зарплатой, так как он по мизерным ценам или бесплатно может иметь блага, недоступные простым смертным. Или директор ресторана, универмага имеет зарплату ниже учителя школы, но фактически он живет на несколько порядков выше, чем профессора институтов. Тут – иной способ добывания благ. Третий способ имеет директор мясокомбината, четвертый – парикмахерша или продавщица пива и газированной воды. Так что для более точной характеристики уровней потребления различных слоев населения надо ввести понятие затрат на содержание индивида, – т.е. во что обходится обществу существование данного его члена. Для большинства индивидов величина этих трат совпадает с величиной потребления, задаваемой реальной зарплатой (с небольшими отклонениями в ту или иную сторону). Но для привилегированных слоев такого совпадения нет. Имеется значительное число граждан, величина трат на которых в два-три раза превышает среднюю. Для части из них эта разница достигает пяти и шести раз. Для еще более узкой части разница достигает нескольких десятков раз, нескольких сот раз и даже тысяч. Траты на высших лиц партии и государства не поддаются вычислению. Ни один король, царь, император, миллионер не обходится обществу так дорого, как Генеральный секретарь в Советском Союзе, по идее выражающий интересы трудового народа и ведущий общество к справедливому распределению жизненных благ. Я уж не говорю о бессмысленном разбазаривании общественных средств вследствие глупости, самодурства, тупого тщеславия. К сожалению, невозможно получить данные об имущественных характеристиках представителей различных слоев общества. Еще более страшную картину дает сравнение стоимостей имуществ. Например, общая площадь участков земли (а это – лишь участки!), отведенных для привилегированных лиц (номенклатура всех рангов), превышает площадь европейского государства среднего размера, а стоимость особняков, квартир, дач, которые так или иначе находятся в их владении, превосходят стоимость дворцов самых расточительных владык прошлого. Прибавьте к этому затраты на медицинские учреждения, занятые исключительно здоровьем руководителей, стоимость средств их прославления. И вы ужаснетесь. История еще не знала таких контрастов для многочисленных слоев в распределении благ и в тратах, какие являет советское справедливое (согласно демагогии) общество. Конечно, одновременно эта система являет также картину ужасающей серости, бездарности, пошлости. Но от этого суть дела не меняется.

На основе принципа «Каждому – по его социальному положению» вырастает грандиозная система привилегий. Эта система имеет следствием то, что упомянутый принцип «Каждому – по его труду», оказывается отклонением от последнего, нарушением его.

Абстрактно рассуждая, дело выглядит так. Граждане являются на работу в свои коммуны, исполняют свои обязанности и получают за это законную для их социального положения плату. Вот на эту плату они и существуют. Например, продавец в продуктовом магазине продает продукты прочим гражданам, получает за это жалкую сотню рублей, на которую не купишь даже приличный костюм, и потом сам бегаёт по магазинам и стоит в очередях за продуктами. Руководитель ансамбля песни и пляски отбирает из проходящих к нему девочек наиболее способных, учит их петь и плясать, помогает им, получает двести рублей или меньше, после работы приходит в свою здоровую коммунистическую семью и спит со своей старой сварливой женой. Заведующий жилищным отделом городского совета ютится в квартирке, положенной по общим нормам... Но в действительности дело обстоит совсем не так. В действительности продавец магазина снабжает себя продуктами в своем магазине, причем – ухитряется делать это бесплатно и еще подрабатывать. Оказывая по благу услуги знакомым, получает от них взамен что-то в других местах. Продавцы мясных отделов в Москве, например, считаются одними из богатейших, хотя зарплата их мизерная. О работниках комиссионных и ювелирных магазинов и говорить не приходится. Руководители ансамблей принуждают мальчиков и девочек к сожителству. Лица, причастные к распределению квартир, сами обеспечены и часто являются очень богатыми людьми... В действительности действует социальный закон, по которому каждый индивид стремится максимально использовать свое социальное положение в своих интересах. Этот закон естествен. И его не отменишь никаким высоким уровнем сознательности, который обещают идеологи, и никакими угрозами. Действие его можно погасить лишь одним путем: дать индивиду «законно» все то, что он в своем положении мог бы взять и без этого. Но и этот путь

не абсолютен: получив нечто в качестве «законного», индивид этим не может удовлетвориться и использует свое положение в чем-то другом. В Советском Союзе имели место многочисленные случаи, когда высшие лица власти, обеспеченные сверх всякой меры, все же использовали свое положение с чудовищной силой.

Социальная привилегия есть то преимущество, которым обладают индивиды данного рода перед прочими в силу своего социального положения. Не всякая привилегия есть социальная привилегия. Например, лица, живущие в курортном районе и имеющие возможность прилично нажиться за счет курортников, имеют привилегию экономико-географического порядка, но не социальную. Молодой человек, родившийся в семье высокопоставленного чиновника, имеет ряд преимуществ перед молодым человеком из семьи бедного творческого интеллигента. Первому, например, даже при наличии посредственных успехов в школе гарантировано высшее учебное заведение по выбору. Главным образом – по выбору родителей или из соображений последующей выгоды, а не по принципу «От каждого по способностям». Второму даже при наличии блестящих способностей не так-то просто попасть не только в институт, соответствующий его способностям и склонностям, но в любой какой-нибудь захудалый институт. Если, конечно, у его родителей нет связей, благодаря которым экзаменаторам будет дано тайное указание хотя бы не заваливать его на экзаменах. Но рассмотренная привилегия первого молодого человека по сравнению со вторым, сидевшим, может быть, с ним за одной партой, не есть социальная привилегия первого молодого человека. Это есть социальная привилегия его отца, а не его самого. Благодаря привилегии рождения он приобретет социальные привилегии. Так что ее можно рассматривать как потенциальную социальную привилегию. Но я в эти тонкости вдаваться не буду.

Западные общества тоже имели и имеют систему привилегий. Например, наличие достаточных средств дает возможность приобрести образование, соответствующее способностям и склонностям человека. Не всякий имеет эти средства. Это привилегия. Но привилегия богатства, а не социального положения. Здесь роли не играет, как получены средства. Они могли быть заработаны, получены по наследству или быть результатом социальной привилегии. Но сам факт достаточности этих средств для получения образования не есть социальная привилегия. Аналогично человек, имеющий крупную сумму денег, может совершить заграничное путешествие, если он гражданин западного общества. Опять-таки это – привилегия, поскольку не всякий может себе это позволить. Но не социальная. В СССР, чтобы совершить поездку за границу, недостаточно только иметь деньги и быть нормальным гражданином. Здесь это – одна из самых серьезных социальных привилегий. И, как правило, такие поездки предоставляются привилегированным лицам бесплатно.

Нет общества без привилегий. Вождь первобытного племени, берущий первым кусок мяса убитого животного, уже имеет привилегию, причем по тем временам огромную. Важно установить, какой тип привилегий характерен для данного типа общества и какую роль они играют в его жизни. Советские либералы, требуя большей свободы передвижений по стране и поездок за границу, большей свободы слова, печати, творчества, посягают на самые основы советского образа жизни – на органически присущую ему систему привилегий. Их желания суть продукт того, что они начитались книжек о прошлом и о Западе, наслушались всякого рода разговорчиков на эту тему и, может быть, сами нагляделись. Но они чужды советской социальной действительности.

Социальные привилегии разделяются на официальные, закрепленные законом или обычаем, и неофициальные. Последние делятся на наказуемые (порицаемые, во всяком случае) и ненаказуемые (или слабо наказуемые). Но строгих граней тут нет. Например, высокая зарплата, хорошая квартира, персональная машина, закрытый распределитель продуктов питания, бесплатные санатории у крупных чиновников суть законные привилегии. А принуждение подчиненных к сожительству, присвоение их идей, навязывание соавторства, устройство на работу или учебу по знакомству суть фактические привилегии, но не узаконенные. Они официально порицаются. Но много ли случаев вам известно, когда начальники за такие дела пострадали бы? Эти привилегии столь же прочны, как и законные. Существует огромное количество должностей, где именно фактические незаконные привилегии являются главными источниками доходов всякого рода. Это даже иногда

официально учитывают в установлении зарплаты, когда зарплата оказывается чистой фикцией. Пройдитесь, например, по дачным местам под Москвой и поинтересуйтесь, сколько стоят дачи и какова зарплата их владельцев. И вы увидите, что в огромном числе случаев владельцы должны были бы в течение десятков лет откладывать зарплату полностью, чтобы накопить на дачу.

Благодаря фактически действующей (включая узаконенную) системе привилегий происходит дополнительный процесс распределения жизненных благ, принцип «Каждому – по его социальной позиции» фактически превращается в принцип «Каждый урывает для себя максимум того, что позволяет ему его социальная позиция». В эту долю продукта, которую урывает индивид, входит и официально установленная зарплата. Низшие слои населения тоже как-то ухитряются приобретать нечто сверх зарплаты, например, в форме «левых» приработков и воровства. Большинство преступлений в коммунистическом обществе связано именно с попытками граждан использовать свое положение, что для низших слоев обычно связано с нарушением законов. Но для средних и высших слоев условия в этом отношении более благоприятные. Хотя с точки зрения буквы закона преступления здесь – обычное дело, их практически трудно или невозможно разоблачить. К тому же власть имущие не заинтересованы в этом, ибо сами пользуются социальными привилегиями в первую очередь. Здесь использование служебного положения фактически есть не злоупотребление, а нечто естественное. Злоупотреблением здесь считается нарушение некоторой меры, т.е. из ряда выходящая крайность. В Советском Союзе целые районы заражены системой взяточничества, блата и служебного произвола до такой степени, что с ними не в силах справиться даже всемогущие органы государственной безопасности. Впрочем, они сами порой являются участниками и даже главарями гигантских социальных мафий, охватывающих целые районы, города, области и даже республики.

Всякое достаточно развитое общество порождает социальную иерархию людей, а последняя с необходимостью порождает систему привилегий. Механизм действия этого закона примитивно прост. Если некоторая категория людей имеет какие-то привилегии сравнительно с другой категорией людей, более низкого уровня в социальной иерархии, она ради сохранения этих своих привилегий готова мириться с тем, что имеются категории людей, занимающие более высокое положение в социальной иерархии и обладающие привилегиями более высокого ранга. Этот закон объясняет тот факт, что главными защитниками существующего общественного устройства являются не высшие и даже не средние слои, а слои, слегка возвышающиеся над самыми низшими (подобно тому, как армейская дисциплина поддерживается не столько старшими офицерами и генералами, сколько сержантами и младшими офицерами). И наивно думать, будто социальные сержанты и лейтенанты действуют только в силу указаний свыше и в силу страха перед социальными полковниками и генералами. Они действуют главным образом от своего имени и ради своих интересов.

Этот закон дает себя знать и внутри категории людей одного уровня. Если индивид данной категории имеет хотя бы малюсенькую привилегию сравнительно со своими собратьями, он ради нее всячески хранит и одобряет всю систему привилегий. В любом учреждении есть образцово-показательные рядовые, регулярно получающие премии, благодарности, путевки в дома отдыха, улучшения жилищных условий. Любой начальник обрастает массой подхалимов, прислужников, осведомителей, собутыльников. И эти выполняют свои неофициальные функции далеко не бескорыстно. Все они ощущают себя причастными к власти, а значит – к привилегиям. Слой низших начальников и их добровольных помощников образует самое мощное препятствие для рядового гражданина, желающего пробиться в высшие сферы. Чем ниже ранг этого первичного начальнического слоя, тем труднее его пробить и тем более жестоким он является в отношении нижестоящих. Лишь при наличии покровителей из более высокого слоя, чем этот первичный начальнический слой, или карьеристической изворотливости можно преодолеть последний. Первичный начальнический слой образует основу и ядро первичного коллектива. Если член коллектива вступает в конфликт со своим первичным начальническим слоем, коллектив очень редко поддерживает его. Обычно коллектив принимает сторону начальства, ибо от начальства его жизнь зависит в гораздо большей мере, чем от этого конфликтующего члена коллектива. Так что подавляющая масса населения страны вообще не пробивается через соответствующие

первичные начальнические слои и не допускается до такого положения, когда человек может противостоять высшим властям государства, т.е. противостоять обществу в целом, а не своему жалкому первичному коллективу.

Структура населения

Согласно официальной идеологии население Советского Союза разделяется на дружественные классы рабочих и крестьян и трудовую интеллигенцию, которая является прослойкой между рабочими и крестьянами. Эту схему в общем принимают и многие критики советского общества. А между тем эта схема совершенно бессмысленна. Как может быть интеллигенция прослойкой между рабочими и крестьянами? Прослойка в данном случае есть что-то промежуточное между рабочими и крестьянами. Например, это могут быть крестьяне, частично являющиеся рабочими, или наоборот. Если хотят сказать, что советские интеллигенты суть выходцы из рабочих и крестьян, так это может быть что угодно, только не прослойка между последними. Но оставим в стороне словесные придирки. Пусть интеллигенция есть нечто, исходящее из рабочих и крестьян. Эта схема уместна была после революции, когда интеллигенция была почти полностью истреблена или изгнана, и люди, называемые по старой привычке интеллигентами, стали появляться из рабочих и крестьян. А как быть теперь, когда такого рода люди производятся себе подобными, причем – во втором и третьем поколении (т.е. суть выходцы из выходцев)? Как быть, если они происходят из слоев, которым в прошлой истории даже названий не было, например, – из партийных чиновников, работников КГБ, офицеров армии и милиции? Игнорировать эту категорию людей нельзя, ибо число их превосходит число интеллигентов. К рабочим и крестьянам они явно не относятся, а к интеллигентам относить их как-то неудобно, да они сами этого не хотят, – в большинстве они вообще презирают интеллигенцию. Так что нужна еще особая категория людей – служащие. Что это такое – класс или прослойка? Наконец, хотя жители городов по образу жизни отличаются от жителей деревни, но с социологической точки зрения эта разница не столь существенна, как разница между начальством и подчиненными, одинаковая для города и деревни. Чувствуя все это, в официальном словоупотреблении теперь предпочитают говорить просто о трудящихся, игнорируя реальное расслоение общества на различные социальные категории. Я не употребляю здесь слово «класс», дабы не вызывать ненужных ассоциаций с марксистскими идеями насчет классов и бесклассового общества. Особенно смешно бывает слушать, когда на Западе говорят об интеллигенции, ученых, военных, хозяйственниках как об особых социальных категориях. При этом почему-то совершенно упускают из виду те очевидные факты, что среди «ученых» есть низшие сотрудники, профессора, доктора, академики, заведующие, директора, прочие лица, находящиеся на различных ступенях иерархической лестницы. И различие в социальном положении между ними достигает порой таких размеров, что зачислять их в одну категорию – аналогично зачислению в одну категорию «земледельцев» крепостных крестьян и помещиков. А руководящий слой науки лишь использует свою причастность к науке для своей социальной активности, не имея ничего общего с функцией ученого как открывателя истин. Совершенно аналогичная картина имеет место и в других сферах деятельности. Тут есть, конечно, свои профессиональные различия. Например, особенности «военных» общеизвестны. Писатели, имея сложную социальную структуру и иерархию, в целом образуют подразделение в идеологической работе общества. Но они профессиональные, а не социальные. Понятие же «интеллигенция» здесь настолько утратило какой бы то ни было смысл, что тут нельзя даже указать профессию, образ жизни и уровень образованности, которые отличили бы интеллигенцию как особый социальный слой от других слоев.

Структура населения коммунистического общества на самом деле описывается совсем в иной системе понятий. Во-первых, общество распадается на первичные деловые коммуны, и люди разделяются по социальным категориям соответственно их функциям и положению в этих коммунах. Так что можно построить шкалу таких категорий, начиная с. самых низших работников и кончая высшими руководителями районов, областей, отраслей, страны. Здесь возможны различные способы классификации. Самый грубый из них – разделение на низшие,

средние и высшие слои. Самый точный из них – разделение на официально установленные группы с учетом степеней, званий, рангов. В последнем случае получится довольно непрерывный ряд, имеющий мало научной ценности. Тем более при этом будут затруднения с многими категориями людей, которых по одной линии надо зачислять в один ранг иерархии, а по другой линии – в другой. Например, заведующий комиссионным магазином по размеру зарплаты стоит ниже младшего сотрудника исследовательского института, по служебному положению он равен заведующему лабораторией, в которой работает этот младший сотрудник, а по фактическим средствам, которыми он располагает, и по влиянию в обществе он стоит выше директора института, в котором существует эта лаборатория. Так что социологически более интересной может быть классификация, учитывающая многие существенные параметры людей. Реальные люди эти параметры постоянно принимают во внимание, и сами стихийно группируются соответственно им. И эта группировка не имеет ничего общего с идиотской схемой «рабочие – крестьяне – интеллигенция». Очень близкой к социологической структуре является такое официально признаваемое разделение людей по категориям, как уровни номенклатуры, а для неноменклатурных лиц – их должностные уровни в первичных коллективах.

Население в подавляющем большинстве принимает свою социальную иерархию и считает ее справедливой. Ситуация здесь подобна той, когда уже армейский ефрейтор считает систему рангов справедливой, поскольку она хотя и немного, но все же возвышает его над солдатами, а солдаты чувствуют, что без порядка и иерархии положение их было бы хуже. Они все равно образовали бы социальную структуру по законам коммунальности, но уже без той защиты, какую дает официально установленный порядок. Население принимает социальную иерархию, ибо для многих она дает какую-то надежду выделиться из массы и возвыситься, а для прочих она дает ощущение защищенности. Люди прекрасно понимают, что без социальной иерархии невозможно существование современного хозяйства, что без нее невозможно сохранить даже тот уровень быта и культуры, какой есть и какой им самим кажется низким. Лишь незначительная часть населения заинтересована здесь в разрушении иерархии, причем фактически из своих эгоистических интересов или необдуманно, хотя часто такие люди и болтают о том, что они борются за общие блага. Многочисленные оппозиционные движения на Западе (особенно – левые и молодежные) фактически направлены против данной неизбежной структуры современного общества, хотя они обычно и выступают под лозунгами борьбы с капитализмом и империализмом. Эти движения часто являются по сути антикоммунистическими, облекаясь в силу исторических условий в коммунистические одежды, – еще один интересный парадокс истории. Совершенно очевидно, что тем людям, которые имеют возможность занять более или менее высокое положение в социальной иерархии, последняя кажется абсолютной справедливостью. Предложите тем людям, которые убили много лет жизни и усилий для того, чтобы стать докторами наук, доцентами, профессорами, полковниками, генералами, министрами и т.д., отказаться от их званий, должностей и уровня их обеспеченности и посмотрите, как они отнесутся к вашему предложению. Но у студентов, младших сотрудников, солдат, рабочих, крестьян, конторских служащих даже не возникает мысли выдвинуть такую программу уничтожения социальной иерархии. Люди возмущаются тут какими-то отклонениями от норм. Но последние относительно и субъективны. Официально же признанные нормы не оцениваются как несправедливые.

Самые фундаментальные социальные отношения людей осуществляются через личные общения. Люди при этом лично знают друг друга и вступают в непосредственные контакты. Естественно, при этом возникают объединения людей, не оформленные законами общества, т.е. неофициальные или неформальные объединения. Они отличаются от официальных тем, что не имеют своей дирекции, своей бухгалтерии, своей партийной, профсоюзной и комсомольской организации, своей территории, своего узаконенного дела и прочих атрибутов официальных объединений. Эти неофициальные объединения весьма разнообразны. Они возникают в самих деловых коллективах, в связи с деловыми отношениями, но в более широкой среде (например, в данной области культуры), независимо от дела (например, родственные и национальные объединения). Имеются смешанные варианты. Они различаются как одноактные и регулярные, преемственные и непреемственные, заметные и незаметные,

поощряемые и непоощряемые, терпимые и порицаемые, наказуемые и ненаказуемые. Возникают они на основе традиционных связей, личных привязанностей, взаимной помощи и выгоды, самозащиты. Эти группы и слои играют в жизни общества гораздо более серьезную роль, чем различия людей как крестьян, рабочих и интеллигентов. Я уж не говорю здесь о сверхпримитивной схеме «народ – власть», которая тоже имеет хождение в среде критиков советского общества и русской эмиграции на Западе. Все население страны можно разделить, далее, на привилегированную и непривилегированную части. Это разделение проходит не по линии наличия или отсутствия привилегий вообще. В непривилегированную часть попадают и люди, занимающие довольно высокое положение в обществе и имеющие в силу этого какие-то законные преимущества, например, – полковники, доценты, профессора, инженеры, врачи и т.п. Речь в данном случае идет об особых привилегиях и особо исключительном положении людей. В привилегированную часть попадают высшие партийные и государственные чиновники, некоторые особо выделенные артисты, художники, писатели. Сюда попадают и отдельные ученые, но уже в качестве крупных чиновников в своей области. Так вот внутри непривилегированной части населения можно констатировать образование таких групп, какие я называю народными группами. А внутри привилегированной части можно помимо групп, аналогичных народным группам, констатировать образования, которые я называю привилегированными слоями. Поясню кратко различие этих структурных элементов населения.

Народные группы образуются из родственников, знакомых, соседей, сослуживцев. Это – довольно аморфные образования, но не настолько аморфные, чтобы с ними не считаться. В одну группу могут входить офицеры, инженеры, служащие, студенты, школьники, уборщицы. И все они, несмотря на различия, живут в сходном стиле. В таких группах могут быть свои привилегированные лица, – предмет гордости, зависти и других чувств для прочих членов. Члены таких групп знают о существовании друг друга, встречаются в тех или иных комбинациях и более или менее часто, интересуются судьбой друг друга, принимают какое-то участие в судьбе друг друга. Это – тот круг людей, в котором так или иначе проходит жизнь индивида вне первичного коллектива, – его личная жизнь. В таких группах люди ходят в гости друг к другу, переписываются, разговаривают по телефону, женятся, растят детей, дружат. Они меняются по составу, не всегда устойчивы. Но несмотря на их аморфность и изменчивость люди все равно вовлекаются в них, значительную часть времени проводят в них, проявляют к ним интерес, считаются с ними. Для подавляющего большинства населения такие группы суть дополнительный источник влияния и дополнительный надсмотрщик за их поведением. Именно в таких группах действует общественное мнение. И сила воздействия его на людей здесь огромна. Воздействие это двоякого рода. С одной стороны, оно заставляет людей поступать в соответствии с законами социальности, которым подчиняются все члены общества. А с другой стороны, оно накладывает некоторые ограничения на поведение людей, создавая свои представления о приличии, порядочности, честности. Люди вынуждены считаться с теми представлениями о правильном поведении, какие свойственны таким народным группам. Если индивид нарушает принятые нормы поведения, народная группа его осуждает, а порой – исключает его из себя и добивается официального наказания. Так что когда в Советском Союзе отдельные люди вступают в серьезный конфликт с обществом (диссиденты, например), они встречают осуждение не только в первичных коллективах, но и в своих народных группах. В частности, родственники и близкие знакомые, как правило, осуждают здесь диссидентов. На Западе не могут понять этого явления. А между тем это вполне обычное дело с точки зрения людей с опытом жизни в Советском Союзе. Дело в том, что народные группы вырабатывают представления о правильном поведении индивидов, перенеся их сюда из своих первичных коллективов. Во всяком случае, значительная часть членов народных групп (во всяком случае – самые влиятельные из них) является членами каких-то деловых коммун. И для них народная группа есть лишь продолжение их деловой коммуны, приложение к ней. Конфликты между народными группами и деловыми коммунами, конечно, возникают. Но они не имеют принципиального значения, не раскалывают жизнь населения на две разные жизни – в коммуне и в народной группе. Большинство конфликтов бывает такого рода, что причиной их оказывается нарушение индивидами каких-то норм поведения в том или другом коллективе.

Группы, аналогичные народным, складываются и в привилегированной части общества. И к ним относится все сказанное выше. Но здесь возникает нечто новое, недоступное на более низком уровне: более обширные возможности общения, сознание престижной общности, солидарность привилегированных и другие явления, объединяющие представителей этой части общества в более обширные группы и даже слои, внутри которых бывает достаточной уже потенциальная только принадлежность к группе. Например, здесь привилегированному писателю достаточно знать, что есть некий привилегированный художник или некий министр, чтобы ощущать их членами некоей потенциальной группы, к которой он причисляет себя. Для него принципиально не является невозможным знакомство с ними. Они могут оказывать друг другу услуги и заранее рассчитывают на это. Их дети могут ходить в одни и те же привилегированные учебные заведения и вступать в брак. Их дачи сопоставимы и могут даже соседствовать. Короче говоря, здесь складывается нечто подобное тому, что имело и имеет место в среде господствующих классов некоммунистических обществ. Причем здесь имеет место своя иерархия слоев, лишь отчасти совпадающая с официальной иерархией средних и высших чиновников.

Слои, о которых я говорю здесь, оказывают на своих членов еще большее давление, чем народные группы, ибо здесь действует еще и сознание принадлежности к господствующей группе населения. Хотя в этом обществе и отсутствует эксплуатация одними людьми других, какая имеет место в капиталистическом обществе, здесь имеет место более скрытая форма эксплуатации, в которой эксплуататором является не отдельный человек, а целый слой населения. Члены привилегированных слоев ощущают себя в качестве соучастников эксплуатации и дорожат этим. Существующий коммунистический строй есть их строй жизни и для них, ибо лишь благодаря ему они имеют особое положение, возвышающее их над массой людей. Потому члены привилегированных слоев расправляются с нарушителями принятых в них правил поведения довольно жестоко и беспощадно. Впрочем, такие случаи происходят довольно редко.

Конечно, такие «понятия», как «рабочий» и «крестьянин», еще не утратили смысла полностью и сохраняют смысл и в будущем. Они утратили смысл социологических понятий, характеризующих коммунистическое общество по существу. Теперь многие профессии людей, занятых в сфере материального производства на самом низшем производительном уровне, уже не обозначаются точно словом «рабочий» (мастера, механики, прибористы и т.п.), а слово «крестьянин» даже для деревенских жителей звучит весьма неопределенно. Они предпочитают употреблять слова «тракторист», «комбайнер», «агроном», «зоотехник», довольно часто оставляя слово «крестьянин» лишь за самой неквалифицированной частью сельского населения.

Короче говоря, требуется сложное социологическое исследование, оперирующее всеми методами современной науки, чтобы дать точное описание структуры многомиллионного населения коммунистической страны.

Национальный вопрос

Я не рассматриваю разделение на национальностей племена. Замечу лишь, что, как показывает опыт Советского Союза, коммунистический строй успешно справляется с национальными проблемами. В частности, он является весьма эффективным с точки зрения поднятия образования, культуры и быта наиболее отсталых народов и групп населения до сравнительно высокого уровня. И они становятся оплотом нового общества. Отдельные национальные меньшинства здесь занимают привилегированное положение и превращаются в объединения, мало чем отличающиеся от гангстерских банд (в Советском Союзе в таком положении порой оказываются целые республики, например, Грузия, Азербайджан). Коммунистическая организация жизни общества вообще легко переходит в организацию, подобную гангстерской. И с этой точки зрения контроль со стороны центральной власти есть пока единственное средство сдерживать эту тенденцию к гангстеризму на местах.

В коммунистическом обществе имеет место очень сильная тенденция к уничтожению национальных перегородок и нивелированию национальных различий в населении страны, —

тенденция к образованию вненациональной общности людей, т.е. общности коммунальной. И расчеты на то, что межнациональные конфликты в Советском Союзе послужат причиной гибели советской империи, основаны на полном непонимании фактического состояния страны с этой точки зрения.

Тенденция к рабству

Хочу особо выделить еще одну тенденцию в структуре населения коммунистической страны – тенденцию к созданию особой категории людей, статус которых весьма близок к статусу рабов. Это – заключенные. В сталинские времена армия заключенных насчитывала в Советском Союзе пятнадцать миллионов. В настоящее время есть основания полагать, что армия заключенных достигает четырех-пяти миллионов. Это число не удовлетворяет реальную потребность общества в работниках такого рода, и она пока удовлетворяется использованием городских жителей (в особенности – молодежи) на уборочных работах в деревне и на стройках, а также использованием армии. По положению эти люди близки к рабам, постольку в зрелом возрасте вырываются из обычной житейской среды и обычного делового коллектива, не воспроизводятся в заключении, получают мизерное вознаграждение за свой труд, не вольны выбирать место жительства и вид деятельности. Единственное, что с ними не делают, – не продают. Да и то потому, что некому продавать и не у кого покупать. Пополняется эта армия рабов в основном из правонарушителей, которые в обществе имеются в изобилии: условия жизни и работы для многих людей таковы, что они не могут не нарушать законы или легко поддаются искушению их нарушать. Число заключенных здесь зависит не от способности властей разоблачать преступления, а от санкций властей на это и пропускной способности органов правосудия. Потребность в армии заключенных ощущается в таких сферах деятельности, куда обычные люди добровольно не идут (например, это вредные производства, плохие в климатическом отношении места, особо секретные предприятия). Эта тенденция к образованию армии рабов вытекает из самого характера труда в коммунистическом обществе как труда принудительного и возможностей властей без сопротивления со стороны населения создавать такую армию. Большинство населения относится к этому равнодушно или одобрительно, поскольку в значительной мере это означает очищение общества от воров, бандитов, грабителей и прочих социально-опасных элементов. Но власти не ограничиваются этой оздоровительной деятельностью, «набирая» в число заключенных и рабочую силу, требуемую в упомянутых выше местах. Это легко сделать, так как в принципе огромные массы обычного населения легко уязвимы с точки зрения правосудия. Насколько мне удалось установить, в последние десятилетия в Советском Союзе доминирующим типом заключенного стал не профессиональный преступник, а обычный человек, совершивший преступление случайно или в силу бытовых условий.

Доминирующая тенденция эволюции

Общественная эволюция не считается ни с какими прекрасодушными идеалами и намерениями людей. Как бы это ни было прискорбно, но надо признать как факт, что доминирующей социальной тенденцией коммунистического общества и коммунизма в современном мире вообще является тенденция к организации всей жизни больших масс людей как единого органического целого, т.е. со сложной внутренней дифференциацией людей, с закреплением их положения в той или иной клеточке целого и их функций, с распределением людей на различных ступенях социальной иерархии и прочими атрибутами жизни людей как частичек целого. Отсюда естественным образом вытекает несокрушимая тенденция к неравенству и неравноправию, лицемерно скрываемая всеми, но фактически признаваемая самой активной и деловой частью населения. Коммунизм идеологический в свое время заимствовал идеалы равенства и равноправия из идеологии стран Запада. Эти идеалы пришли в вопиющее противоречие с фактической исторической миссией коммунизма как типа общества и как общей тенденцией человечества. Не исключено, что со временем борьба за легализацию идеалов неравенства и неравноправия сыграет свою роль в истории,

возможно – не менее серьезную, чем отживающие свой век идеалы равенства и равноправия.

Государство

Наряду с иерархизацией клеточек коммун имеет место превращение ряда жизненно важных функций клеточек в функции особого рода органов, которые выражают эти функции как функции больших объединений людей и общества в целом, благодаря которым огромное скопление клеточек всякого рода и человеческая масса, в которую они погружены, образуют целостный общественный организм. Совокупность этих органов образует то, что можно назвать государственным аппаратом. Этот аппарат выполняет функции управления, власти и объединения в районах, областях, краях, республиках и в стране в целом. Этот аппарат является сам очень сложным образованием, для описания его требуются толстые обстоятельные книги. Я ограничусь лишь наиболее важными пунктами его структуры и деятельности.

Марксистская теория государства общеизвестна. Согласно этой теории государство возникает с возникновением антагонистических классов. Возникает как орудие господствующих классов держать в узде эксплуатируемые классы. И с уничтожением эксплуататорских классов государство отомрет. Не хочу высказываться на тему о том, как исторически возникало государство. Но с социологической точки зрения марксистская теория роли государства в обществе и его перспектив в «бесклассовом» обществе (имеется в виду общество без помещиков и капиталистов) абсурдна очевидным образом. Это – чисто идеологическое явление, рассчитанное на самый примитивный интеллектуальный уровень широких масс населения. Идеологи ставшего коммунистического общества испытывают явную неловкость с этой частью марксизма. Отсюда – не менее идиотские идеи насчет отмирания государства путем его усиления, насчет вынесения классовой борьбы в сферу международных отношений коммунистических стран с некоммунистическими. Советские идеологи усматривали признаки отмирания государства в «народных дружинах» (которые образуются из сотрудников различных учреждений в помощь милиции), в «товарищеских судах», в административных комиссиях при местных органах власти и других, якобы добровольных организациях, выполняющих весьма второстепенные роли в системе власти в нерабочее время и бесплатно. Однажды я спросил одного такого идеолога, когда можно будет добровольно и безвозмездно рядовым гражданам выполнять функции Генерального секретаря ЦК КПСС. Он сначала слегка растерялся, но потом нашел «выход» из положения: Генсек, – сказал он, – уже не есть явление в сфере государства в марксистском смысле этого слова. Это было еще задолго до того, как Генсек в Советском Союзе стал совмещать и функции главы государства. В одном этот идеолог был прав, не подозревая того: государство в марксистском смысле (т.е. как продукт распада общества на антагонистические классы и орган господствующих классов) слова в Советском Союзе действительно уже не существует. Но, увы, государство здесь все-таки существует. И отомрет оно лишь вместе с гибелью общества в целом.

Государственный аппарат коммунистического общества состоит из стержневого аппарата и целой сети других аппаратов власти, подчиненных стержневому и являющихся его разветвлением и продолжением. Это – не различные формы и аппараты власти, а элементы одного-единственного аппарата власти. В Советском Союзе стержневая часть государственного аппарата называется партийным аппаратом. Она видимым образом связывает себя с партией, рассматривает себя как партийный аппарат, хотя фактическое положение тут несколько иное. Ответвлениями и продолжениями стержневой части государственного аппарата являются советы, министерства, профсоюзы, карательные органы, идеологический аппарат, военные и спортивные учреждения и т.д. Когда критики советского общества различают партийную, хозяйственную и военную власть и усматривают даже конфликты в их взаимоотношениях, то это можно объяснить только полным непониманием структуры и сущности власти в коммунистическом обществе. Здесь на самом деле нет различных форм власти, а есть лишь различные функции единой власти. Здесь, конечно, бывают конфликты, как и во всяком скоплении людей и учреждений. Но они суть не

конфликты форм власти, а явления иного рода. Они не раскалывают общество на враждебные лагеря и редко выражают важные потребности страны. Чаще это – конфликты в борьбе за власть и единоначалие в правящей группе. При этом конфликтующие стороны спекулируют на неких проблемах страны. Во всяком случае, борющиеся группы не представляют в своем конфликте интересы каких-то больших слоев населения, ибо это просто невозможно по чисто пруктурным причинам. Выражения вроде «военные», «хозяйственники», «ученые» и т.п., часто употребляемые в отношении ситуаций в Советском Союзе, просто лишены какого бы то ни было смысла, ибо никаких таких социальных объединение! тут просто нет. В армии, в науке, в промышленности и прочих сферах жизни имеет место описанная выше стандартная социальная структура населения, разбивающая людей на социальные категории таким образом, что ни о каких единых интересах всех представителей данной сферы общества и речи быть не может. У генералов больше общих интересов с академиками и директорами заводов, чем с солдатами. Но и в этом случае они не образуют объединений, отличных от тех, о которых говорилось выше. Разговоры о конфликтах между идеологами и хозяйственниками, политиками и военными означают просто перенос представлений о взаимоотношениях в системе власти в западных странах на явление совсем иного качества – на власть коммунистического общества. Конечно, у всяких форм власти есть общие черты. Но они не в этом заключаются.

Особенность стержневой части государственного аппарата состоит в следующем. Во-первых, она имеет иерархическое строение от самого верха власти до самых малых территориальных единиц – районов. Районный комитет партии является стержневой частью власти в районе, областной – в области, и так до самого верха. Но обратите внимание на то, что на уровне клеточек стержневой властью является уже не партийное бюро или партийный комитет, а дирекция учреждения. Хотя партийное бюро контролирует дирекцию, однако отношение их совсем иного качества, чем отношение районного комитета партии и прочих органов власти: здесь отношение более аналогично отношению различных частей власти на высшем уровне, поскольку здесь уже имеет место скопление большого числа клеточек, обособление ряда их функций в виде функций особых организаций, обособление различных функций власти. Здесь, на уровне районной власти можно заметить тот перелом в партийной структуре, который свидетельствует о качественном различии партийного аппарата власти и партии как множества рядовых членов партии.

Вторая особенность стержневой части государственного аппарата состоит в том, что она в концентрированной форме содержит в себе все важнейшие функции и потенции государственного аппарата вообще, которые в деталях разворачиваются в целую совокупность специальных учреждений в различных ответвлениях государственного аппарата. Отсюда создается иллюзия, будто партийный аппарат дублирует аппарат управления промышленностью, сельским хозяйством, наукой, армией и другими сферами общества. Он дублирует, но так, что в нем крепятся лишь корни и нервы ответвлений, разрастающихся в самостоятельные (до некоторой степени) органы.

Упреки коммунистическому обществу в чрезмерном разрастании государственного аппарата стали общим местом критической литературы о коммунизме. Он, конечно, огромен. Но размеры его в коммунистическом обществе определены социальными законами, по которым происходит кристаллизация населения общества. Есть минимальные размеры, ниже которых упрощение его невозможно просто в силу законов социальной комбинаторики. Верхняя граница более подвижна, что дает возможность разрастаться ему порою сверх меры. Лишь при условии сокращения населения страны и упрощения всей системы хозяйства и культуры, т.е. примитивизации жизни, возможно сокращение и упрощение государственного аппарата ниже минимальной границы. Но хотя тенденция к примитивизации всего строя жизни в коммунистическом обществе и действует, в условиях уже сложившегося государственного аппарата она не способствует упрощению последнего, – еще один пример тех странностей социальных феноменов, о которых я неоднократно говорил выше.

Положение государственного аппарата в обществе двойственно. С одной стороны, он сам состоит из клеточек-коммун, деятельность которых подчиняется общим законам жизни коммун, – в них происходит все то, что происходит и в других коммунах. Имеют место, конечно, некоторые модификации, но они не меняют коммунальную суть жизни и в таких

ячейках. С другой стороны, государственный аппарат есть управляющий орган общества в целом как целостного индивида. И с этой точки зрения его деятельность подобна деятельности управляющих органов индивидов низшего ранга вплоть до человека. Но сложность управляемого тела – общества и особенности поведения того гигантского тела в окружающей среде обуславливают некоторые принципы деятельности государства, которые теперь уже спускаются «сверху вниз», т.е. распространяются и на управляющие органы низших рангов. Это – пример того, что в процессе формирования и существования общества постоянно взаимодействуют две линии воздействия – от клеточек низшего ранга к высшим, и обратно.

Отмечу еще одну важную особенность государственной власти коммунистического общества, – ее «сетчатость». Что я имею в виду? Партийный аппарат власти построен по территориальному принципу, – охватывает районы, города, области, края, республики. Вместе с тем, расположенные на территории района или города (первичных с точки зрения партийной власти единицах территории) коммуны имеют свою систему делового подчинения, входят в ткани и органы общества, лежащие в ином разрезе и выходящие за границы этих территориальных единиц. Упомянутые ткани и органы подчиняются партийным властям на более высоком территориально-иерархическом уровне (вплоть до масштабов страны в целом). Так что получается, многократно переплетенная сеть власти. Образно это можно представить себе так: 1) первый уровень – партийная власть первичной территориальной единицы с ее (власти) сетью щупалец, запущенных в подвластные учреждения и в контролируемые учреждения, подвластные более высокой инстанции через деловое подчинение; 2) второй и более высокие уровни – партийная власть более крупных территориальных единиц с ее щупальцами, которые проникают и в нижестоящую партийную власть, и в подвластные ей учреждения, и в контролируемые учреждения более высокого ранга; 3) уровень страны в целом; 4) плюс к стандартным случаям – случаи особые, чрезвычайные. Так что; если попробовать вытянуть сеть власти из тела общества, то это можно сделать, лишь вырвав из тела куски его мяса и костей, что равносильно гибели общества как живого существа.

Территориальная власть

В Советском Союзе территориальную власть образуют сельские, районные, городские, областные, краевые, республиканские советы и Верховный Совет для всей страны. Но слово «советы» здесь несущественно, ибо сущность и функции этой формы власти в любой коммунистической стране те же самые.

По форме территориальная власть выглядит свободно выбираемой. Но что из себя представляют выборы в этом случае, уже давно стало предметом насмешек. Причем эти насмешки даже превысили меру, ибо выбор тут все-таки происходит: партийные органы на самом деле выбирают подходящих кандидатов в депутаты, выбор которых лишь с точки зрения голосующих граждан является чистой фикцией. Но дело не в этом. Официальные выборы депутатов в советы есть самая несущественная черта территориальной власти. Существенно здесь то, что это суть прежде всего устойчивые организации (коллективы), в которых люди работают на общих основаниях. Они принимаются на работу в эти организации индивидуально. Конечно, они отбираются сюда с пристрастием, – не всякого желающего возьмут сюда. Но отбор подходящих людей производится и в других учреждениях, не входящих в систему власти. Важно, что люди поступают на работу в эти организации и участвуют в системе власти, выполняя рутинные функции, которые часто не имеют ничего общего с властью как таковой. И граждане имеют дело прежде всего и главным образом с этими работниками аппарата власти, а не с выбранными (хотя и фиктивно) депутатами. Большинство с депутатами вообще не сталкивается или сталкивается лишь в исключительных случаях. Роль депутатов вообще фиктивна, – они лишь голосуют за решения, за которые им предлагается голосовать. Руководители этих органов власти формально выбираются как прочие депутаты, но фактически они отбираются на свои посты в партийных органах и работают на этих постах более или менее постоянно. Они делают дальнейшую карьеру или перемещаются на другие посты. Но в этом они ничем не отличаются от руководителей прочих

учреждений.

Территориальная власть во всех ее звеньях находится под контролем партийного аппарата. В Советском Союзе этот факт нашел красноречивое выражение в том, что глава партии стал и главой государства. Но это было связано с конкретно-историческими условиями (поездки, приемы, договоры) и личными амбициями главы партии. В принципе это не обязательно. На более низких уровнях такого объединения функций власти нет. Обязательно лишь то, что руководители территориальной власти отбираются и фактически назначаются партийными органами. И сами они являются членами партийного аппарата власти, – членами бюро районных и областных комитетов партии, членами Центральных комитетов партии. Территориальная власть есть лишь ответвление в общей системе власти, ядром которой является партийный аппарат.

Для рядового гражданина коммунистического общества территориальная власть – это районный совет со всеми его подразделениями, – милиция, детские учреждения, школы, социальное обеспечение, суд, жилищный отдел и т.д. И человек, естественно, так или иначе постоянно соприкасается с ними. Если гражданин не претендует ни на что особенное и ведет стандартный образ жизни, он мало ощущает территориальную власть в качестве таковой. Конечно, и тут есть все то, что характеризует работу коммунистических учреждений (волокита, взятки), но в общем и целом граждане ценой определенных усилий добиваются своих «прав» (того, что им положено по закону) и по крайней мере могут бороться за эти права. Важно здесь то, что по отношению к этой власти граждане выступают как объекты их (властей) деятельности, – они не вступают с ними в коммунальные отношения.

Для активной части населения территориальная власть играет роль менее важную, чем та система власти, в какой она находится через первичный коллектив. Но это не значит, что эта роль несущественна вообще. В принципе мыслима ситуация, в которой рядовой член общества соприкасается с территориальной властью только через свой первичный коллектив или даже в которой территориальная власть поглощается административно-хозяйственной (производственной). Но при этом все равно остаются какие-то функции власти, которые должны будут выполнять какие-то отделы власти деловых коллективов и их объединений. Суть власти от этого не изменится.

Политика

Слово «политика» употребляется в различных смыслах. Политикой называют линию поведения отдельных лиц, групп людей, партий, правительств для достижения каких-то целей. Политикой называют сферу деятельности государственной власти и деятельность людей или организаций, затрагивающую интересы государства. Известно выражение, что политика есть вопрос о власти. Однако не всегда вопрос о власти есть политика. Когда власть хотят взять и пытаются это сделать, вопрос о власти есть вопрос политический. Но если власть взята, то в коммунистическом обществе вопрос о власти перестает быть политическим. К тому же политика не сводится к вопросу о власти. Но определим само понятие политики, чтобы говорить на эту тему более определенно. Дело, конечно, не в словах. Однако на коммунистическое общество переносят терминологию, выработанную в свое время для описания явлений западной цивилизации, в том числе и термин «политика». А такой перенос невольно заставляет и коммунистическое общество видеть в том свете, какой на него бросает чуждый ему понятийный аппарат, что мало способствует его пониманию.

Имеются различные формы отношений между социальными индивидами (отдельными людьми, группами людей, целыми странами). Выше мы уже рассмотрели отношение начальствования и подчинения (субординации) и отношение соподчинения (координации). К ним можно добавить еще отношение насилия и отношение игровое. Об игре здесь речь идет не в смысле развлечения, а как о деле серьезном, в котором одни партнеры что-то теряют, а другие что-то приобретают. В социальной жизни ставками в такой игре могут быть судьбы людей, классов, партий и целых народов. Политические отношения относятся к числу игровых.

В реальной жизни, конечно, различные формы социальных отношений переплетаются,

так что их трудно бывает отделить друг от друга. Отношение начальствования, бывает, включает в себя элемент насилия и игры. Отношение насилия, бывает, включает в себя элемент добровольного подчинения. Но все же в интересах исследования сложных явлений социальной жизни полезно эти отношения различать. Я уже говорил достаточно об упомянутых выше отношениях, кроме игрового. Сделаю теперь по этому поводу некоторые пояснения.

Игровое отношение между коммунальными индивидами возникает в каком-то определенном отношении, в котором они вынуждены вступать в контакт (в частности – образовывать некоторое единство). Но именно в этом отношении между индивидами нет отношения начальствования и подчинения и нет соподчинения, – они до некоторой степени независимы друг от друга, неподконтрольны друг другу, обладают свободой воли и выбора. Их действия по отношению друг к другу здесь не детерминированы законом, обычаем или насилием. Конечно, здесь есть свои правила поведения, свои навыки, свое искусство более выгодного поведения. Но это касается самих процедур поведения в рамках данного отношения. Находящиеся в игровом отношении партнеры стремятся извлечь из него для себя наибольшую выгоду, добиться своих целей. Партнеры не обязательно равносильны. Одни из них могут иметь большие преимущества перед другими, что не устраняет для первых в данных условиях вести игру, а не приказывать и не осуществлять прямое насилие. Не все партнеры могут быть активными в игре. Некоторые могут быть пассивными. Более того, в игровой ситуации один из партнеров вообще может не осознавать себя в качестве игрока, он может быть объектом игры других. Но при этом объективно ситуация остается игровой, раз другие вынуждены с таким партнером вести себя как в игре. Например, после революции в России крестьянские массы были еще неподконтрольны новой власти. Последняя применяла к крестьянам и меры насилия. Но они были недостаточны, а порой – опасны. Потому власть начала с крестьянством своеобразную игру, которая выражалась в выдвигании определенных лозунгов в пропаганде, в каком-то законодательстве, в оперировании промышленными товарами. В результате этой игры власть добилась расслоения крестьянства, привлекла на свою сторону часть из них, подавила недовольство других. И крестьянство пошло по тому пути, который был желателен для власти.

Политические отношения суть частный случай игровых социальных отношений. Их специфическое отличие – они так или иначе связаны с проблемами власти. Участниками политических отношений внутри страны являются: 1) органы власти и группы людей, в какой-то мере независимые от власти, стремящиеся обрести такую независимость или сохранить ее; 2) различные группы людей, находящиеся в политическом отношении с властью и стремящиеся в этом отношении к объединению, разъединению или доминированию, вступающие в этом отношении в конфликты или сговоры. В первом пункте указаны прямые, а во втором – косвенные политические отношения. Участниками политических отношений между странами являются власти различных стран, группы людей различных стран, находящиеся в политическом отношении со своими властями, упомянутые группы людей и власти других стран. Сферу политики образует та деятельность властей и групп людей, которая осуществляется в связи с политическими отношениями. Непременным партнером политических отношений или их целью прямо или косвенно является государственная власть той или иной страны или нескольких стран. Цели политической деятельности внутри страны можно разделить на такие группы. Лица, не находящиеся у власти, стремятся добиться некоторой независимости от власти, сохранить эту независимость, вступать в отношения с властью при условии такой независимости. Далее, они стремятся добиться участия данной группы людей во власти, добиться доминирования в ней или полноты власти. Лица, находящиеся у власти, стремятся не допустить появления независимых групп людей, навязать свою волю независимым от них группам лиц, ликвидировать или хотя бы ограничить их независимость. Первые стремятся завоевать возможность политических отношений и, используя их, уничтожить их. Вторые стремятся не допустить политических отношений, а если они есть – использовать их, чтобы ликвидировать их. Картина оказывается более сложной, если учесть борьбу групп внутри первых и внутри вторых. Существенно во всей этой каше социальных действий то, что политические отношения суть наименее устойчивые из социальных отношений. Они появляются, чтобы исчезнуть. И все цели политической

деятельности сводятся к тому, чтобы они возникли и были ликвидированы. Пока они существуют, идет политическая игра. Идет по правилам, которые общеизвестны и вызывают омерзение порой даже у самих профессиональных политиков.

Если рассмотреть государственную власть коммунистического общества с точки зрения ее внутреннего положения в стране и если рассматривать отношения людей и групп людей в обществе с властью и между собою в аспекте их отношений к власти, то можно констатировать как факт, что государственная власть здесь утратила политический характер, что политические отношения низведены до ничтожной роли в обществе и в принципе исчезли, что здесь сфера политики отмерла в полном соответствии с предсказаниями классиков марксизма. Все это отмерло не в том смысле, что исчезли государство, тюрьмы, карательные органы, – наоборот, они здесь еще больше развились и окрепли, – а в том смысле, что они утратили политический характер в рассмотренном выше узком смысле слова.

Специфические функции коммунистического государства

Коммунистическое государство выполняет различные функции в обществе. Среди них есть функции, общие ему с государствами в других обществах. Это, например, поддержание общественного порядка (борьба с ворами, хулиганами, бандитами), осуществление правосудия, содержание в заключении преступников, внешние отношения страны с другими странами. Но не они образуют сущность и основу государственного аппарата в коммунистическом обществе.

Как я уже говорил выше, в коммунистическом обществе для каждой коммуны строго определены ее положение в стране, ее деловые функции, ее отношения к другим коммунам, ее внутреннее строение, ее доля в производимом продукте общества и в получаемом вознаграждении. И устанавливает все это и контролирует жизнедеятельность коммун с этой точки зрения государственный аппарат. Именно в этом состоит основная и специфическая роль государства в коммунистическом обществе, – в обеспечении всей жизнедеятельности общества как единого организма. Именно на это направлена основная законодательная и контролирующая деятельность государства. Без этого общество будет подобно телу животного без мозга и нервной системы. На этой основе вырастают и другие функции государства, – организация образования и воспитания молодежи, распределения ее по профессиям и местам работы, организация медицинского обслуживания, обеспечение людей в старости, спортивная работа, искусство и т.д. и т.п. Государство в капиталистических странах в некоторой мере уже выполняет такие функции, – это один из элементов коммунизма в некоммунистическом обществе. Но лишь в коммунистическом обществе государство захватывает эти функции полностью в свои руки и выполняет их безраздельно и как главное свое дело.

Планирование

Ядро этой специфической деятельности коммунистического государства образует установление строгих обязанностей управляемых коммун и целых сложных агрегатов из таких коммун и планирование их деятельности. По поводу планирования в коммунистических странах сказано и написано столько, что, кажется, уже и добавить ничего стоящего нельзя. Апологеты превозносят плановый характер коммунистического хозяйства до небес и рассматривают планы как этапы движения к «полному коммунизму». Критики иронизируют, отмечают фиктивный характер планов, невыполнение их, жестокие меры для их выполнения, отмечают элементы плановости в буржуазных странах и элементы хаоса в коммунистических. Но суть планирования упускают из виду как те, так и другие. Верно, что в планах много нелепого, что они во многом фиктивны и служат пропаганде, что они часто не выполняются, что вместо запланированного делается другое. Однако это ничуть не противоречит тому, что планирование есть неотъемлемый атрибут коммунистического общества. Только роль планирования вовсе не сводится к роли инструкции, которой должно следовать общество на пути к светлым идеалам. Планирование есть принудительная форма деятельности государства

по сохранению единства общественного организма. Это – чисто коммунистическое средство ограничения коммунальной стихии. Реальная жизнь общества, несмотря ни на что, тяготеет к планам как к некоторому идеалу или норме. Принуждение коммун к выполнению планов есть единственное средство здесь избежать хаоса и сохранить некоторый порядок.

План, повторяю, определяет статус коммун в обществе в целом, а выполнение плана является показателем деятельности коммуны. Не конкурентоспособность, не чисто экономическая норма прибыли, а именно соотношение плана и фактической деятельности коммуны является здесь решающим. Потому начальство всех уровней и сортов прилагает систематические усилия к тому, чтобы коммуны действовали в рамках плана. С чисто экономической точки зрения коммуна может работать в убыток, но это не ведет к ее ликвидации. Она дает средства существования числу людей, выпускает какую-то положенную ей продукцию, и это оправдывает ее существование. И государство, принуждая коммуны действовать в установленных для нее рамках, гарантирует коммуне средства существования для ее членов, материалы для деятельности, сбыт продукции. Коммуне предоставляется самостоятельность лишь в рамках плана. Всякого рода рационализации, почины, новаторства, движения за перевыполнение плана, за досрочное выполнение плана, за экономию и т.п. суть на самом деле лишь средства удерживать коммуны в рамках общего плана, подгонять их до уровня плана, компенсировать невыполнение плана одними за счет других. И конечно же, все это суть одновременно идеологические средства воздействия на массы людей.

Фактическое положение в обществе не так уж гармонично, как это кажется на бумаге и в пропаганде. На самом деле «гармония» достигается очень дорогой ценой, за счет огромных потерь и нелепостей, лишь как доминирующая тенденция в массе других, толкающих общество к хаосу и неподконтрольности. Причем сама система планирования порождает тенденцию, прямо противоположную той, которую по идее должно укреплять именно планирование. Благодаря последнему судьба по крайней мере огромной части граждан общества и учреждений не зависит от сбыта их продукции. Их задача – лишь бы произвести какую-то продукцию, достаточную для отчетов. Коммуны и их члены изобретают различные средства обмана властей и очковтирательства. Постоянно нарастает фиктивное выполнение планов при одновременном фактическом невыполнении. Плюс к тому – постоянные трудности, в которые вовлекает страну центральное руководство и которые вынуждают пересматривать планы, переключать материальные средства на незапланированные траты. Советский Союз, например, хронически существует в условиях экономических трудностей. И только привычка населения к низкому жизненному уровню и покорность, богатые природные ресурсы и страны-сателлиты выручают государственное руководство от банкротства. Коммунистическое государство, взяв в свои руки управление производственной деятельностью страны и навязывая плановость, одновременно постоянно создает условия нарушения своих же планов и порождает тенденцию к неподконтрольности экономики и к хаосу.

Проблема соотношения централизации и децентрализации управления есть одна из важнейших для существования коммунистической страны достаточно большого размера. Централизованное управление имеет свои огромные дефекты. Оно порождает безынициативность, бесхозяйственность, бессмысленные потери средств, застой в производительности труда и многие другие отрицательные явления, которые хорошо известны и которые позволяют утверждать, что коммунистические страны неспособны догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом (и вообще деловом) отношении. Однако централизованное управление имеет свои преимущества, которые точно так же известны. В частности, лишь при этом условии становятся возможными грандиозные стройки, какие осуществлялись и осуществляются в Советском Союзе. Преимущества для развития военной промышленности и создания армии общепризнаны. Но дело не в соотношении достоинств и недостатков централизации и децентрализации управления. Общественная жизнь не есть поиски некоего академически оптимального варианта. Централизованное управление обществом адекватно социальному типу коммунистического общества и более жизнеспособно здесь. А если оно рождает зло, так это еще не дает оснований управляющим органам отказаться от какой-то части своих прерогатив. Они имеют силу удержать их за собою. Тем более мера добра, привносимого

децентрализацией, сомнительна. Она заметна в малых масштабах. Но в масштабах общества в целом она может привести к еще большим трудностям, чем те, которые возникают без нее. И кстати сказать, эксперименты в этом духе предпринимались в Советском Союзе, но безуспешно.

Личная и номинальная власть

Всякий руководитель, заняв пост, стремится создать аппарат личной власти. Для этого он устраняет одних лиц и устраивает на их место других, лично ему знакомых или лично преданных, как ему кажется, и переманивает на свою сторону остальных. Тех, кто остается вне сферы его «обаяния» или в оппозиции, он стремится изолировать, нейтрализовать, дискредитировать. И это вполне естественно, так как руководящий орган должен образовывать нечто единое на основе личных контактов его членов. В среднем тот аппарат личной власти, который создает руководитель, бывает ничуть не хуже того аппарата власти, какой мог сложиться по неким «справедливым» законам, – нет законов справедливее тех, которые действуют реально вопреки всяким желанием их избежать. Этот аппарат имеет то преимущество, что он ближе к идеалу единства, чем номинальный (или официальный) аппарат. Причем обычно требуется устранить несколько человек и устроить на их место своих людей, как естественно начинает складываться обстановка в руководстве, какая требуется руководителю. Немедленно находят новые холуи, которые охотно предают своего прежнего начальника.

Аппарат личной власти не совпадает целиком и полностью с номинальным.

Некоторые лица, занимающие важные позиции, не включаются в него. Некоторые лица, занимающие формально второстепенные позиции, начинают играть более важную роль. Руководитель окружает себя целой системой холуев и подхалимов, осведомителей, интриганов, людей для личных услуг, которые совместно со сторонниками руководителя, занимающими официальные посты, образуют правящую мафию. Так происходит на всех уровнях власти, начиная с первичных коммун. И даже в рамках первичных коммун их более или менее крупные подразделения тяготеют к этому образцу.

Иногда аппарат личной власти забирает такую непомерную силу, что перестает считаться с нормами номинальной власти. Воцаряется господство мафии по коммунальным законам мафии, почти не ограниченным формальным законам. При Сталине такая система охватила страну в целом, целые республики, области, края, районы, учреждения. Преодоление этой крайности и заключение аппарата личной власти в терпимые рамки порой требует больших усилий и времени. Но в общем и целом это есть нормальное явление для системы власти коммунистического общества. Значительная масса людей много выигрывает от такой системы, поддерживает ее в деле властвования над остальными.

Сложилась и передается от поколения к поколению определенная техника создания аппарата личной власти. Впрочем, даже самые заурядные руководители очень скоро сами постигают все ее премудрости и начинают вести себя как прирожденные интриганы и политики. Случаи, когда новый руководитель терпит фиаско, очень редки. Вышестоящие власти и люди, причастные так или иначе к власти, стремятся к стабильности и к скорейшей адаптации нового руководства к среде и среды к новому руководству.

Большая часть деятельности аппарата личной власти, т.е. фактического аппарата власти, происходит в форме личных общений, устных распоряжений, просьб, намеков и других средств, которые почти не отражаются в официальных документах функционирования власти. Официальные же документы составляются так, что только люди с опытом власти и специалисты способны «прочитать» скрытую за ними фактическую подоплеку. Потому секретность действия властей, которую отмечают многие наблюдатели, есть их естественное свойство, проявляющееся начиная с самых низших уровней без всяких злых умыслов и темных намерений. На определенных ступенях власти и для определенных целей это свойство используется сознательно и в огромных масштабах. Но возможность для этого вырастает из самих основ власти.

По указанным причинам в данной группе людей, осуществляющих фактическую власть,

требуется личное доверие, надежность сообщников, взаимная выручка, круговая порука. Это не исключает действия законов коммунальности в этой среде, но здесь они ограничены особыми условиями правящей мафии. Разумеется, абсолютной гармонии и тут нет. И тут есть свои предатели (фактические и потенциальные), доносители, дезорганизаторы, действующие во вред мафии. Это – одно из средств ограничения мафии и контроля за нею со стороны высших властей и окружения.

Единоначалие и коллегиальность

Уже на уровне коммун имеют место две тенденции в руководстве – к единоначалию и к коллегиальности. Первая тенденция выражает естественную необходимость единства руководящего органа. Подобно тому, как у отдельного человека раздвоение сознания есть болезнь, так и в более сложных индивидах раздвоение руководства есть явление болезненное. Оно плохо сказывается на всей жизни коммуны или по крайней мере на ее наиболее активной части. Общество не поощряет такие явления и стремится преодолеть их. Вторая тенденция выражает естественную необходимость различных подразделений коммуны иметь свое представительство в руководстве и влиять на деятельность последнего с точки зрения интересов этих подразделений.

Единоначалие представлено руководителем руководящего органа, т.е. особой социальной группы в составе коммуны. Руководителем же коммуны является эта руководящая группа в целом, а не непосредственно руководитель группы. Когда руководителя руководящего органа считают руководителем всей коммуны, то тем самым преувеличивают его роль, что является элементом платы за его социальную позицию. Кроме того, прочие члены руководящего органа суть члены коммуны, которые в восприятии людей, в рутинной работе и обычной жизни выглядят как элементы общей массы, противостоящей руководителю всей коммуны. Во внешних отношениях коммуны ее представляет главным образом руководитель ее руководящего органа.

Точно такая же картина имеет место для более крупных объединений вплоть до страны в целом. Потому со стороны кажется, например, что всем Советским Союзом управлял Сталин, потом – Хрущев и Брежнев. Эта видимость ложная. Роль этих и других подобных им руководителей коммунистических стран на самом деле не столь велика, как кажется извне, да и изнутри, если игнорировать управленческий аппарат, осуществляющий фактическое руководство страной. Руководитель страны вообще может быть полным ничтожеством и невменяемым существом, а впечатление может создаваться такое, будто он – неограниченный единоличный диктатор. Видимость эта обычно сильно подкрепляется тем, что создается аппарат личной власти, не совпадающий с аппаратом номинальной власти, а особенно тем, что создается культ руководителя. Этот культ принимает порой грандиозные размеры, как это имело место в отношении Сталина, Мао Цзе-дуна, Ким Ир Сена, Тито, Брежнева и других. Сами руководители принимают обычно все возможные меры, чтобы преувеличить свою роль и преуменьшить роль других, так чтобы выглядеть сверхличностью. В коммунистическом обществе личное тщеславие руководителей совпадает с объективной структурой власти и желаниями масс людей, занятых в системе власти. Более того, это тщеславие поощряется всем окружением руководителя, извлекаящим из этого для себя немалую пользу. Руководитель фактически становится лишь символом и фокусом правящей мафии. Он может действительно приобрести огромную личную власть над судьбами отдельных людей, что точно так же усиливает иллюзию, будто он является полномочным руководителем всей жизни страны. На самом деле это – грандиозный обман и самообман. Даже Сталин не был в реальности тем, как его до сих пор изображают историки, писатели, политики. Такие, например, процессы в жизни страны, как индустриализация и коллективизация, не были выдуманы им и навязаны обществу. Даже массовые репрессии были результатом самодеятельности большого числа людей, а не только личной выдумки и инициативой Сталина. Коллегиальность руководства в коммунистическом обществе есть не функция пропаганды, а реальный факт. Я уже отметил ее источник. Она выполняет разнообразные функции кроме этого. Прежде всего хочу заметить, что коллегиальность не есть просто участие в руководящем органе. Это – такое участие, когда

от членов руководящего органа зависит принятие решений. Примеры этого – члены дирекции в исследовательских учреждениях, члены Ученых Советов, члены бюро районных и областных комитетов партии, члены Политбюро ЦК. Основные функции таких органов – ограничить фактический произвол единоначалия, дать законное оправдание деятельности единоначалия и, вместе с тем, снять с единоначалия личную ответственность за важные решения. Коллегиальность руководства есть лишь средства самосохранения и самоконтроля единоначалия. Это – орган единоначалия. И когда руководители, придя к власти, принимают меры к тому, чтобы насадить везде своих людей и окружить себя послушными людьми, то они тем самым лишь утверждают естественный принцип единоначалия, создавая адекватную данному единоначалию коллегиальность. Это типичный безграмотный вздор, будто коллегиальность есть лишь элемент единоначалия, представленного особым аппаратом личной власти. В паре «единоначалие и коллегиальность» вторая не есть даже равноправный партнер. Иллюзия, будто возможно некое постоянное коллегиальное руководство, создается за счет того, что при смене руководителя новый руководитель еще не вошел в курс дела, еще не создал свой личный аппарат, еще не насадил повсюду своих людей, еще считается с выдвинувшими его соратниками, еще заигрывает с ними. Когда этот переходный период кончается, то его соратникам это сначала представляется нарушением неких хороших норм (каких на самом деле нет). Но скоро ситуация стабилизируется, и они занимают естественное для них место в реальной коллегиальности руководства. И надо признать, что они фактически большей частью функционируют так, как это и положено в соответствии с идеалами власти, – это имеет место в отношении рутинной деятельности руководящего органа. Границы коллегиальности обнаруживают себя лишь в исключительных случаях, когда речь идет об особо важных решениях или о личной судьбе единоначальника.

Формальная деятельность власти

Формальная деятельность власти в коммунистическом обществе являет собою картину сложную (если не сказать запутанную) и противоречивую. Тут прекрасно уживаются, казалось бы, совершенно несовместимые стили поведения, из которых я здесь выделю два главные: рутинно-бюрократический и волюнтаристский. В отношении второго было бы уместно выражение «творчески-волевой», если бы со словом «творческий» не ассоциировали обязательно что-то положительное. В первом случае речь идет о повседневной деятельности аппарата власти, в которой поведение людей предопределено законами, инструкциями, традициями и навыками. Лично от людей тут мало что зависит, если не принимать во внимание никогда и нигде не прекращающуюся борьбу по правилам коммунальности. Если, например, вам потребовалась самая невинная справка в самой захудалой конторе и вас заставили приходить за ней несколько раз, ждать часами (хотя начальник в это время дремал в пустом кабинете) и унижаться («Ходят тут всякие!»), то это есть привычная ситуация для гражданина коммунистического общества и непереносимый элемент рутинной работы власти. Если вам пришлось дать взятку или писать жалобу, это тоже в порядке вещей. С точки зрения функционирования власти это – заурядная рутина. Конечно, и в этом аспекте бывают неожиданные и из ряда вон выходящие события, когда начальству приходится «шевелить мозгами» и принимать нестандартные решения. Но они бывают в порядке исключения и касаются дел сравнительно незначительных. Начальство сравнительно легко находит какое-то решение. Не обязательно положительное. Не обязательно хорошее. Важно, чтобы какое-то решение состоялось. Главный принцип начальства здесь – по возможности не вредить самому себе, если уж нельзя извлечь выгоду, минимум риска для себя, если уж совсем нельзя избежать такового. Во втором случае речь идет о делах, не предусмотренных инструкциями, об экстраординарных событиях, об очень важных событиях, возлагающих на власть большую ответственность за поведение по отношению к ним. Здесь требуется некоторое интеллектуальное и волевое усилие, здесь есть риск неприятных и даже катастрофических в каком-то отношении последствий своих решений.

В сталинские времена в Советском Союзе преобладал волюнтаристский тип руководства, поскольку новое общество только что формировалось, и даже проблема получения ордера на

табуретку или на штаны требовала волевого творческого подхода. В это время стремительно складывался и рутинный тип руководства, перенявший богатый опыт Российской Империи по этой части. В настоящее время в Советском Союзе преобладает рутинный тип руководства. Но даже в самые мирные и благополучные годы здесь постоянно возникают чрезвычайные ситуации, дающие постоянную пищу для волюнтаризма власти. Есть все основания рассматривать такие чрезвычайные ситуации как постоянный спутник коммунистического общества, – возникновение трудностей и преодоление их есть здесь норма повседневной жизни. Для начальства это в высшей степени удобно. За счет трудностей можно списать все дефекты своего руководства, без конца откладывать наступление обещанного коммунистического изобилия, подавлять оппозиционные настроения. И с точки зрения поведения представителей властей волюнтаристский стиль поведения имеет свои большие достоинства, вводящие бесчисленных руководителей в искушение повторять золотые (с точки зрения буйства власти) сталинские годы.

Ситуация решения

Ситуация решения, в которой руководитель оказывается по роду своей работы, есть сложное явление. Она включает в себя содержание проблемы, мотивы ее постановки, способы принятия и исполнения решения, материал решения (на что оно направлено), получение информации, ее оценку, обдумывание решения и его последствий, волевой акт. Все это может быть воплощено в одном лице, в группе лиц, в сложном учреждении, в системе учреждений. Эта ситуация не есть некая академическая задача, в которой человек может быть заменен машиной. Это – реальная жизнь людей со всеми ее атрибутами, и люди никогда не уступят ее машинам. Эта жизнь для них более реальна, чем все другие виды деятельности. Они используют машины, но лишь в качестве своих подсобных средств, а не в качестве заместителей. Реальная жизнь здесь дает о себе знать особенно остро в случаях, когда в ситуации решения принимает участие группа лиц, – явление для коммунистической системы наиболее характерное. В этих случаях информацию поставляют одни люди, которые могут ее преподнести так, что она может существенно повлиять на решение в направлении, желаемом для какой-то категории людей. Эксперты и советники – другие люди. А они не боги, а люди. Причем люди, дорожащие своим положением, боящиеся риска или вовлеченные в какие-то интриги. Принимают решение третьи люди, а в исполнение приводят четвертые, которые истолковывают решения по-своему. Среди решателей могут иметь место сложные отношения вплоть до конфликтов. Каждый участник ситуации решения стремится избежать риска и что-то выгадать для себя. Свой корректив в намерения решателей и исполнителей вносят те, на кого направлено решение. Короче говоря, тут завязывается узел сложных взаимоотношений, который может быть разрублен мечом волевого решения или распутан по правилам для ситуаций такого рода. Эти правила хорошо известны участникам ситуации. Часть из них суть общие правила коммунального поведения, часть специфически связана с ситуацией решения. Часть правил передается из поколения в поколение как совокупность неписаных правил профессии, часть же закрепляется в системе инструкций. Имеются свои правила и для волюнтаристской формы решений.

Инструкции

Подавляющее большинство действий властей совершается в соответствии с инструкциями, разработанными до мельчайших подробностей на все случаи жизни. Просто поразительно, с какой быстротой и педантичностью была решена проблема выработки таких инструкций в Советском Союзе. Инструкции до предела упрощают интеллектуальную деятельность представителей власти и снимают с них персональную ответственность за последствия их действий. Но человек, повторяю, при этом не может быть заменен вычислительной машиной. Во-первых, сами инструкции составлены так, что представители власти имеют значительную свободу для принятия решений. Во-вторых, от представителей власти зависит способ использования инструкций применительно к конкретным лицам и

обстоятельствам. В соответствии с одной и той же инструкцией чиновник может затянуть решение какой-то проблемы и сорвать его или ускорить решение и сделать его положительным.

Аппарат инструкций не является специфически коммунистическим инструментом власти. Здесь он лишь развивается до чудовищных размеров и становится очень гибким с точки зрения интересов представителей власти и власти в целом. Кроме того, здесь инструкции могут легко отменяться и заменяться другими в зависимости от высших соображений. Грандиозная система текущих устных и письменных распоряжений делает всю систему инструкций довольно неопределенной, так что случаи вопиющего несоблюдения властями своих же инструкций становятся столь же обычным делом, как и их педантичное соблюдение.

Установки

Аппарат инструкций дополняется специфически коммунистическим инструментом власти – аппаратом установок. Установка есть особого рода решение органа власти, обязывающее нижестоящие органы власти и вообще определенный круг подчиненных совершать определенное множество действий с ориентацией, задаваемой этой установкой. Это – ориентировочное решение. В нем не указываются конкретные меры, которые обязаны принимать подчиненные. Им рекомендуется определенная ориентация в любых конкретных мерах, касающаяся данной сферы деятельности. Исполнителям здесь самим предоставляется возможность решать, какие действия будут удовлетворять установке и какие нет. Исполнители имеют установку относительно молодежи, о которой говорилось выше, – улучшить подготовку молодежи к труду в сфере материального производства. В какой бы словесной формулировке она ни принималась, огромному аппарату всякого рода чиновников ясен ее смысл: любыми средствами удерживать молодежь в деревнях, а городскую молодежь, не имеющую привилегий и связей, принуждать к работе, на которую она добровольно идет весьма неохотно. Эта установка реализуется в бесчисленных действиях властей, каждое из которых по отдельности вроде бы заурядно, а все вместе они выражают серьезную социальную линию руководства. Такого рода установки постоянно спускаются «сверху» во всех важнейших сферах жизни общества. Ими наполнена вся официальная пресса (газеты и журналы), радио и телевидение. То, что постороннему наблюдателю кажется бессмыслицей или пропагандой, на самом деле выражает на особом языке, понятном всем причастным к власти, текущие установки высших властей. Кроме того, многие важные установки распространяются негласно, путем секретных письменных и устных указаний. В сочетании со стандартным опытом руководителей и инструкциями эта система установок обеспечивает однообразное и согласованное поведение всех звеньев и представителей власти.

Установка может быть в случае надобности легко отменена или заменена другою. И аппарат власти быстро среагирует на эту перемену. Установка оставляет возможности для ее исполнителей обходить ее, изображая свои действия соответствующими ей. Точно так же и отмена установки оставляет исполнителям возможность в какой-то мере продолжать прежнюю линию. Так что появление установки и ее перемена не нарушают законов плавности общественных процессов. Установка позволяет исполнителям действовать с учетом конкретных условий своей сферы деятельности. Конечно, в массе действий исполнителей установки обычными являются «ошибки», «просчеты» и т.п. Но они обычно не имеют катастрофических последствий и постепенно сглаживаются ходом жизни. Высшие власти снимают с себя ответственность за плохие последствия проведения в жизнь установки, так как их всегда можно представить как дефекты исполнения, а не самой установки. Последняя всегда формулируется как намерение улучшить положение в данной сфере общественной жизни.

Сила установки состоит в том, что она не предполагает никакого серьезного научного предвидения и расчета. Она исходит изнутри решающего органа. Это – внутренняя установка общественного организма на любую возможную ситуацию, в которой он может оказаться. Она априорна по отношению к происходящим событиям. Она вырабатывается

лишь с учетом некоторой общей стратегии поведения. Для советского руководства такой

общей стратегией поведения является государственная идеология (марксизм-ленинизм). И как бы иронически и скептически к этому ни относились критики коммунизма, советологи и западные политики, марксистская идеология, переработанная в государственную идеологию советского общества, вполне достаточна, чтобы продуцировать определенную систему априорных установок. Конечно, для этого требуется какая-то информация извне, ее обработка и оценка, рекомендации. Но доминирует при этом априорно-установочный аспект. И он имеет для власти неоспоримые преимущества. Он исключает ошибки и просчеты, ибо понятие ошибки здесь вообще не применимо. Установка выражает цель, желание, волю добиться желаемого любой ценой. Здесь применимо понятие успеха. А при достаточно устойчивом проведении установки какой-то успех так или иначе получается. Это особенно удобно в сложных ситуациях, когда невозможно научно предвидеть будущее. В этих случаях установка оправдывает деятельность властей, дает ей какую-то ориентацию и уверенность. А власти имеют возможность любые благоприятные последствия своих слепых действий истолковать пост-фактум как реализацию некоего разумного замысла и так или иначе использовать любые последствия в своих интересах.

Некоторые установки властей действуют длительное время и образуют «генеральную линию партии» на данном этапе жизни общества. Такой, например, была и до сих пор остается в Советском Союзе установка на индустриализацию и милитаризацию страны. Другие установки имеют характер кратковременных кампаний. В Советском Союзе такие установки суть привычная форма жизни. Не всякая социальная система, страна или группа стран, обладает способностью порождать целевую установку как особую организующую форму поведения и следовать ей достаточно долго. Коммунистическая социальная система не только способна к такому поведению, она не способна существовать длительное время без него. Если коммунистическая система теряет целевую установку, она приходит в состояние растерянности. Если это продолжается достаточно долго, система начинает деградировать и может даже распасться. Целевая установка здесь есть объективный элемент организации общества. Кратковременные установки здесь могут быть случайными, авантюрными и бесперспективными (вспомните, например, «кукурузную» установку хрущевских времен). Но длительные (генеральные) установки тут являются делом серьезным. Они вытекают из объективных тенденций общества и проводятся в жизнь сложной системой лиц и учреждений, а в особо важных случаях – всей организацией жизни общества. В таких случаях установки приобретают силу общественной инерции. Лишь чрезвычайные препятствия при этом способны остановить движение общества в направлении, задаваемом установкой, и отменить или ослабить последнюю.

В принципе можно выяснить систему установок, действующих постоянно и действующих в данное время, и исходя из них предсказывать довольно убедительно возможные акции советского руководства. Вторжение советских войск в Афганистан, например, можно было предсказать, принимая во внимание внешнеполитические установки Советского Союза и имея представление о положении в Афганистане. И хотя задача эта была примитивной, советская интервенция застала Запад врасплох. И одна из причин этого – неспособность рассматривать поведение советского руководства в адекватной ему системе понятий, в том числе – неспособность понять целевую установку как неотъемлемую форму поведения коммунистической власти.

Ошибочно рассматривать целевую установку по аналогии с целями, которые ставят перед собою отдельные люди или группы людей, договаривающиеся относительно единства и согласованности действий. Хотя установки вырабатываются отдельными людьми, хотя отдельные люди добиваются принятия их как руководства к действию, тут действует социальный механизм, согласно которому отдельные люди волею обстоятельств избираются в качестве представителей и выразителей установки как принудительной для них силы общественного целого. Дело случая, почему выбор падает на таких-то людей. Но не есть дело случая то, что какие-то люди будут так или иначе вытолкнуты на роль представителей и выразителей установки. Общественные проблемы, порождающие установки, бывают обычно настолько очевидными с точки зрения их обнаружения, что даже люди с самым примитивным интеллектом способны их увидеть. Во всяком случае, интеллект руководителей для этого более чем достаточен.

Согласование

При всех вариантах поведения властей в случаях достаточно важных (что определяется в каждом конкретном случае на основе опыта) действует принцип согласования решения властей с вышестоящими органами, а в случае отсутствия таковых (на высшем уровне) – согласования решений среди различных отделов власти, как-то причастных к данной проблеме. Суть согласования состоит не в нахождении некоего наилучшего (с точки зрения абстрактного хода дела) варианта, а в решении проблем взаимоотношений между людьми в системе власти в данной ситуации. Интересы дела, конечно, играют роль, и отвергать их вообще было бы ошибочно. Но дело здесь образует лишь условие, в котором люди должны решить свои социальные проблемы, – сохранить или усилить свои социальные позиции, избежать опасности, повредить соратникам и т.п. Потому это согласование часто бывает довольно длительной и болезненной процедурой. Суть его особенно отчетливо обнаруживается при отборе подходящих кандидатов на ответственные посты. В ЦК КПСС, например, в течение многих лет не было заведующих некоторыми отделами, и их функции исполняли заместители. Часто годами подбираются директора учреждений, хотя претендентов, способных выполнять эту функцию, сколько угодно. Дело в том, что в таких случаях перекрещиваются интересы многих важных лиц и организаций, которые не могут прийти к устраивающему всех соглашению. Проблемы согласования решений на высших уровнях суть обычное дело и достигают порой таких острых форм, что волюнтаристские сталинские методы начинают казаться благом. Даже в экстренно-важных случаях процедура согласования затягивает принятие решений на большие сроки, так что решения теряют смысл, или вообще срывает их. Потому не случайны в такой, казалось бы, осторожной системе власти, как советская, импульсивные акции, производящие впечатление нелепости и личного произвола. Это суть случаи волюнтаристского прорыва безнадежно затягивающихся процедур согласования. Авантюристичность действий властей уживается здесь со степенно-установочной формой поведения и с унылой бюрократической рутинной.

Система секретности и дезинформации

Система секретности есть одно из существенных свойств коммунистической власти. Она пронизывает всю жизнь общества. Закрытые учреждения, собрания, распоряжения, советы, совещания... Подписки о неразглашении, пропуска, допуски... Функции секретности довольно прозрачны. Прежде всего скрыть от чужих и от своих, что происходит, ограничить до минимума сферу информированности индивидов. Плохо информированным индивидом легче манипулировать, управлять. Секретность, далее, делает менее уязвимой демагогию, дезинформацию, пропагандистское вранье. Она придает больше значительности властям в глазах неинформированной массы. Тайные решения сильнее действуют на массы (слухи о них все равно так или иначе распускаются, часто – специально). В условиях закрытости, секретности, ограниченности, пропусков удобно привлекать к ответственности людей за «разглашение государственной тайны», «клевету», «сбор сведений». Люди живут в атмосфере такой угрозы, что действует сильнее, чем сами акции такого рода, ибо они быстро обнаруживают свою нелепость и нелепость всей системы секретности.

Система секретности дополняется системой дезинформации, которая доводится до такого совершенства, что даже сами ее творцы перестают понимать, где правда, где ложь. Интересно здесь то, что тут действует не столько преднамеренный обман, сколько невозможность знать правду в силу социальных условий функционирования информации и состояния того, к чему относится информация. Кроме того, вырабатывается такой стандартный взгляд на происходящее, такая ориентация внимания, такая система оценок, такой язык, что дезинформация и обман (включая самообман) получаются как неизбежное следствие даже в случае стремления к правде. Тут врут даже в пользу врага и во вред себе. В моих упомянутых выше книгах эта проблема рассмотрена довольно подробно.

Бюрократизм

Бюрократизм это не обязательно зло, а отсутствие его – не обязательно добро. Аппарат управления и власти сам по себе еще не есть бюрократический аппарат. Люди и организации, входящие в него, разделяются на две группы: одни из них имеют дело непосредственно с людьми, а другие – с «бумагами», т.е. с законами, постановлениями, инструкциями, справками, отчетами, указаниями. Директор завода или института, начальник цеха, командир дивизии, секретарь райкома партии бюрократами не являются, хотя они – чиновники аппарата власти и управления. Бюрократический аппарат в собственном смысле слова образуют люди и организации, относящиеся ко второй из только что названных мною групп. И вопрос надо ставить так: какое место в системе власти и управления коммунистического общества занимает этот бюрократический аппарат? Обычно со словом «бюрократия» («бюрократизм») ассоциируют некую бумажную волокиту, причем самодовлеющую, игнорирующую живых людей, которым она по идее должна служить. Бюрократия в этом смысле слова постоянно служила предметом насмешек писателей, артистов, газетчиков и даже политиков. Однако бюрократия есть необходимый элемент нормальной жизни достаточно развитого общества. Игнорировать интересы живых людей можно и без бюрократии. В Советском Союзе, например, в свое время миллионы людей без всякой бюрократической волокиты подвергались бесчеловечным притеснениям. Бюрократия не характеризует коммунистическое общество специфически, не она здесь главное действующее лицо. Главную роль в системе власти и управления здесь играют лица и органы первой группы. Они действуют согласно коммунальным принципам и принципам своей профессии, о которых говорилось выше. Потому всякого рода инструкции и регламентирующие документы здесь обычно не соблюдаются или соблюдаются в том виде, как это отвечает той или иной действующей в данной момент установке. Коммунистическое общество есть неправовое общество. Его природе более соответствует волюнтаристская (а не формально-правовая) система власти и управления и адекватная ей форма реализации – установка. Бюрократия же есть скорее социальная форма, более соответствующая обществам типа западных демократий. Хотя она и несет с собою целый ряд отрицательных явлений, ненавистных многим членам общества, она все же есть признак общества правового. Коммунистическую систему нельзя считать бюрократической, хотя бюрократический аппарат в ней огромен. То, что называют бюрократической волокитой и формализмом («бюрократизм»), в коммунистическом обществе развито очень сильно, но проистекает это не от бюрократического аппарата, а от общей системы власти и организации управления обществом, в которых отсутствует личная заинтересованность в скорейшем и наилучшем решении проблем и присутствует личное стремление избежать риска и ответственности.

Коммунистическая адаптивность

Отмечу еще одно качество коммунистической власти – ее необычайную приспособительность к обстоятельствам. Эта приспособительность особого рода. Она заключается не в способности быстро менять линию поведения применительно к обстоятельствам, а в способности истолковывать и использовать любые последствия своего прямолинейного установочного движения в своих интересах. Она переосмысливает последствия своей деятельности так, что они начинают казаться реализацией заранее задуманного плана, акцентирует внимание на том, что выгодно ей и может быть истолковано как успех. Причем это не остается только в области слов, мыслей, пропаганды. Сама деятельность власти акцентируется в этом духе, так что людям навязывается определенный ход жизни. И это закономерно, ибо власти принадлежит инициатива в социальной активности. Общество, руководимое такой властью, подобно одинокому путнику, который любое свое продвижение может воспринимать как правильное, поскольку оно есть какое-то продвижение. Для такой власти важен лишь сам факт руководства, хотя она и делает вид, что ведет общество к некоему «полному коммунизму». Фиктивность «конечной» цели здесь не случайна. Для власти важно лишь уцелеть в качестве власти и сыграть роль. И потому она

приспосабливается к обстоятельствам, приспособлявая их к себе, а не наоборот. Потому она не ждет милостей ни от природы, ни от общества, ни от человека. Она есть венец творения и центр мироздания, а все остальное должно приспособиться к ней, подчиниться ее воле. Это качество коммунистического общества наряду с другими (в том числе – со стремлением проникать во все места пространства) позволяет рассматривать его как злокачественную ткань на теле цивилизации. Коммунизм растекается, движется по линии наименьшего сопротивления. Для него абсолютно все, происходящее с ним, есть его успех. Он не знает ошибок и поражений. Идеология этого общества оправдывает любое поведение его руководства. Угрызения совести здесь не мучают никого, ибо такого явления, как совесть, и других элементов нравственности вообще нет в его природе.

Карательные органы

Функции карательных органов кажутся очевидными. О действиях их в коммунистических странах есть огромная литература, и я не хочу здесь повторяться. Хочу отметить лишь то, что в описании их имеет место сильное преувеличение и искажение их социального статуса. Это объяснимо. Жертвы имеют дело непосредственно с ними и переносят на них всю свою ненависть, подобно тому как солдаты все тяготы армейской жизни ассоциируют с сержантами и старшинами, а не с офицерами и генералами. Сами карательные органы заинтересованы в том, чтобы раздуть свою важность. Фактические власти общества, исполнительным орудием которых являются эти органы, тоже заинтересованы в раздувании важности их по известным причинам: снять вину с себя за «грязную работу» и переложить на другого, внушать страх населению.

Карательные органы суть лишь отчужденная и обобщенная в масштабах общества карающая функция и сила коммун. Не карательные органы вынуждают граждан к определенной форме поведения, но именно коммунальные отношения порождают карательные органы и придают им силу, которая затем кажется некоей мистической и злобной силой, исходящей откуда-то «сверху». Зло карательных органов есть лишь квинтэссенция добра, источника самими гражданами общества.

Право

Коммунистическое общество есть общество неправовое. Это не значит, что тут царствует произвол и беззаконие, что тут вообще отсутствуют какие бы то ни было нормы, регулирующие поведение людей. Здесь таких норм может быть больше, чем в других обществах, – это общество есть общество нормативное. Здесь есть свой порядок, своя законность. Но не всякая нормативность (законность) есть признак правового общества. Правовые нормы суть лишь частный случай норм. Нормы вообще суть разрешения, запрещения и обязывания что-либо делать или не делать и их-отрицания. А осуществлять все это можно и в неправовых формах.

Правовое общество характеризуется наличием правового кодекса (совокупности правовых норм), который охватывает все существенно важные сферы жизни общества. Этот кодекс существует не только на бумаге, а практически действует. Это означает, что граждане строят свою жизнь в рамках этого кодекса и заранее учитывают его в своих действиях, хранят этот кодекс и защищают при попытках его нарушений. Имеются специальные учреждения и лица, осуществляющие технику его исполнения и следящие за его соблюдением. Общество заинтересовано в этом кодексе и имеет силы в той или иной мере ему ледовать. Общество может иметь прекрасный правовой кодекс на бумаге, но не иметь желания и сил соблюдать его фактически. И такое общество правовым не является. Неправовое общество это не обязательно общество, в котором нарушаются правовые нормы. Это может быть общество, в котором просто нет условий для их функционирования, – они тут лишены смысла. Например, если в обществе нет капиталистов, то здесь лишены смысла законы, регулирующие отношения капиталистов и наемных рабочих. Эти законы тут не нарушаются. Они тут просто лишены смысла. Нечто подобное имеет место для правового кодекса вообще, каким бы он ни

был, в коммунистическом обществе. Но договоримся, что мы будем иметь в виду, говоря о правовых нормах.

Термин «право» неоднозначен. Правом часто называют любые законы общества (например, законодательное принуждение у труду в коммунистическом обществе считается правовой нормой) и даже обычай («право первой ночи», например). Я здесь называю правом лишь такую совокупность закрепленных в виде законов норм поведения и такой способ их применения, которые удовлетворяют следующим условиям. Право всеобще и не знает исключений. Закон, разрешающий кому-то нарушать какие-то законы, нормой права не является. Право не знает привилегий, перед ним все граждане равны. Для права безразлично, кто является его объектом, – отдельный человек, группа людей, представители власти, органы власти. Право как таковое не отдает предпочтения никому из них. Право не допускает никаких кривотолков и разнообразий истолкований. Оно буквально. Право не допускает никаких оговорок. Если даже соблюдение права наносит ущерб обществу, это не есть основание для отказа от него или для несоблюдения его норм. Органы правосудия независимы от власти, – они в некотором роде стоят над обществом. Есть и другие признаки права. Но я ограничусь сказанным. Конечно, в реальности абсолютного соблюдения принципов права нет нигде и никогда. Но в правовом обществе по крайней мере есть ощутимая тенденция следовать им, есть возможность бороться за их соблюдение.

Как обстоит дело с основными принципами права в коммунистическом обществе? Принцип, согласно которому интересы коллектива выше личности, является очевидным образом неправовым, каким бы хорошим он ни казался тем или иным людям. Представители власти лишь в исключительных случаях предаются суду за свои преступные действия и имеют преимущества перед простыми смертными. К лицам различных категорий применяются различные критерии. Одно и то же преступление расценивается различно в зависимости от того, кто его совершил. Представители привилегированных слоев имеют возможность уклоняться от действия законов, обязательных для непривилегированных слоев (например, детей высших чиновников фактически не касается закон о всеобщей воинской повинности, о необходимости трудового стажа при поступлении в институты). Законы допускают различное толкование. Законы обставлены системой дополнительных инструкций и разъяснений, благодаря которым их применение становится делом произвола судей. В огромном числе случаев власти дают санкцию на предание или непредание суду провинившихся, причем заранее предписывают судам меру наказания. Сами формальные процедуры судопроизводства обставлены так, что принципы права могут безнаказанно нарушаться в любом звене. Короче говоря, трудно назвать элемент правовой практики, который не нарушался бы в коммунистической системе. И что самое главное, в стране просто нет серьезных сил, которые заинтересованы в создании действительно правовой обстановки.

Нельзя сказать, что человек в коммунистическом обществе совершенно беззащитен перед властями, перед другими людьми, перед коллективом. На самом деле здесь человек защищен. Но средства защиты здесь таковы, что человек оказывается плохо защищенным именно от этих средств защиты. Это не игра слов. Истории известны многочисленные примеры того, как жители городов и целых районов становились жертвами насилия со стороны военных дружин, приглашенных охранять граждан именно от насилия других людей. Только в сложном коммунистическом обществе такое превращение защитников в насильников происходит весьма опосредованными путями.

Конечно, в какой-то массе случаев в коммунистическом обществе действует нечто похожее на правовое общество. Но это касается случаев незначительных с точки зрения существования социального строя общества. Но как только дело касается серьезных проблем, в силу вступают соображения и действия, абсолютно ничего общего не имеющие с правовыми. Жизнь Советского Союза и других коммунистических стран дала на этот счет такое множество примеров и такие вопиющие примеры, что нет надобности еще что-то говорить на эту тему.

Неправовой характер коммунистического общества обусловлен самыми фундаментальными принципами его существования и природой его власти. Здесь нормы, регулирующие поведение людей, действуют не в рамках правовых принципов, а в рамках принципов государственной целесообразности, интересов коллективов и страны. Причем

власть присваивает себе функции высшего судьи в установлении этих рамок и в оценке поведения людей с этой точки зрения. Здесь вырабатываются своеобразные нормы, навыки и традиции применения писанных норм поведения людей, – вторичные нормативы поведения. Общая схема принимает здесь такой вид: 1) имеются некоторые писанные законы; 2) имеются определенные нормы применения этих законов в зависимости от конкретных лиц, на которые он распространяется, от интересов коллектива или более обширной общности (вплоть до размеров страны), от действующей в данный момент установки или проводимой кампании, от конкретных обстоятельств. Если нормы первой категории еще напоминают правовые нормы, то вторые имеют явно иную природу. Причем существование норм второго уровня свидетельствует о том, что в обществе действует законность, а не беззаконие, но законность специфически коммунистическая.

Идеология

Идеология играет в коммунистическом обществе настолько значительную роль, что это общество можно рассматривать как общество идеологическое. Здесь каждый человек подвергается воздействию идеологии с рождения и до смерти, причем – систематически, с поразительно педантичной последовательностью. Число людей, профессионально занятых в области идеологии, здесь огромно. Число людей, которые так или иначе вынуждены выполнять отдельные функции идеологических работников, здесь неисчислимо. Здесь каждый чиновник есть так или иначе проводник идеологии. В детских садах, в школах, институтах, университетах, техникумах, училищах и прочих заведениях людям специально преподают идеологическое учение. Миллионы людей, уже закончивших образование и работающих по специальностям, обучаются в особых Университетах марксизма-ленинизма. Еще большее число людей посещает всякого рода идеологические кружки, семинары, лекции. Идеология пронизывает все сферы культуры, включая даже специальные науки и даже спорт. Поток идеологических текстов не поддается никакому точному учету. Если бы можно было измерить все усилия общества, направленные на идеологию, то мы получили бы величину, вполне сопоставимую с затратами на милитаризацию страны и на промышленность. Многим, даже порой самим идеологическим работникам, такой размах идеологической работы кажется неоправданным, а траты на нее кажутся бессмысленными. Однако такое неимоверное разрастание идеологии в коммунистическом обществе не есть нечто искусственно раздутое и временное. Это происходит в силу внутренних необходимых механизмов жизни общества, в силу некоего социального инстинкта самосохранения. С точки зрения целостности и крепости общества затраты на идеологию здесь вполне оправданы. Более того, в условиях возрастания культурного уровня населения, улучшения бытовых условий, роста образованности людей, появления оппозиции и других явлений, прямо или косвенно угрожающих идейной монолитности общества, требуется усиление и идеологической работы, что немислимо без увеличения трат на нее. Но дело не только в количественном выражении идеологии, дело в ее качественной роли в обществе, а с этой точки зрения коммунистическое общество есть общество идеологическое. В связи с этим аспектом возникает целый ряд проблем, для решения каждой из которых требуются многочисленные обстоятельные исследования, на что ни в коем случае не претендует эта книга. Я здесь ограничусь рассмотрением лишь самых основных из этих проблем, причем – в самых общих чертах, не вникая в конкретные детали содержания идеологии и механизма ее действия. Проблемы эти таковы: 1) что такое идеология (в отличие от науки, религии и морали); 2) особенности идеологии в коммунистическом обществе и ее строение; 3) марксизм как идеология; 4) другие идеологические явления; 5) идеологический аппарат; 6) результаты идеологической обработки людей. Очень много внимания вопросам идеологии уделено в моих литературных сочинениях и в книге «Без иллюзий», к которым я и отсылаю читателя, желающего более детально ознакомиться с моей концепцией на этот счет.

Термин «идеология» неоднозначен. Я его употребляю здесь в следующем смысле. Идеологию образует определенное учение о мире, о человеческом обществе, о человеке и вообще о жизненно важных явлениях жизни людей. Существует определенная система

специальных лиц и учреждений (идеологический аппарат), в задачу которых входит хранить это учение, приспособлять его к текущей жизни людей, навязывать его населению страны, т.е. заставлять население усваивать это учение, принимать его и каким-то образом обнаруживать это в своем поведении. Население принимает это учение не в силу веры в его истинность или доказательства и опытного подтверждения его положений, а из соображений социального расчета и по принуждению. Задача идеологии – организация и стандартизация сознания людей, управление людьми путем формирования определенного типа их сознания, удобного с точки зрения управления ими. Идеологический аппарат приучает и заставляет людей в некоторых ситуациях, жизненно важных для общества, всех людей думать, говорить и поступать одинаково и так, как это желательно для руководства обществом. При этом я имею в виду поступки, в той или иной мере зависящие от сознания людей. Это – определенная настройка (поворот) «мозгов». Принятие идеологии людьми выражается в том, что люди принятыми в обществе способами обозначают то, что будут поступать так, как это требуется обществу. Идеологически подготовленный и обработанный (воспитанный в коммунистическом духе) человек без подсказки и указаний свыше умеет поступить так, как нужно. Идеология, наконец, дает оправдание поведению людей, к которому их призывает или принуждает руководство.

Исторически произошло так, что основой и ядром идеологии коммунистических тенденций в мире и государственной идеологии коммунистических стран стал марксизм с некоторыми коррективами и дополнениями, зависящими от конкретных условий различных стран (ленинизм в Советском Союзе, маоизм в Китае). Фатально необходимости в этом не было. Но раз уж так случилось, с этим фактом надо считаться. И в дальнейшем я буду иметь в виду именно марксистскую идеологию, говоря об идеологии коммунистического общества. Это – наиболее значительная форма идеологии в истории человечества. На ее примере отчетливее всего видны свойства идеологии вообще. Конечно, полного совпадения коммунистической идеологии и марксизма нет. Не все из марксизма входит в идеологию фактически существующего коммунистического общества. Не все, входящее в эту идеологию, исходит из марксизма. Но в данной работе этим несовпадением можно пренебречь.

Чтобы лучше представить себе специфику идеологии, надо отличить ее от науки и религии. Это надо сделать потому, что коммунистическая идеология похожа как на науку, так и на религию. Она претендует на то, чтобы быть наукой, и претендует на то, чтобы вытеснить религию из человеческих душ и занять ее место, т.е. претендует на то, чтобы люди верили в правоту идеологии и в декларируемое ею учение о будущей райской жизни в коммунистическом обществе.

Конечно, в реальной жизни нет абсолютно чистых форм. Религия может выполнять (и обычно выполняет) идеологические функции и даже может содержать утверждения, которые подтверждаются опытом аналогично утверждениям науки. Какие-то фрагменты науки могут выполнять идеологические функции. Идеология может восприниматься как нечто аналогичное религии (многие до сих пор верят в марксистские утверждения как в святыню) и может содержать научные понятия и утверждения. Идеология может возникать с претензией на научность, как это имело место с марксизмом, и на основе науки, может использовать данные науки и даже включать их в себя. Но все-таки эти три явления имеют принципиальные различия.

Когда я утверждаю, что коммунистическое учение (марксизм) не есть наука, а есть идеология, я в это не вкладываю ничего ругательного и унижительного по адресу марксизма. Идеология не хуже и не лучше науки. Это просто разные явления, с различными целями, с различными законами функционирования и построения, с различными механизмами самосохранения и навязывания людям. Когда я утверждаю, что марксистская (коммунистическая) идеология антирелигиозна, я опять-таки не хочу этим сказать что-то плохое или что-то хорошее о ней. Я лишь констатирую факт принципиального различия идеологии и религии, который стал заметен лишь теперь, в связи с возникновением антирелигиозных идеологий (помимо марксизма здесь можно упомянуть национал-социализм в Германии). Этот факт заставляет различать идеологические и собственно религиозные функции в самих религиях прошлого.

Идеологическая работа

Идеология не только учение. Живая идеология – это повседневная деятельность людей в поле идеологии. Как я уже говорил, в коммунистическом обществе быстро складывается мощный идеологический аппарат, пронизывающий собою все общество, достигающий своими щупальцами до сознания каждого отдельного человека. И деятельность этого аппарата есть не отдельная кампания (хотя идеологические кампании имеют место постоянно как в масштабах всей страны, так и на более низких уровнях вплоть до первичных коллективов), а есть постоянная, будничная, рутинная работа. Эта работа не замирает ни на минуту. Партийные органы всех рангов бдительно следят за тем, чтобы эта работа выполнялась систематически, ибо это – одна из важнейших (если не самая важная) составных частей партийной работы вообще. Вся идеологическая работа (за редкими исключениями) выполняется членами партии и комсомола, причем – в той или иной мере прошедшими специальную подготовку и облеченными особым доверием. Имеют место случаи, когда привлекаются беспартийные. Но это лишь для отдельных мероприятий и под контролем членов партии. Обычно такие беспартийные готовятся ко вступлению в партию и натаскиваются в идеологическом плане.

Каковы функции идеологического аппарата и его деятельности? Независимо от того, что из себя представляют сотрудники идеологического аппарата и профессиональные идеологи и каковы их личные цели, аппарат в целом выполняет следующие функции. Первая из этих функций – ознакомить граждан с официально признанным идеологическим учением, заставить их усвоить хотя бы минимальные основы этого учения и заставить их принять его. Хотя идеологическое учение в самых существенных чертах сложилось и не подлежит серьезным изменениям, в нем все же происходят некоторые изменения, иногда – довольно крупные (как это произошло, например, с отказом от лозунга диктатуры пролетариата). Принимаются важные партийные решения, которые на то или иное время становятся частью идеологии. Вожди произносят длинные речи с намерением сделать свой вклад в идеологию. В мире происходят крупные события, которые так или иначе отражаются в учении идеологии, хотя бы – в виде свежих примеров к старым банальным истинам. Так что теоретикам постоянно приходится подновлять учение, а гражданам – усваивать его снова в подновленном уже виде. Способы заставить граждан как-то усваивать учение очень просты: зачеты, экзамены, выступления в семинарах, письменные работы, всевозможные проверки (вроде «ленинских зачетов»). И как бы люди ни относились к идеологии, они вынуждены усваивать ее и запоминать практически на всю жизнь. Принятие же идеологии не есть одноактная операция, когда человек произносит обещание принять ее, а постоянная готовность дать знать окружающим, что человек принимает ее. Подобно тому, как в армии военнослужащий щелкает каблуками, дергается телом и совершает другие действия, изображая готовность выполнить волю начальства, гражданин коммунистического общества должен время от времени осуществлять свое идеологическое «щелканье каблуками», дабы окружающие и идеологическое начальство в особенности чувствовали, что этот гражданин находится в согласии с идеологией.

Вторая функция идеологии – контроль за всем тем, что происходит в области духовной культуры (в литературе, изобразительном искусстве, науке, прессе и т.д.), запрет всего того, что не согласуется с идеологией, поощрение всего, что соответствует ей. Идеология все, что как-то не согласуется с нею, считает враждебным себе, угрозой своему господству и даже существованию. Идеологическая нетерпимость роднит идеологию с религией. Примеры идеологической нетерпимости в Советском Союзе в сталинские времена общеизвестны. Сейчас там по видимости произошло некоторое смягчение. Однако лишь по видимости, – нынешние советские идеологи стали гибче и хитрее идеологов сталинских времен. Кроме того, это «смягчение» коснулось лишь верхушки теоретиков, а не всей массы идеологических работников. И тем более это мало отразилось на положении идеологически обрабатываемых рядовых граждан.

Третья функция – истолкование всего происходящего в мире, в том числе – крупных политических событий, открытий в науке и технике, событий внутри страны, в духе фундаментальных принципов идеологии. Все происходящее в мире должно подтверждать

идеологическое учение и совершаться как бы вроде с ведома его. Для посторонних наблюдателей это истолкование выглядит как заведомая ложь пропаганды, хотя на самом деле установки на обман тут нет. Обман получается как следствие, да и то лишь с точки зрения внешнего наблюдателя. С точки зрения же идеологически обрабатываемой массы населения здесь просто происходит естественный отбор информации и определенное ее освещение через сетку и призму общепризнанной идеологии. Широко распространено мнение, будто советские люди плохо осведомлены о том, что творится в мире, осведомлены ложно. Это, повторяю, не есть безусловная истина. Это – лишь определенная точка зрения на тип осведомленности. Советские люди на самом деле не хуже западных людей осведомлены о происходящем, но они осведомлены обо всем в определенном идеологическом освещении. Сориентировать определенным стандартным образом сознание людей, систематически подкреплять эту ориентацию сознания и снабжать его определенным образом пережеванной пищей, – в этом и состоит прямая обязанность идеологии. Но эта ориентация сознания не есть всего лишь заурядный обман, задуманный кучкой злоумышленников. Она есть объективная необходимость существования людей в этом обществе и самосохранения последнего.

Четвертая функция идеологии – заставить граждан общества быть не просто пассивными созерцателями с определенным образом настроенным сознанием, а активными участниками определенным образом организованного жизненного спектакля, разворачивающегося на многих тысячах больших и малых сцен, начиная с самой высокой сцены высшей власти и кончая самыми маленькими сценками вплоть до минимальных социальных групп. Потому в коммунистическом обществе люди не просто живут, а играют роли в житейских спектаклях. И задача идеологии – приучить их играть эти роли серьезно и со страстью. Выполняя эту задачу, идеология имеет единственный путь сделать это успешно: развязать силы социальности и направить их в идеологически контролируемое русло.

Не надо думать, будто люди вследствие воздействия идеологии вводятся в заблуждение до такой степени, что уже не ведают того, что творят. Они прекрасно отдают себе отчет в характере разыгрываемых спектаклей и не забывают о фундаментальных социальных правилах никогда. Они играют серьезно и со страстью в такое время и в таких ситуациях, когда это положено делать согласно идеологическим ритуалам. В перерывах между идеологическими оргиями они бывают обычными людьми и даже позволяют себе иронизировать по поводу своего же поведения и жаловаться на скверные обстоятельства, вынуждающие их быть сволочами. Такие отступления вполне согласуются с минутами осатанелости в официальных представлениях, – они суть законный элемент в идеологическом поведении.

Я уже говорил, что ошибочно рассматривать идеологическую обработку населения как нечто искусственное. То, что кажется абсурдом с точки зрения регулирования поведения отдельного человека, является рациональным с точки зрения регулирования поведением больших масс людей. Исторический парадокс здесь состоит в том, что идеология возникает как общественно значимое средство обуздать стихийные силы коммунальности, ограничить их, организовав определенным образом сознание людей. Но в практическом исполнении это ограничение сил коммунальности осуществляется как развязывание этих сил и опора на них.

Идеология и религия

Коммунистическая идеология, как и религия, претендует на роль духовного пастыря людей. Но она, повторяю, принципиально отлична от религии. Психологическую основу религии образует вера, а идеологии – формальное принятие. Здесь нет возможности подробно описать состояние веры. Ограничусь коротким замечанием. Состояние веры есть некое первоначальное психическое состояние человека, не предполагающее никаких логических доказательств и экспериментальных подтверждений тех положений, в которые верят, и не предполагающее также внешнего принуждения. Это – внутренняя предрасположенность «признать» нечто как существующее, истинное, должное. Я взял здесь слово «признать» в кавычки, ибо здесь суть дела не во внешних признаках состояния, а во внутреннем состоянии человека. Вера есть одна из способностей человека, на основе которой вырастает способность

к религиозному состоянию психики и к религиозным формам поведения. Формальное же принятие идеологии не предполагает необходимым образом веру в истинность ее постулатов и обещаний, хотя такая вера и возможна (как об этом говорят факты). Оно может оставлять души людей холодными и равнодушными к тому, что принимается. Идеология принимается разумом и из осознанного или подсознательного расчета последствий своего поведения и лучших условий жизни (в крайнем случае – из расчета избежать худшего). Религия проникает в души людей и проявляется в их поведении. Идеология есть чисто внешнее средство в поведении людей, а не само поведение. Поведение определяется другими силами (а именно – законами коммуналности). Идеология дает им направление и оправдание. Она не входит в души людей. Нет внутренней потребности в идеологии. Если допустить, что власти не настаивают на признании идеологии и на официальном подтверждении этого признания, люди вскоре бы забыли об идеологии. Но они начали бы стихийно изобретать религию, и факты такого рода можно наблюдать даже и в Советском Союзе. Это не недостаток идеологии, но и не достоинство. Религия тоже имеет аппарат, аналогичный идеологическому, – церковь. Но потребность в религии породила церковь. В случае же с идеологией, наоборот, аппарат идеологии навязывает людям идеологию как средство в поведении и средство опознания соответствия индивида обществу.

Коммунистическое общество есть общество антирелигиозное. Само по себе это, повторяю, не есть ни благо, ни зло. Важно тут другое: почему этот факт имеет место? И можно ли его объяснять только злым умыслом некоторых нехороших безбожников, захвативших власть?

Прежде всего не следует идеализировать религию. Нет абстрактной религии, есть конкретные формы религий. В России, например, это были православие, мусульманство и другие формы. И было бы в высшей степени несправедливо отрицать положительную роль антирелигиозной деятельности советской власти в прошлые годы. Эта деятельность имела огромное просветительское значение. Она высвободила многомиллионные массы населения из пут религиозного мракобесия. Антирелигиозная деятельность советской власти имела и до сих пор имеет успех в массах населения прежде всего благодаря тому, что исторически данные формы религии оказались неадекватными менталитету современного человека и его положению в обществе, а не благодаря насилию. Насилие имело и имеет место в данном отношении, как и во многих других. Но не оно есть основа. Оно само опирается на ту основу, которая предопределяет судьбу религий в коммунистическом обществе.

Фактически данные формы религий, с которыми сталкиваются коммунистические режимы, рассчитаны на сравнительно низкий культурный уровень населения и определенный строй его жизни. Интеллектуальные глубины или высоты, имеющиеся в тех или иных религиозных учениях, недоступны широким массам населения. Кроме того, они с большой натяжкой и с большой долей лицемерия выглядят глубинами или высотами. Коммунистическое же общество в тенденции есть общество поголовной грамотности. Здесь чуть ли не половина населения (а может быть, больше) имеет общее или специальное среднее образование. Здесь многие миллионы людей имеют высшее образование, многие миллионы профессионально заняты в области культуры. Здесь имеется разветвленная сеть культурно-просветительных учреждений. Широко поставлена пропаганда научно-технических достижений. Здесь люди постоянно читают литературу, практически не оставляющую места в их душах для религиозных идей. Здесь люди ведут динамичный образ жизни, постоянно вращаются в коллективах себе подобных. Они вынуждены в своей повседневной жизни совершать множество поступков, не согласующихся с фактически действующими религиями. И не представляет труда показать, что для большинства верующих их религиозность на практике оказывается лицемерной. Короче говоря, здесь исторически данные религии не подкрепляются как духовной, так и телесной жизнью населения страны. И потому если бы даже власти вздумали насильно насаждать эти формы религии, они потерпели бы банкротство.

Менталитету и образу жизни человека коммунистического общества более соответствует идеология такого типа, какая господствует в Советском Союзе и ряде других коммунистических стран (мне не известна ситуация с идеологией в Китае). Я уже говорил о том, как эта идеология навязывается людям, Естественно, религия, которая не поощряется и

даже порой преследуется в коммунистических странах, не может здесь конкурировать с идеологией, навязываемой людям с рождения мощнейшим идеологическим аппаратом. А идеология эта антирелигиозна по существу. Хотя она и не рассчитана на веру, она использует в своих интересах все достижения науки и техники, все средства искусства и пропаганды. Она касается тех же проблем, какие затрагивает религия, но имеет в глазах современного человека явное преимущество в их трактовке.

В коммунистических обществах наблюдаются явления, которые позволяют некоторым критикам коммунизма говорить о некоем религиозном возрождении. Наиболее мощный пример тому – недавние события в Польше в связи с приездом Папы и вообще положение религии в Польше. Я не буду здесь касаться особенностей польского религиозного феномена. Что же касается явлений «религиозного возрождения» в России, то это есть главным образом неадекватная форма выражения социального недовольства и дань моде (особенно это касается интеллигентских кругов). И только отчасти это есть выражение психологической потребности в чем-то подобном религии. В какой мере возможно появление из этого источника новых форм религии или преобразование старых в условиях коммунистического общества, для ответа на этот вопрос пока нет достаточно убедительных материалов. Во всяком случае судьба религии вообще зависит от судьбы ее в некоммунистических странах и от судьбы самих этих стран в борьбе с коммунизмом. Как показывает опыт Советского Союза, в коммунистических странах религия может быть допущена, если она не вступает в осязаемый конфликт со строем, довольствуется весьма второстепенной ролью и живет по общим законам коммунистических учреждений.

Короче говоря, идеология в коммунистическом обществе имеет преимущества перед религией, поскольку дает учение о мире, обществе и человеке, более отвечающее типу и уровню культуры современного человека, поскольку освещает формы поведения, без которых человеку невозможно жить в условиях этого общества, поскольку делает человека более удобным с точки зрения управления и манипулирования им. Религиозный человек неудобен для функционирования в этом обществе как с точки зрения окружающих, так и с точки зрения выживаемости. И потому государство поддерживает идеологию, превращая ее в мощнейшее орудие власти.

Конечно, с ростом образованности населения и улучшением пропаганды достижений науки, а также с накоплением опыта жизни в условиях коммунистической системы и передачей его от поколения к поколению возникает и увеличивается несоответствие состояния идеологического учения общему интеллектуальному и психологическому состоянию населения страны. Это учение действует, но уже не вызывает нужного уважения. И подобно тому, как люди жаждут улучшения жилищ, одежды, питания, развлечений, они также жаждут и более легких и удобных форм идеологического гнета, не унижающего их достоинства и самомнения и даже доставляющего некоторое удовлетворение. Идеология весьма неохотно идет на такие «ослабления» в силу консерватизма всякой большой и устойчивой системы. Но все же это происходит. Такое серьезное «ослабление» наступило, например, в Советском Союзе в послесталинские времена. Благодаря ему было несколько ослаблено несоответствие идеологии реальной ситуации в стране.

Идеология и наука

Коммунистическая идеология претендует на то, чтобы считаться наукой, опираться на науку, обобщать данные науки, освещать путь науке. Насчет освещения пути науки проблем нет, ибо идеология есть элемент руководства обществом. А что касается остальных претензий, то они объясняются историческими условиями возникновения марксистской идеологии и ее первичной формой, духом нашего времени, ролью науки и техники в наше время, высокой образованностью населения, всем стилем жизни общества. Кроме того, руководство обществом правит здесь не от имени Бога (что устарело), а от имени законов природы и общества (что весьма удобно). Но все же марксистская идеология не есть наука.

Наука и идеология суть качественно различные явления. Наука предполагает осмысленность, точность и однозначность терминологии. Идеология предполагает

бессмысленные, расплывчатые и многосмысленные языковые образования. Терминология науки не нуждается в осмыслении и интерпретации. Фразеология идеологии нуждается в истолковании, в ассоциациях, в примысливании. Утверждающая наука предполагает возможность их подтверждения или опровержения или, в крайнем случае, установления их неразрешимости. Предложения идеологии нельзя опровергнуть и подтвердить, ибо они бессмысленны. Выражение «научная идеология» обозначает такую идеологию, которая сосет соки науки и маскируется под нее. Но идеология как наука есть нонсенс. У нее совсем другие источники и другие цели, нежели познание действительности. Лишь в сравнении с какой-то другой формой идеологии та или иная идеология может выглядеть как продукт познания и просвещения. Но это состояние скоро проходит.

Понимание тестов науки предполагает длительную специальную подготовку и особый профессиональный язык. Наука рассчитана на узкий круг специалистов. Тесты идеологии рассчитаны на все население страны независимо от их профессий, различий в уровне образованности. Для «понимания» (а вернее – для усвоения) их не требуется специальной подготовки. Все неясные места разъясняются на привычных примерах.

Отношение идеологии к реальности характеризуется не понятиями истинности и ложности, а тем, насколько хорошо идеология служит цели обработки сознания людей в желаемом направлении, насколько хорошо она отвечает образованности, общей культуре и образу жизни людей, как усваивается ими и какой дает результат в их поведении. С этой точки зрения марксизм вполне адекватен условиям жизни и типу людей советского общества, а главное – удобен властям в качестве средства руководства многомиллионными массами населения.

Я не вижу надобности здесь анализировать понятия и утверждения марксизма с точки зрения критериев, применяемых к понятиям и утверждениям науки. На этот счет существует огромная литература. Многочисленные примеры приведены в моих книгах. Критиковать марксизм в этом плане – дело несложное. Но такая критика несколько не колеблет марксизм, как не колеблет его неверие людей (и даже руководителей) в обещанный земной рай коммунизма. Идеологию невозможно опровергнуть. Ее можно только ослабить или укрепить, ослабив или укрепив ее влияние на людей.

Идеологические функции науки и искусства

Марксизм образует основу, ядро и доминирующее содержание идеологии коммунистического общества. Это ядро обволакивается идеологическими образованиями другого рода и сосуществует с ними, вступая с ними в разнообразные взаимоотношения. Важнейшее из таких образований порождает сама современная наука. Дело в том, что наука превратилась из исключительного явления в самое заурядное массовое явление, – в занятие многих миллионов людей, объединенных в группы и в коммуны, которые подвержены действию общих законов коммунальности, может быть, даже в большей мере, чем другие группы, коммуны. Вот что по этому поводу сказано в «Зияющих высотах».

Современная наука не есть сфера человеческой деятельности, участники которой только и заняты поисками истины. Наука содержит в себе не только и даже не столько научность как таковую, которая глубоко враждебна научности, но выглядит гораздо более научно, чем сама научность. Научность производит абстракции, антинаучность их разрушает подтем предлогом, что не учитывается то-то и то-то. Научность устанавливает строгие понятия, антинаучность делает их многосмысленными под предлогом охвата реального многообразия. Научность избегает использовать те средства, без которых можно обойтись. Антинаучность стремится привлечь все, что можно привлечь под тем или иным предлогом. Научность стремится найти простое и ясное в сложном и запутанном. Антинаучность стремится запутать простое и сделать труднопознаваемое очевидным. Научность стремится к установлению общности всего, что кажется необычным. Антинаучность стремится к сенсационности, к приданию обычным явлениям формы загадочности и таинственности. Причем сначала научность и антинаучность (под другими названиями, конечно) рассматривают как равноправные стороны единой науки, но затем антинаучность берет верх, подобно тому, как

сорняки глушат оставленные без прополки культурные растения. Научности в рамках науки отводится жалкая роль чего-то низкосортного. Ее терпят лишь в той мере, в какой за ее счет может жить антинаучность. В тенденции ее стремятся изгнать из науки совсем, ибо она есть укор для нечистой совести. Так что когда возлагают надежды на то, что наука будет играть роль средства прогресса цивилизации, то совершают грубейшую ошибку. Наука есть массовое явление; само целиком и полностью управляемое коммунальными законами и лишь в ничтожной мере содержащее в себе научность. А в условиях господства коммунальности элемент научности в науке стремится к нулю.

Сознание современного среднеобразованного человека по многочисленным каналам (радио, кино, журналы, научно-популярная литература, научно-фантастическая литература) начинается огромным количеством сведений из науки. Безусловно, при этом происходит повышение уровня образованности людей. Но при этом складывается вера во всемогущество Науки, а сама Наука обретает черты, весьма далекие от ее академической обыденности. Научные сведения, проникая в сознание людей, попадают не на пустое место и не в их первоначальном виде. Современный человек обладает исторически навязанной ему способностью к идеологической обработке получаемых сведений в такой форме, что идеологический эффект оказывается неизбежным. Наука в итоге поставляет лишь фразеологию, идеи и темы. Но как распорядится этим материалом исторически сложившаяся сфера обработки сознания людей, зависит не от одной науки. Достаточно сказать, что наука профессиональна, ее результаты имеют смысл и доступны проверке лишь в специальном языке. Для широкого потребления они пересказываются на обычном языке, с упрощениями и пояснениями, которые создают иллюзорную ясность, но, как правило, не имеют ничего общего с поясняемым материалом. Достижения науки преподносятся людям особого рода посредниками – «теоретиками» данной науки, популяризаторами, философами и даже журналистами. А это огромная социальная группа, имеющая свои социальные задания, навыки и традиции. Так что достижения науки попадают в головы простых смертных уже в таком профессионально препарированном виде, что только некоторое словесное сходство с отправным материалом напоминает об их научной основе. И роль их становится здесь иной. Так что, строго говоря, здесь происходит образование своеобразных двойников для понятий и утверждений науки. Некоторая часть этих двойников на более или менее длительное время становится элементом идеологии. В отличие от понятий и утверждений науки, которые имеют тенденцию к определенности и проверяемости, их идеологические двойники неопределенны, многосмысленны, недоказуемы и неопровержимы. Они бессмысленны с научной точки зрения. Общество оказывает давление на людей, заставляя их высказывать почтение к идеологическим двойникам науки. Так, многие положения теории относительности, в свое время гонимые как еретические в их идеологическом перевоплощении, теперь чуть ли не канонизированы. Попытки высказать что-либо, по видимости не согласующееся с ними, встречают отпор со стороны влиятельных сил общества. Не любые истины науки удостоиваются чести иметь идеологических двойников, а лишь удобные для этой цели. Так, одна известная теорема о не-гюлноте формальных систем определенного типа, имеющая смысл в логике, превращается в банальную истину о невозможности полностью формализовать науку и становится «притчей во языцех», тогда как другая истина о существовании принципиально неразрешимых проблем такой участи избежала, хотя из нее можно извлечь гораздо больше всякого рода назиданий. Здесь бывают свои разжалования и пожалования, реабилитации и выдвигания. Происходит это по видимости как явления в рамках науки. Идеология в данном случае жаждет выглядеть наукой.

Аналогичная картина имеет место и в области искусства, в особенности – в литературе, театре, кино, т.е. в формах искусства, имеющего большое воздействие на сознание широких масс населения. Я не хочу повторять сказанное выше в отношении к этой сфере жизни общества, ибо общие законы коммунальности и тут дают о себе знать с неумолимой силой. Сформулирую лишь общее утверждение, относящееся ко всем сферам культуры. Неверно думать, будто в коммунистическом обществе наука, литература, театр, кино и другие сферы культуры находятся под гнетом власти и идеологии, будто в случае отсутствия такового положение в них резко изменилось бы в смысле эволюции их в направлении западных образцов. Действительно, руководство и контроль власти за всей сферой культуры имеет

место, особенно – путем идеологического давления. Однако жертвами их являются лишь единицы. Основная же масса людей, занятых в области науки и искусства (в области культуры вообще), сами суть элементы и механизмы идеологической власти общества. Искусство коммунистического общества (как и наука), руководимое государственной марксистской идеологией, само в целом есть проводник и продолжение этой идеологии. Оно порождает и свои идеологические феномены, которые на первый взгляд противоречат официальной идеологии, но фактически мирно уживаются с нею. Они (совместно с феноменами такого рода, вырастающими из науки) даже выгодны власти, поскольку маскируют фактический идеологический гнет и создают иллюзию свободы. Примером феноменов такого рода являются критические литературные произведения, в изобилии появляющиеся в Советском Союзе в последнее время.

Структура идеологии

Марксизм есть ядро коммунистической идеологии. Но последняя не сводится к марксизму. И в самом марксизме можно различить общую и особенную части. Вторая часть связана с особенностями новой эпохи и страны, в которой марксизм становится государственной идеологией. В Советском Союзе это – ленинизм. Выше я уже говорил об идеологических феноменах, вырастающих в науке и искусстве, которые не включаются в марксизм. Кроме того, можно различать номинальную и практическую идеологию. Первая из них обличена в лицемерную форму добродетели, вторая предельно цинична. Первая ориентирована на пропаганду и оболванивание людей, вторая – на практическое употребление. Плюс ко всему этому – многочисленные идеологические группы, возникающие по самому различному поводу и на самом различном материале. Подробнее читатель о них может узнать из моих книг «Зияющие высоты» и «В преддверии рая». Официальная идеология терпит такие группы, поскольку они ей не угрожают и поскольку они демонстрируют свою лояльность к ней или хорошо маскируют свою нелояльность. Она даже порой поощряет такие группы, поскольку они отвлекают внимание людей от размышлений над более серьезными проблемами и от активной оппозиционной деятельности. Но все же в таких идеологических группах возможно вызревание недовольства и протеста, и власти за ними тщательно следят.

Идеология как руководство к действию

Коммунистическое общество есть общество идеологическое еще и в том смысле, что здесь идеология является орудием, регулирующим не просто сознание людей, но их поведение как сознательное поведение, принуждая людей вырабатывать определенный стандартный способ мышления и поведения, – практическую идеологию, особенно важную для руководства обществом.

Человек коммунистического общества с рождения и до смерти живет в мощном поле идеологического воздействия. Он есть частица в этом поле, получающая от него определенный заряд, положение, ориентацию. Будучи создано однажды, это поле воспроизводится и укрепляется, становится все более профессиональным и эффективным. Дело в том, что главное в идеологии – не смысл ее утверждений, а тот способ мышления, какой она прививает людям. Она есть совокупность некоторых образцов понимания явлений действительности, отобранных для тренировок людей в способе понимания, для натаскивания на некий стандартный способ понимания. В результате прохождения этого курса упражнений все люди в случае надобности понять некие новые явления действительности поступают сходным образом, – у них вырабатывается сходная интеллектуальная реакция на окружающее. Поэтому советские люди не сговариваясь и без подсказок со стороны начальства примерно одинаково реагируют на события, происходящие в стране и за границей, на научные открытия, на явления природы. Идеология не просто организует сознание людей, она создает специальный интеллект общества как целого и интеллектуальный стереотип для членов общества по отдельности.

Надо различать две функции власти коммунистического общества, которые в реальности переплетены до такой степени, что сами власти различают их лишь в критические периоды (в случаях попыток нарушить субординацию этих функций), а именно – функцию руководства обществом в целом и функцию управления деятельностью различных частей и подразделений целого. Суть первой – такая деятельность руководящих лиц и организаций и большого числа вовлекаемых ими в это дело граждан, благодаря которой вырабатывается и осуществляется на деле способность у членов общества к единообразному поведению. Это есть управление обществом через идеологию. То, что принято называть политическим руководством коммунистическим обществом, есть на самом деле идеологическое руководство, ибо в этом обществе никакого политического руководства вообще нет. И идеологическое руководство здесь законно доминирует над хозяйственным и всяким иным управлением, ибо оно есть носитель целостности общественного организма.

Идеология, повторяю, имеет два аспекта: 1) мировоззренческий (учение о мире, обществе, человеке, познании); 2) практический (правила мышления и поведения). И ключ к пониманию сущности идеологии надо искать во втором из них. Практическая идеология общества – это совокупность правил и навыков поведения людей в принципиально важных ситуациях. Зная ее, можно заранее предсказать, как будет вести себя средне-нормальный, идеологически обработанный гражданин коммунистического общества в ситуациях такого рода. Бывают, конечно, исключения, но они здесь большая редкость. Пусть, например, в некотором учреждении должно состояться собрание, задача которого – обсудить речь или сочинение партийного вождя. Перед собранием между собою сотрудники могут как угодно смеяться над этой речью или сочинением и рассказывать уничтожающие анекдоты о вожде. Но заранее всем хорошо известно, что на собрании речь и сочинение вождя будет единогласно оценено как выдающийся вклад в науку и литературу. Критики советского общества обычно рассматривают такого рода явления как показатель двуличности и цинизма, т.е. в понятиях морали, которые тут совсем неуместны. На самом деле люди поступают тут в строгом соответствии с правилами практической идеологии и не испытывают по сему поводу никаких колебаний и угрызений совести (если не происходят психические срывы, что бывает, повторяю, исключительно редко и является обычным для всякого большого скопления людей).

Особенно важное значение практическая идеология имеет для деятельности руководящих органов страны, ибо она содержит целый ряд инструкций для поведения. В сталинские времена, когда суть идеологии была обнажена до предела, идеология стала принимать явно нормативный характер. В послеста ли некое время произошло некоторое идеологическое помутнение. Оно имело положительное значение для самосохранения идеологии. Вместе с тем оно несколько ослабило нормативный характер ее и породило временную растерянность. Но несмотря на такого рода колебания и отступления, идеология с первых дней существования коммунистического общества становится практическим орудием деятельности генерального руководства обществом. Когда руководители Советского Союза говорят, что они действуют в соответствии с учением марксизма-ленинизма, они не обманывают и не лицемерят. Это действительно так. Марксизм на самом деле для них «не догма, а руководство к действию». Но не буквально, а через определенную систему истолкования, как это и следует делать в отношении идеологических текстов. Идеология в данном случае ставит перед руководителями общества общую цель, которая, независимо от ее достижимости или недостижимости, играет огромную организующую роль, и указывает основные пути ее достижения или, точнее говоря, движения общества в направлении этой цели. Идеология дает общую ориентацию процессу жизни общества и устанавливает общие рамки и принципы деятельности его руководства. Она является стержнем всей системы установок.

Идеологические средства

Коммунистическое общество вырабатывает свою систему идеологических мифов, культов, ритуалов, форм. Среди них можно назвать культ вождей, культ жертвенности, культ преодоления трудностей, культ врага. Здесь изобретаются свои ритуалы наказания провинившихся и поощрения отличившихся, ритуалы проведения всякого рода сборищ и других мероприятий. И все это имеет вполне земной практический смысл. Культ жертвенности, например, облегчает властям посылку молодежи на «великие стройки коммунизма» и сглаживает недовольство трудными условиями жизни. Культ вождей укрепляет (до известной степени, конечно) авторитет руководства. Скажу несколько подробнее о культе врага.

Один из принципов всякого руководства состоит в следующем: руководство не делает ошибок. Этот принцип знают все нормальные люди, но его тщательно маскируют. Если руководство может безнаказанно скрыть свои ошибки, оно скрывает их или интерпретирует как правильное поведение. Руководство признает ошибки только тогда, когда оно не способно их скрыть и имеются достаточно сильные люди или группы людей, жаждущие разоблачить эти ошибки. Причем разоблачители ошибок руководства имеют возможность уцелеть и даже извлечь для себя выгоду из этого разоблачения. Этот принцип руководства приобретает могучую силу в коммунистическом обществе. Вот главные факторы, благоприятствующие ему. Оппозиция здесь фактически отсутствует или ничтожна. Разногласия в руководстве никогда не доводятся до раскола в руководстве. А если раскол и происходит, одна из сторон быстро оказывается побежденной, и на нее сваливают вину за ошибки руководства вообще. Руководство действует от имени познанных им законов природы и общества. А раз так, ошибки исключены заранее. Но как быть, если что-то в жизни плохо? Можно обвинить в этом природу, например, в случае неурожая. Но это далеко не всегда возможно. Потому нужен враг, на которого можно свалить вину за неудачную деятельность руководства. И такой враг всегда находится как внутри страны, так и вне ее. Враг отбирается или специально создается такой, чтобы он стал общепризнанным в качестве врага в широких слоях населения. Производится систематическая идеологическая обработка населения с такой ориентацией. Причем руководство при этом сознательно или бессознательно (в силу опыта или стихийно) действует вполне в духе законов психологии больших масс населения: последние сами ищут виновника своего бедственного положения. Они не могут обратить свое недовольство непосредственно на свое руководство. Многие не понимают, что причина бедственного положения – политика своих же руководителей. Многие чувствуют, что дело в самой системе жизни. Многие боятся репрессий. Многие сами имеют что-то именно от бедственного положения других. Многие являются соучастниками руководства. Короче говоря, имеется множество причин, по которым недовольство масс направляется по наиболее удобному для всех каналам, – оно, как вода в реках, течет туда, куда можно течь. А так как нужное русло отбирается умело и настойчиво, то дело и происходит так, как я говорил выше: находится общепризнанный враг. В нем теперь фокусируется недовольство населения своими условиями жизни. Здесь оно вырывается наружу, и это приносит облегчение. Примеры такого рода из прошлой советской жизни общеизвестны. С первых дней существования коммунистического общества в Советском Союзе идеологическим врагом номер один для него стал некий «Запад».

Функции врага разнообразны. Помимо возложения вины за трудности жизни и канализации недовольства в ложном направлении, тут следует назвать идеологическое воспитание населения, очищение общества от неугодных лиц, ритуальные жертвы. Подробно все это описано в моих книгах, в особенности – в «В преддверии рая». Враги разделяются на внешние и внутренние. Но обычно предполагается и декларируется их единство. Например, диссидентское движение в Советском Союзе рассматривается как результат тлетворного влияния Запада и вторжения его во внутреннюю жизнь страны. Внешний враг обязательно трансформируется во врага внутреннего, а внутренний – во внешнего.

Идеология и мораль

Коммунистическое общество не является моральным в том же смысле, в каком оно не является правовым: нормы морали не являются здесь актуально действующими. Дело не в том, что они нарушаются. Дело в том, что их тут просто нет, они тут бессмысленны, с ними тут просто нечего делать. Поясню, как понимать это мое утверждение.

Слово «мораль» употребляется в различных смыслах. В Советском Союзе говорят о моральном облике советского человека, о моральном кодексе строителей коммунизма, о коммунистической морали. Нельзя запретить такого рода словоупотребление. Но мы вправе различать сами явления, навязываемые одними и теми же словами, и вводить какие-то уточнения и словоупотребление. Я здесь буду различать мораль идеологическую (или псевдомораль) и мораль личностную (или фактическую мораль, собственно мораль). Мораль идеологическая есть часть идеологии, трактующая о том, каким должен быть человек коммунистического общества, и призывающая людей следовать этому образцу. Она очень похожа на настоящую (личностную) мораль, но фактически она есть мораль в той же мере, в какой коммунистическая идеология есть новая форма религии. Коммунистическое общество стремится быть моральным в смысле своей идеологии, т.е. псевдоморальным, и делает все для того, чтобы разрушить зародыши или остатки морали личностной, т.е. морали в собственном смысле слова.

Говоря о морали, надо принимать во внимание следующие ее аспекты: 1) учение о том, каким должен быть моральный человек, совокупность норм морального поведения и критериев оценки поступков с точки зрения этого учения и этих норм; 2) поступки людей, подлежащие моральной оценке; 3) качества людей, сложившиеся под влиянием моральных идей и норм и проявляющиеся в поступках, подлежащих моральной оценке. Не всякое учение о том, каким должен быть идеальный человек, есть моральное учение. Не все поступки людей подлежат моральной оценке. Один и тот же поступок в одних условиях подлежит моральной оценке, а в других – нет. Не всегда плохие с какой-то точки зрения поступки свидетельствуют о безнравственности человека, а хорошие – о наличии нравственности. Люди часто делают добро другим людям с намерением их обмануть или извлечь для себя выгоду и причиняют зло с искренним намерением сделать добро. Человек, вынужденный делать добро или не имеющий возможности безнаказанно делать зло, еще не есть человек, поступающий в силу норм морали.

Человек как коммунальный индивид есть такое существо, как я его описал выше. И наивно рассчитывать на какие-то благородные врожденные качества людей. Если люди говорят вам, что они на самом деле совсем не такие, не верьте им: они либо лицемерят, либо впадают в самообман, принимая за свои прирожденные качества те ограничения в своем поведении, к которым вынуждают их обстоятельства или которые они добровольно (по каким-то причинам) берут на себя. Змея не всегда жалит, но из этого не следует, что она источает нектар, а не яд. Есть объективные законы природы, которые нельзя обмануть. Коммунальный индивид, увы, вынужден вести себя так, как описано выше. И это не есть зло, как это не есть и добро. Добродетели лишь вырастают на этой основе как защита от зла или как одно из средств в делании зла. К тому же зло и добро относительны, если рассматривать их с точки зрения самих индивидов, участвующих в реальной жизни, а не с точки зрения посторонних самодовольных морализаторов.

В основе моральных идей, норм, критериев, поступков и качеств лежит добровольное решение людей ограничивать действие законов коммунальности в своем поведении по отношению к другим людям. Подчеркиваю: добровольное, а не вынужденное юридическими нормами, обычаями или страхом наказания. Конечно, и это решение не является абсолютно бескорыстным. Принимая его, человек рассчитывает на то, что какие-то другие люди оценят его жертву, последуют его примеру в их отношениях к нему самому, и в результате жить в данной среде будет с какой-то точки зрения лучше. Но эта корысть того же качества, что и сама жертва. И в основе здесь жертва, а не выгода от нее. Выгода есть следствие. Причем она имеет место не всегда, а если бывает, осознается впоследствии, а не заранее. Подчеркиваю, далее, что это – самоограничение коммунальности, а не чего-то иного. Не все поступки людей

совершаются в силу законов коммунальности. Солдаты, например, идущие в атаку и убивающие солдат противника, действуют не в силу законов коммунальности, и их поведение в данном случае не подпадает под моральную оценку. Суть морального самоограничения – не делать конкретным людям зло или делать добро в ситуациях, когда вынуждаешься к деланию зла или воздержанию от добра правилами коммунального поведения. Это – действия вопреки и против сил коммунальности. Это, далее, суть такие действия, которые не совпадают с действиями власти общества, вырастающей на основе коммунальности. По этой причине мораль оказывается направленной не только против сил коммунальности в самом фундаменте общества, но и против власти общества, олицетворяющей ее. Мораль оказывается самозащитой человека и от коммунистической власти.

Идеальный человек, каким его рисует коммунистическая идеология, не есть существо нравственное. Подчеркиваю, нравственное – не обязательно хорошее, нравственное – не обязательно плохое. Я здесь исключаю субъективные оценки и говорю о качестве явлений. Идеальный коммунистический человек, каким бы хорошим он ни был с какой-то точки зрения, есть существо качественно не моральное. Приведу некоторые аргументы в пользу этого тезиса, вполне достаточные в этом очерке. Во-первых, в марксизме предполагается, что человек полностью обусловлен обстоятельствами существования, и его добродетели мыслятся как продукт идеальных условий жизни, а не его доброй воли. Во-вторых, человек принуждается быть таким, каким он по идее должен быть, общими усилиями власти, идеологии, коллектива. В-третьих, человек лишь внешне, формально вынуждается соответствовать идеалу, а на практике тренируется на поведение по правилам коммунальности, ограниченные коллективом, властью и идеологией лишь в интересах самосохранения общества, основанного на этих коммунальных правилах. В моих книгах описан тип человека, соответствующего нормам идеологической «морали». Да и в этой книге уже приводилось достаточно материала для этого. Приведу лишь один гипотетический пример, иллюстрирующий различие идеологической «морали» и морали. Допустим, ваш знакомый совершил поступок, считающийся официально плохим и подлежащим наказанию, и вы поклялись не выдавать его. Если вы об этом поступке сообщите властям, вы извлечете выгоду для себя, а если нет – будете наказаны в случае разоблачения. В силу коммунистической «морали» вы должны нарушить клятву и донести на доверившегося вам человека. И ваше поведение будет оправдано тем, что интересы коллектива выше интересов личности, хотя на самом деле вы поступите в силу правил коммунальности, вынуждающих вас избегать опасности и извлекать из всего выгоду. Ваше поведение будет моральным лишь в том случае, если вы сдержите свою клятву. Сдержите даже под угрозой наказания.

Моральность в рассмотренном мною смысле вступает в конфликт с идеологической «моралью» и преследуется в коммунистическом обществе как угроза самим основам его существования. Здесь люди с рождения воспитываются так, что лишь немногие в зрелом возрасте оказываются способными быть моральными личностями, да и то не всегда. Какие именно самоограничения людей в коммунистическом обществе служат источником морали, опять-таки сравнительно подробно описано в моих книгах. Вот несколько примеров их: не насилуй и не допускай насилия над собой, сопротивляйся; не унижайся, не холуйствуй; заслуживающему воздай должное; с плохими людьми не имей дела; из общества плохих людей уйди; если нет надобности говорить, молчи; не привлекай к себе внимания; свою помощь не навязывай; от незаслуженной почести откажись; выполняй обещание; не поучай; не злорадствуй; не участвуй во власти и не содействуй ей. Это, конечно, суть лишь литературные рекомендации. Но они достаточны здесь для пояснения отличия общей ориентации морали от ориентации идеологии.

Идеологическая «мораль» имеет неоспоримые преимущества перед моралью. Она избавляет людей от внутренних самоограничений. Она оправдывает любые преступления руководства страны как в отношении своего населения, так и в отношении других народов. Руководство действует во имя «прогресса», «освобождения трудящихся от эксплуатации и колониализма», построения самого «справедливого» общества, в общем – во имя самых благородных целей. И если ради этих «целей» потребуется стереть с лица земли миллионы людей, это делалось и делаться будет без колебаний и с чистой совестью, поскольку таковой здесь вообще нет. Низшие слои населения в свою очередь вынуждены правдами и неправдами

(в основном – неправдами) приспособливаться к условиям жизни, платя ложью, ленью, воровством, пьянством, халтурой и прочими явлениями того же рода за потоки лжи и насилия, обрушивающиеся на них сверху. Система пошлости, лжи и насилия пронизывает всю жизнь общества сверху донизу и вообще во всех разрезах. Следование правилам морали в этих условиях могут позволить себе лишь одиночки или люди так или иначе выпадающие из общего потока жизни. Чтобы правила морали играли заметную роль в жизни общества, в последнем должно быть достаточно большое число лиц, заинтересованных в их соблюдении, и общественно признанные средства их охраны (гласность, религия, свободная литература). В коммунистическом обществе ничего подобного нет. Здесь весь аппарат идеологического воспитания людей и пропаганды имеет целью приучить людей жить в атмосфере лицемерия, лжи, насилия, подлости и пошлости, но жить по правилам коммунальности, ограниченными средствами самой коммунальности и в целях ее самосохранения.

Стало привычным штампом обвинять советских людей в некоем «двомыслии». На самом деле никакого двоемыслия нет. Есть удивительное единомыслие. И есть приспособленность к условиям общества. Вот, например, один человек делится с другим своими мыслями о советском руководстве и своими намерениями что-то сделать. Он просит собеседника хранить разговор в тайне. Собеседник искренне клянется хранить тайну. Но вот собеседника представители власти попросили рассказать о своих встречах и разговорах с тем человеком. Разумеется, его просят помочь им и, конечно, помочь этому человеку, подпавшему под дурное влияние. И собеседник столь же искренне выдает им тайну. Он не нарушает клятву, ибо клятва была чисто словесной. Внутри его нет никаких сдерживающих инструментов. Более того, при случае он сам без всяких просьб может выдать того человека, например, – на собрании, в застольной беседе, порой – просто из желания потешить гостей. И так поступает подавляющее большинство людей. И люди обычно заранее принимают последствия своих поступков и с этой точки зрения. Здесь люди сами не верят в моральные качества сограждан и не надеются на них, – вот самая глубокая основа неморальности общества. Конечно, исключения бывают. Примеры морального поведения привести нетрудно. Но не они определяют образ жизни общества. Кроме того, часто в таких случаях моральность является кажущейся. Часто люди лишь прикидываются моральными личностями или им просто не представляется случай и надобность проявить себя в качестве коммунистически обработанного индивида. Поведение Советского Союза как целостного индивида на мировой арене дает классический пример поведения неморального.

Было бы, конечно, неверно думать, будто идеология вообще исключает мораль в том смысле, как об этом говорится здесь. Она допускает ее и даже поощряет в некоторой мере, а именно – в той мере, в какой это безопасно для основ общества и даже выгодно, т.е. как нечто второстепенное и подчиненное идеологии. Например, карьеристам выгодно, что есть люди, добровольно отрекающиеся от делания карьеры. Но если такие люди свое неучастие во власти возводят в некий принцип и начинают его пропагандировать, они становятся опасными для идеологии и для карьеристов. В различного рода социальных группах складываются такие личные отношения, когда люди откровенничают друг с другом, помогают друг другу и выполняют свои обещания. Но и в таких случаях намеки на мораль не вырастают в моральные принципы, ибо в случае серьезных ситуаций они немедленно испаряются, уступая место коммунальным правилам и идеологической морали.

Идеологический тип интеллекта

Сам образ жизни людей в коммунистическом обществе вынуждает их быть гибкими и изворотливыми в житейской суете. Домашняя хозяйка, вынужденная содержать семью на гроши, производит порой такие грандиозные копеечные расчеты, которые с логической точки зрения превосходят интеллектуальные профессиональные расчеты большинства академиков и профессоров. Мелкий чиновник, жаждущий сделать очередной шаг в его жалкой служебной карьере, окунается в такую сеть хитроумных интриг, по сравнению с которыми интриги Галейрана кажутся грубой работой дилетанта. Идеологическая обработка населения приучает людей быть столь же гибкими и изворотливыми в мыслях и суждениях об

окружающей действительности. Складывается идеологически-диалектический тип интеллекта в наиболее активной части населения. Этот тип интеллекта очень похож на диалектический метод мышления (как научный метод ориентации в сложной и изменчивой системе событий общественной жизни), но на самом деле таковым не является. Он есть продукт приспособления людей к обстоятельствам, одобряемый и культивируемый идеологией. Он есть элемент практического механизма идеологии, воплощаемого в интеллектуальный аппарат индивидов. Он включает в себя беспринципность, нарочитое нарушение законов логики, двусмысленности и прочие явления интеллектуальной проституции. Диалектический же метод мышления как метод науки есть совокупность логических приемов познания мира, но не метод адаптации к социальным условиям. Однако идеологически-диалектический тип интеллекта является все же более живым, чем идеологический тип интеллекта обывателей западного общества. Я не могу сказать, что средний гражданин коммунистического общества умнее такового западного общества. Но как теоретические размышления, так и опытное сравнение дают серьезные основания утверждать, что первый явно хитрее и изворотливее второго. Так что в сочетании со способностью жить в более трудных бытовых условиях этот тип интеллекта дает более высокий уровень приспособляемости к обстоятельствам, какие бы эмоции у нас ни вызывал сам тип этой приспособляемости. Этот тип приспособляемости не есть нечто только негативное, т.е. только то, что образуется в результате исчезновения таких самоограничений, как принципы религии, морали, правового самосознания. Это есть и нечто позитивное, культивируемое образом жизни и идеологией общества.

Общество в целом

Исследование такого сложного предмета, каким является человеческое общество, имеет аналитическую и синтетическую задачи. Первая заключается в выделении составных частей и сторон целого, отдельных свойств и закономерностей. Вторая означает выяснение того, каким образом и с какими последствиями эти отдельные ручки жизни общества сливаются в единый поток, суммируются. Синтез при этом есть не простое складывание сведений, добытых в анализе, в один текст, а отыскание приемов, с помощью которых из аналитически добытых сведений можно получать новые сведения, совпадающие с той или иной степенью приближения с конкретной реальностью. Результатом синтеза должно быть изобретение научной теории, с помощью которой можно было бы объяснять наблюдаемые факты жизни общества и предсказывать поведение этого общества в ситуациях определенного рода с достаточной степенью уверенности. Но для этого сам анализ с самого начала должен быть построен с расчетом на такой синтез, т.е. в анализе должны добываться такие сведения о предмете, синтез которых может дать желаемый результат. Синтез должен дать методы вычисления характеристик общества в целом и выяснения его суммарных тенденций на основе некоторых первичных измерений и допущений анализа. Если оставить в стороне количественный аспект (измерения), то синтез должен ответить на такие «качественные» вопросы: что можно ожидать от данного общества, что от него бессмысленно ожидать, как оно будет вести себя в определенном типа ситуациях, в каком направлении оно будет эволюционировать? Для этого общество должно быть понято как большая эмпирическая система с определенными, более или менее устойчивыми характеристиками, как своеобразная среда, в которой происходят или должны происходить интересующие нас события. Именно знание этих характеристик должно дать возможность предвидения способов протекания в этой среде предполагаемых событий, поведения самой системы в ответ на эти события, поведение системы в отношении ее окружения. Эти характеристики суть, например, плотность, связность, стабильность, инертность, динамичность, выживаемость, сопротивляемость и т.п., выраженные в определенных величинах или оценочных понятиях («высокая», «средняя», «слабая»).

Вопрос о том, как можно получить упомянутые выше характеристики системы, есть вопрос техники научного исследования. Ниже я очень кратко расскажу о способе, который я часто использовал для получения своих суждений, не обнажая его логическую природу. Это – особый вариант системного метода. Коммунистическое общество есть частный случай

большой эмпирической системы. Оно и должно быть рассмотрено как система, раз стоит задача описать его как единое целое. Вот некоторые принципы такого подхода.

Эмпирическая система есть скопление большого числа элементарных тел в данной области пространства и в данных временных рамках. Элементарные тела рассматриваются как нерасчленимые на части. Не принимаются во внимание их пространственные размеры и формы, а также продолжительность их существования. Это не отвергается. Предполагаются какие-то нормы на этот счет. Но для самого метода это роли не играет. Важно, что элементарные тела существуют достаточно долго, воспроизводятся, удовлетворяют некоторым требованиям, без чего они не могут быть элементами системы. В силу того, что элементарные тела вступают в многочисленные и разнообразные «соприкосновения» друг с другом, происходит своего рода «обтесывание углов», – приведение их к некоторому усредненному виду. Это – неизбежный результат массовости и вынужденности столкновений тел. В различных системах механизм осреднения различен. Действие массового общества на индивида с этой точки зрения, например, аналогично действию морских волн на обломки скал. Конечный результат тех и других – некий средний, обкатанный индивид, в принципе заменимый любым другим индивидом данной категории. Это дает основания рассматривать элементарные тела как неразличимые.

В силу произведенных абстракций у элементарных тел принимаются во внимание такие и только такие свойства, которые необходимы и достаточны для существования их в качестве элементов системы. Допускается, что все они в той или иной мере обладают этими свойствами. У людей это, например, способности познавать окружающее, правильно оценивать те или иные ситуации, желать, ставить цели, действовать для их достижения. Чтобы элементарное тело могло существовать в качестве элемента системы, оно должно осуществлять определенные действия по отношению к другим элементарным телам системы, – системные действия. Оно должно иметь способности к бытию в системе и регулярно осуществлять их на деле. Эти действия не анализируются. Они принимаются как данные. Фиксирование действий элементарных тел служит основой введения терминов, обозначающих потенциальные признаки или способности к действиям такого рода (способность говорить, думать, передвигаться). Все способности элементарных тел сводятся к конечному числу первичных, т.е. не определяемых через другие. Стремление свести их к минимуму естественно. Если даже допустить, что число таких способностей бесконечно, то практически это не играет никакой роли. Даже на однократную реализацию способности нужно время. А так как предполагаются регулярно реализуемые способности, то число первичных способностей тел практически оказывается очень небольшим. В качестве первичных способностей отбираются регулярно реализуемые способности элементарных тел, свойственные всем телам. Отклонения от нормы, разумеется, бывают, но их нельзя принимать во внимание в теоретическом анализе. Элементарные тела различаются лишь по величине первичных способностей. Здесь имеются минимальные и максимальные пределы, выход за которые делает элементарное тело нежизнеспособным. Например, люди страдают и погибают не только из-за чрезмерной глупости и нечестности, но и от чрезмерного ума и чрезмерной честности.

Сложные тела системы суть скопления из двух и более элементарных тел – группы и группы из групп различных рангов. Группа как целое имеет какие-то пространственные размеры и положение. С точки зрения системного подхода важно лишь число индивидов или групп, входящих в нее. Это число конечно. В зависимости от физической природы элементарных тел имеются какие-то минимальные и максимальные размеры групп. Если размеры меньше этого минимума, то между телами не могут установиться такие связи, которые дают регулярный массовый (системный) эффект. Если размеры больше максимума, то группа распадается вообще, распадается на подгруппы, из нее выделяется часть в качестве нормальной группы. Из сказанного должно быть очевидно, что чем больше число индивидов в данной системе, тем больше рангов групп в их иерархии. Группы прежде всего рассматриваются по тем же признакам, что и элементарные тела. Кроме того, в группах возникают явления, обусловленные самим фактом скопления множества тел в одной пространственно-временной области. Задача системного метода – фиксировать эти следствия массовости тел и событий и указать методы вычисления их величин как функций величин,

характеризующих элементарные тела и группы тел низших рангов.

Любые свойства предметов в принципе измеримы. Скажу коротко о некоторых особенностях измерения в системах. Первичным способностям элементарных тел приписываются некоторые величины. Они выводятся из наблюдений, из экспериментов и по соглашениям. Для производных признаков (способностей) указывается метод вычисления величин, исходя из первичных. Он должен быть единым для всех аналогичных величин для групп. Один из методов приписывания величин первичным способностям элементарных тел – оценка в баллах. Оценка величин в баллах широко известна (спорт, учебные заведения). В рассматриваемом мною случае необходима единая для всех оцениваемых в баллах явлений системы шкала оценок. Число баллов должно быть конечно и невелико. Большое число баллов, создавая трудности вычислений, абсолютно ничего не прибавляет к содержанию и точности знаний. Например, в случае социальных систем часто бывает достаточно трехбалльной оценки: норма, ниже нормы, выше нормы. Измеряемые базисные величины, например, таковы: первичные способности элементарных тел системы; число элементарных тел (в оценочных величинах); число тел, с которыми вступают в связи; размеры групп; ранги групп; ранги производных тел и производных связей; время распространения воздействия. Короче говоря, тут надо изобрести методы измерения, подобные измерениям длин, объемов, весов, температур и других признаков тел, а также методы вычисления производных величин, подобные физическим.

Хочу обратить внимание на то, что в случае задач такого рода, как рассматриваемая, невозможно причинное объяснение результирующих явлений системы. В силу огромного числа взаимодействующих явлений практически невозможно проследить механизм их суммирования в форме причинно-следственных отношений. А противоречивый характер следствий одних и тех же причин, сходство следствий противоположных причин, наличие ситуаций, когда одни причины нивелируют действие других, и другие свойства систем делают причинное объяснение принципиально невозможным. Приведу еще один любопытный пример эффекта системности, действующего в том же направлении.

В эмпирической системе тела воздействуют друг на друга. Акт воздействия предполагает время и какие-то затраты на его осуществление, в результате чего образуются потери в том, что передается от одних тел к другим (в веществе, энергии, информации). Имеются некоторые константы таких потерь. Если эти константы известны, то можно выяснить, через какое число посредников (то есть на каком расстоянии от источника) воздействия затухают. Например, приказание, отданное начальником, через несколько промежуточных инстанций уже теряет силу и на местах не исполняется. И это – не случайный дефект данного учреждения, а нормальный эффект системы. Упомянутые потери передачи воздействия не вступают в конфликт с законами сохранения физики, так как эмпирическая система не есть изолированный кусок мира, а есть лишь своеобразная сетка, накладываемая на реальные куски мира и частично организующая их. Из системы всегда что-то выпадает и теряется, – неизбежные издержки на организацию. Но в нее также кое-что поступает извне, как нечто подлежащее системной обработке. Так что для эмпирических систем допустимы случаи, когда источник воздействия одних тел на другие не имеет причинных оснований в данной системе. Некоторые ее тела обладают способностью к имманентному продуцированию воздействий, – они воздействуют, передавая нечто другим телам, не получая это нечто от других. Так что наряду с затухающими рядами воздействий здесь имеют место внезапные первичные воздействия как бы из ничего. Пример таких имманентных поступлений в систему в случае социальных систем – намерения власть имущих провести реформы, повышающие уровень организации общества. В рамках социальной системы такие намерения не имеют источников и даже объяснений в ее терминах. Рассмотрение системы в других аспектах прибавляет еще целый ряд обстоятельств, вследствие которых причинное объяснение поведения властей и попытки предсказания их поступков лишены смысла. Здесь уместны лишь вероятностные объяснения и предсказания, да к тому же в терминах предпочтения и оценок (например, «ослабления маловероятны», «повышение цен очень возможно», «власти предпочитают репрессии»).

Случай с причинно-следственным объяснением в эмпирических системах не является единственным. Так что лишь серьезное теоретическое исследование, свободное от

предрассудков не только обывательского, но и привычного научного мышления, способно справиться с рассматриваемой здесь синтетической задачей.

Эффекты системности

Приведу примеры, иллюстрирующие познавательную ориентацию системного подхода. Определенными методами подсчитано, что в текущем году в Советском Союзе ожидается урожай, характеризуемый некоторой величиной. Возникает вопрос: сколько хлеба он будет иметь в этом году на самом деле? Отнюдь не эту величину. Чтобы установить (и предсказать) реальную величину, мы должны знать некоторый коэффициент системности, выражающий неизбежные потери на системную среду. И тогда можно рассчитать, что на самом деле страна будет иметь значительно меньше хлеба, чем предполагается согласно академическим расчетам. Упомянутый коэффициент системности действует неумолимо, не считаясь с погодой и прочими явлениями, ибо он сам есть представитель особой среды обитания и деятельности людей. Другой пример. Рассчитано, что на постройку данного сооружения (здания, завода, аэродрома) потребуется определенная величина затрат. Зная некоторый коэффициент системности, мы заранее можем сказать, что на самом деле будет затрачено много больше. Должен сказать, что власти по опыту знакомы с этими явлениями и иногда заранее принимают их во внимание в своей планирующей деятельности. Правда, другие законы системы мешают это делать в полной мере. Кроме того, тут срабатывает системный эффект иного рода: потери на системность, принятые во внимание заранее, все равно не избавляют от некоторых непредвиденных потерь.

Общеизвестно изречение по поводу поведения советских людей: каждый по отдельности против, а все вместе за. И истолковывают это качество людей в чисто моральном плане, который тут совершенно бессмыслен. На самом деле это – характерный пример эффекта системности: каждый элемент системы действует в силу отведенной ему роли в системе, а суммарный результат их действий может быть даже противоположен их субъективным желаниям, ибо он им неподконтролен. Этот эффект системности дает о себе знать с неумолимой силой во всех звеньях общественного организма, на всех уровнях иерархии, во всех группах. В том числе – и в высшем руководстве, и в тех организациях, которые осуществляют поведение страны в целом по отношению к тем или иным задачам. Когда западные политики и обыватели надеются на изменения в поведении Советского Союза вследствие каких-то перемен в руководстве и в составе ответственных организаций, они обнаруживают полное непонимание силы эффекта системности. Самое забавное тут состоит в том, что они сами суть рабы своей собственной системы, что очевидно беспристрастному наблюдателю. Но они свое собственное системное рабство воспринимают как свободу и на системное рабство в другом обществе смотрят не как на нечто иное, а как на нечто аналогичное своему собственному.

Сейчас человечество волнует, естественно, вопрос о новой мировой войне. Люди утешают себя мыслью, что советские люди и руководители тоже не хотят войны, ибо они знают, что тоже пострадают от нее, может быть даже роковым образом. Но, увы, это сознание не играет роли. Войны не начинают, они начинаются сами собой. Отношения в системе руководства могут сложиться так, что начало войны окажется суммарным результатом усилий отдельных людей именно предотвратить ее наступление. Советский Союз создал армию нападения и проводит агрессивную внешнюю политику, руководствуясь интересами самообороны. И это – не просто пропаганда. Это есть прежде всего эффект той самой системности, когда чрезмерная оборона переходит в нападение. Особенность коммунистической системы состоит в том, что она имеет очень слабые внутренние сдерживающие начала, очень слабый самоконтроль. Роковые последствия жизнедеятельности коммунистическое! системы страшны не предумышленностью, а именно их системной неподконтрольностью. Это грубая ошибка думать, будто в коммунистической системе все подчинено центральному руководству и его воле. Подчинение есть отношение между людьми. Законы же этих отношений никому не подчиняются.

Совершенно поразительный пример эффекта системности дает деятельность руководящих

органов коммунистической страны. Самим участникам этих органов кажется, будто они сами планируют события и поведение страны. Посторонним поверхностным наблюдателям кажется, будто в руководящих органах есть какие-то лица или группировки, которые проводят ту или иную политику, изобретают и принимают решения. Мне не раз приходилось слышать, например, будто афганистанская операция Советского Союза была проведена по настоянию «военных», будто в советском руководстве идет борьба «ястребов» и «голубей», будто «хозяйственники» конфликтуют с «идеологами» и «политиками» и прочий вздор такого же рода, свидетельствующий о полном отсутствии у говорящих такого системного понимания общественных явлений. На самом деле руководство советского общества образует систему, в которой возможны необъяснимые в обычных понятиях явления. Например, здесь человек, заинтересованный в принятии некоторого решения, может выступать против этого решения, зная заранее, что решение будет принято все равно, что о его позиции станет известно, что это будет несколько идеализировать его персону. Здесь принятие окончательного решения высшим органом власти может оказаться пустой формальностью в констатации положения вещей, независимо от него и навязывающего ему данное решение. Здесь конфликты между лицами и группками по поводу какой-либо высокой проблемы могут быть лишь формой примитивной борьбы за посты. И дело тут не в том, что нет личных и групповых отношений, различий людей, личных особенностей их и прочих явлений того же рода, – все это тут есть. Дело в том, что если вы будете иметь абсолютно все сведения о характере людей, о их взглядах, о их взаимоотношениях и намерениях, вы все равно на основе этих знаний не будете в состоянии предсказывать возможное поведение руководства страны как целого. Чтобы делать более или менее надежные предсказания на этот счет, вы должны именно эти сведения отбросить как излишние и даже как мешающие пониманию сути дела и использовать в качестве основы для своих рассуждений сведения о данной системе совсем иного рода.

Стабильность, целостность, живучесть

Когда я в своих выступлениях говорил о том, что коммунистическое общество стабильно, многие мои слушатели и собеседники выражали по сему поводу недовольство. Они, наоборот, настаивали на нестабильности этого общества, выдавая желаемое за действительное. А между тем это общество не просто стабильно, оно стабильно в высокой степени. Но стабильность – не обязательно положительное качество общества. Стабильность может быть следствием низкого уровня социальной организации, застойности, консерватизма, разрушения или отсутствия институтов цивилизации. Нестабильность может быть следствием динамики жизни, высокого уровня организации, роста цивилизации. Именно так обстоит дело в отношении социальных систем.

Определим само выражение «стабильность». Стабильность социальной системы есть способность сохранять данное состояние, которое является нормой для нее, стремление сохранить это состояние и способность возвращаться в это состояние в случае вынужденных отклонений от него. Любая достаточно большая социальная система имеет тенденцию к стабильности, раз она существует. Но она порождает и явления, нарушающие стабильность. Соотношение этих тенденций в процессе жизни общества весьма изменчиво. Нет абсолютно стабильных и абсолютно нестабильных систем. Но они различаются по степени стабильности (или нестабильности) и по способам ее восстановления (и нарушения). История пока дала еще мало данных для категорических суждений относительно характера стабильности коммунистического общества. Я свой вывод о его высокой степени стабильности базирую на анализе этого общества как эмпирической системы и некоторых принципах систем такого рода.

Коммунистическое общество является высокостабильным благодаря таким его свойствам (среди прочих): 1) однородность структуры всех его пространственных частей, органов, тканей, слоев, групп; 2) стандартизация условий жизни населения и системы управления; 3) централизованное управление всеми аспектами жизни общества; 4) мощная единая система власти, пронизывающая все общество сверху донизу и в различных разрезах; 5) единая идеология и мощная идеологическая обработка населения, имеющая результатом однообразие

поведения в важных ситуациях; 6) способность огромного числа людей занимать любые руководящие посты и действовать так, как это требуется интересами целого; 7) отсутствие серьезных оппозиционных движений, мощная сеть органов подавления проявлений недовольства; 8) способность сохранять целостность общества и жизнь его в случаях больших потерь, т.е. высокая степень выживаемости в трудных условиях; 9) возможность удерживать низкий жизненный уровень населения достаточно долго и без серьезных протестов. Если проследить, как сплетаются воедино эти и многие другие факторы коммунистической системы, то сформулированный выше тезис будет звучать убедительно и без точных измерений.

Коммунистическое общество стабильно до такой степени, что внутри его просто не вызревают достаточно серьезные силы, способные разрушить его изнутри. И бессмысленно надеяться на какие-то радикальные перемены этого общества в сторону западных демократий, обусловленные внутренними потребностями коммунистических стран. Что касается стабильности в смысле целостности страны, то коммунистические страны развивают беспрецедентные в истории средства для этого (в виде могучих армий, органов государственной безопасности, ограничений на въезд и выезд из страны, препятствий для внешних влияний и т.д.). Мощные армии в коммунистических странах создаются не только для защиты от возможного нападения извне и для нападения на другие страны, но и для сохранения внутренней целостности и стабильности общества.

Целостность системы – это не обязательно мир и согласие ее частей и элементов. Внутри целостности может иметь место вражда и борьба. Мир и согласие частей целого не обязательно укрепляют целостность страны, а вражда и конфликты не обязательно ослабляют ее. Здесь есть своя мера. И при рассмотрении различного рода конфликтов в системе надо принимать во внимание не только то, что разъединяет элементы системы, но и то, что объединяет их в целое. Например, на Западе возлагают надежды на национальные конфликты в Советском Союзе, игнорируя при этом тот факт, что несмотря ни на что различным народностям все же выгоднее оставаться в составе Советского Союза, чем отделяться от него. Возлагают надежды на конфликты в руководстве, хотя эти конфликты несколько не затрагивают генеральную линию руководства, выражают лишь борьбу людей за места в руководстве, никогда не преступают меру, угрожающую серьезным ущербом для руководства как целого. Даже диссидентское движение здесь несколько не угрожает целостности общества, выполняя до некоторой степени положительную роль информирования руководства о положении в обществе.

Коммунистическое общество необычайно живуче в трудных условиях. Советский Союз доказал это опытным путем. Этому явлению можно дать и теоретическое обоснование, но совсем не в духе советской пропаганды. Гитлеровская Германия, готовясь к войне с Советским Союзом, совершила грубую ошибку в оценке жизнеспособности этой страны, хотя фактическая информация была в избытке. Правда, эта ошибка была неизбежна по причинам психологическим, – она была желаемой. Но не исключено, что ход событий мог быть иным, если бы руководители Германии имели в своем распоряжении надежный метод расчета жизнеспособности страны: они заранее могли бы установить, что степень жизнеспособности Советского Союза именно как коммунистической системы значительно превосходила степень жизнеспособности Германии как государства в основе все-таки капиталистического. Степень жизнеспособности страны есть функция от многих величин. Эта степень высока для коммунистических стран благодаря тому, что жизненный уровень населения может быть безнаказанно понижен дальше предела, какой способно терпеть население стран Запада, невозможна серьезная оппозиция, стандартизирована структура всех частей общественного организма, стандартизирована идеология, руководство готово пойти на любые жертвы, население готово принести любые жертвы, – короче говоря, рассмотренные выше элементы жизни общества дают в совокупности и высокий коэффициент живучести общества. Это качество, однако, не является абсолютно положительным. Если условия жизни общества оказываются сравнительно благоприятными, то именно высокая степень живучести оказывается серьезным препятствием общественного прогресса, в частности – она препятствует росту производительности труда. Эта система родилась как средство преодоления катастрофически трудной ситуации в стране, складывалась и отстаивала себя в

обстановке хронических трудностей, так что порождение и преодоление трудностей стало ее глубокой натурой.

Вместе с тем, существование на грани экономического краха является столь же нормальным состоянием для коммунистического общества, как и стабильность. Это состояние обуславливается всем строем жизни страны, и в том числе такими факторами. Руководство вынуждено ставить перед страной задачи, каждая из которых по отдельности кажется разрешимой, но совокупность которых оказывается не по силам стране. Страна вынуждена жить по единому государственному плану, но эффект системности с необходимостью ведет к отклонениям от плана, к невыполнению его, к незапланированным и неподконтрольным последствиям. Плановая экономика, стандартизация, коммунальность, отношение к труду и прочие элементы организации общества порождают тенденцию к снижению темпов роста экономики и к застою, порождая одновременно прогресс амбиций руководства обществом в отношении его перспектив, вследствие чего образуется несовпадение реального состояния страны с представлениями руководства о нем. Амбиции высшего руководства и эгоистические интересы правящих слоев населения удовлетворяются с ущербом для общего состояния страны. В стране отсутствуют силы, способные удержать движение общества в направлении, ухудшающем состояние страны, и только катастрофические последствия этого движения вынуждают руководство принимать какие-то сдерживающие меры.

Отсюда – тенденция решать внутренние проблемы за счет хищнической эксплуатации природных ресурсов, создания полувоенной ситуации, эксплуатации других стран, обмана, шантажа, воровства. Не случайно же Советский Союз, обладающий гигантской территорией и огромной массой населения, занятого в сельском хозяйстве, вынужден приобретать продукты питания за рубежом. А кто знает, какова доля, которую занимает воровство научно-технических достижений на Западе в прогрессе науки и техники в Советском Союзе?! Во всяком случае прогресс за счет воровства оказывается экономически выгоднее, чем за счет развития своих внутренних сил. Думаю, что некоторые важные тенденции коммунистического общества (тенденция к застою и к экономическим кризисам в первую очередь) в наше время ослаблены за счет использования стран Запада и колониализма. Если бы мир был коммунистически однороден, эти тенденции сказались бы более роковым образом. Так что коммунизму следует больше бояться не существования конкурирующего с ним Запада, а именно своей мировой победы. Я уж не говорю здесь о будущих военных конфликтах между коммунистическими странами, которые приведут к войнам на полное уничтожение стран и народов.

Тенденция к расширению и гегемонии

Все живое стремится к самосохранению. Правила коммунальности суть правила поведения людей, выражающие это стремление. Одним из важнейших средств самосохранения и самоупрочения для социальных групп является стремление к расширению. Оно обусловлено многими причинами. Назову главные из них. Увеличение размеров группы означает увеличение ее социальной значимости, а значит – рост социальной значимости ее руководителей. Увеличивающаяся группа получает больше средств существования, легче справляется со своей деловой задачей. Облегчается труд членов группы. Стремление людей трудиться по возможности меньше вынуждает ту же долю труда выполнять большим числом людей. Общая тенденция к разрастанию руководящей части населения стимулирует и создает возможности для расширения групп именно за счет наименее производительной части. И руководящие слои населения имеют достаточно власти, чтобы позаботиться о себе. Изобретаются многочисленные должности для подрастающих поколений привилегированных слоев населения. Усложнение производственной и вообще деловой жизни общества имеет ближайшим следствием усложнение управленческого аппарата и расширение социальных групп за счет нового типа специалистов и руководящего аппарата.

Тенденция к расширению имеет место не только в существующих группах, но и по другой линии – по линии образования новых сфер деятельности и новых групп в ней. Сюда устремляется избыточная масса людей, жаждущих улучшить свою социальную позицию. Это

несколько снижает напряженность социальной борьбы в обществе и делает более обнадеживающими перспективы жизненного успеха для молодежи.

В масштабах страны эта тенденция к расширению подкрепляется целым рядом других стимулов. Основные из них – стремление сделать все свое окружение однородным и себе подобным, уничтожить материал для сравнений коммунистического образа жизни с другими, уничтожить потенциальную угрозу разоблачений, подчинить себе другие страны и заставить их покрывать дефекты организации экономики страны (например, поставлять продукты питания). Отсюда – постоянно действующая установка проникать во все области пространства, куда есть хотя бы малейшая возможность проникнуть. Идеология дает этому оправдание как самой гуманной и прогрессивной деятельности страны по освобождению человечества от колониализма и эксплуатации. Годами создаваемый аппарат, реализующий эту установку, приобретает такую силу в системе управления, что отказ от нее становится практически невозможным. Немалую роль здесь играет тщеславие руководителей, всемерно поощряемое идеологией и правящей кастой. Общество не имеет в себе никаких сдерживающих начал против этой тенденции. Только внешние ограничения способны (если способны!) остановить растекание коммунистической системы по миру.

Советский Союз является первой в истории и самой сильной коммунистической страной. В прочих странах советского блока коммунизм сложился благодаря завоеванию их Советским Союзом во время войны и навязан этим странам силой. Поэтому роль Советского Союза как гегемона в советском блоке не вызывает сомнений как факт исторический. Более глубокая же социальная тенденция к гегемонизму при этом остается скрытой. А между тем именно она совместно с тенденцией к расширению определила нынешнюю ситуацию в этой части мира.

Тенденция к гегемонии над другими странами вытекает из положения руководства обществом внутри своей страны. Оно и в отношении других стран пытается вести себя так же, как по отношению к частям своего собственного тела-государства. Советский Союз стремится поступать аналогичным образом и в отношении некоммунистических стран, т.е. стремится включить в сферу своего влияния, подчинить, навязать требуемую для него форму поведения (Финляндия, например). Оказавшись в таком положении, некоммунистическая страна имеет большие шансы быть поглощенной Советским Союзом и переделанной по его образцам (Афганистан, например).

Тенденция Советского Союза к гегемонии над всем своим окружением, повторяю, вытекает из самой природы общества и его руководства. Последнее имеет послушный аппарат для этого, армию и опыт. Оно умеет это делать. И нелепо от него ожидать что-то другое. Тенденция к расширению и к гегемонии образуют тенденцию к превращению человечества в сверхобщество, в единый социальный организм с единой системой управления, – в мировой коммунизм. Однако по законам больших эмпирических систем есть критические размеры последних. Так что даже в случае победы коммунизма во всех странах мира неизбежным будет распадение человечества на группы коммунистических стран со своими лидерами. И неизбежной будет борьба этих групп за гегемонию в мире. Нынешние взаимоотношения Советского Союза и Китая красноречиво говорят об этом. Так что наивно надеяться на то, что наступит вечный мир. Скорее наоборот, войны между коммунистическими блоками затмят по ужасам все войны прошлого. К тому же милитаризация диктуется внутренними потребностями страны, а состояние войны или угрозы войны является лучшим средством решения внутренних социальных проблем. Тенденция к расширению и гегемонии имеет своим естественным результатом стремление Советского Союза максимально использовать Запад в своих интересах, добиться заметного перевеса в военном отношении над Западом, создать густую сеть шпионов и «пятую колонну» в странах Запада, создать массы потенциальных и фактических коллаборационистов, короче говоря – сделать все возможное для того, чтобы превратиться в управляющий орган мирового единого сверхобщества. Стремление к мировому господству есть шизофреническая идея тщеславных коммунистических лидеров лишь постольку, поскольку существует объективная тенденция к этому в самом общественном организме. Советский Союз уже приобрел такую инерцию движения в этом направлении, что остановить его способна лишь мировая катастрофа.

Образ жизни

Если судить о жизни в коммунистических странах по статьям западных журналистов, обличительной литературе, критическим выступлениям диссидентов и воспоминаниям эмигрантов, то складывается впечатление, будто там и жить-то нормальному человеку невозможно. Кажется, будто там вообще нечего есть и одевать, негде жить, нельзя слово сказать без угрозы ареста или принудительного лечения в психиатрическом учреждении, нельзя передвигаться по стране, нельзя читать современные книги. Кажется, будто люди только тем и заняты, что борются за гражданские права, организуют религиозные секты, возрождают православие, пьянствуют, мечтают о монархии, ждут не дождутся падения советского строя и, само собой разумеется, мечтают уехать на Запад. А между тем и там живут миллионы людей, живут обычной жизнью, о Западе и не помышляют, менять свой образ жизни не собираются. Они рождаются, ходят в школы и институты, влюбляются, женятся, работают, отдыхают, развлекаются, едят и пьют, смеются и плачут. И многие живут неплохо, а то и вообще превосходно.

Коммунистическая апологетика создает, естественно, совсем иную картину своего общества, чем критики. И в этой картине многое справедливо, как и в картине, создаваемой критиками. Где же лежит истина? Реальная жизнь местами красочна, местами однообразна, местами расплывчата и местами прямолинейно четка, местами стабильна и местами переменчива. Чтобы описать ее точно, нужно не перечисление всевозможных наблюдаемых фактов, а специальные методы науки и литературы. Образ жизни страны есть суммарный продукт усилий всех людей во всех разрезах общества и в ряде поколений. Я в моих книгах сравнительно подробно описал составные элементы его. Здесь же я ограничусь лишь некоторыми тенденциями его, обнаружившими себя с неумолимой силой в послевоенные мирные годы и являющимися атрибутом зрелого коммунизма.

Доминирующим состоянием жизни коммунистического общества является унылость, серость, скука, но облеченные в форму официальной бодрости, праздничности, ликования. Здесь все серо – праздники, будни, речи, книги, фильмы, успехи, поражения, преступления, радости, любовь, ненависть. И даже вранье, имеющее целью приукрасить жизнь, является серым. В случаях, когда люди, казалось бы, должны радоваться улучшениям, радость убивается как нечто чужеродное этой системе. По поводу возможной радости проводят грандиозную воспитательную кампанию с целью доказать всем преимущества коммунистического образа жизни. Устраивают митинги и заседания, принимают приветствия, берут на себя обязательства, встают на трудовую вахту. Историческая жизнь общества состоит из речей, заседаний, съездов, встреч, проводов, посещений, наградений, юбилеев, годовщин, планов, отчетов, преодолений. Откройте любую газету или журнал, включите телевидение или радио. Всегда и везде одно и то же, причем на редкость однообразно и заранее предсказуемо. Обывательская жизнь удручающе сера и бессобытийна. Повторение одних и тех же примитивных житейских операций, а для некоторой части – медленное продвижение по служебной лестнице, несколько модифицирующее и приукрашивающее повседневную рутину. И содержание сознания обывателя, вполне адекватное его бытию, столь же уныло, серо и однообразно. Иногда в душах отдельных людей вспыхивают искры протеста. И кажется им, что из них вот-вот возгорится пламя. Но идут дни, месяцы, годы. Искры тухнут сами или их тщательно затаптывают друзья, соседи, сослуживцы, начальники, подчиненные, – все вместе. К чему тут искры?! Без них спокойнее. Служи. Жри. Спи. Благодарю начальство. Жди улучшений. И не рыпайся, все равно ничего не изменишь.

Здесь все затруднено, – еда, жилье, отдых, развлечения, продвижения, мысли, речи. Все надо брать с боем, хватать, выгадывать, ухитряться. Говорят о временных трудностях. Но эта «временность» может тянуться как угодно долго, ибо это есть средство самосохранения общества, средство единства и управления. Ограниченный и опутанный трудностями индивид удобен для манипулирования в массовых случаях. Здесь возможности для руководства почти бесконтрольно манипулировать массами людей и материальными ресурсами поистине неисчислимы. И руководство обществом фактически всей своей деятельностью поддерживает и культивирует этот образ жизни и этого адекватного ему индивида.

Тенденция к снижению жизненного уровня населения и вообще к ухудшению условий жизни здесь является доминирующей. Она пересиливает ту тенденцию к улучшению, о которой я говорил выше. Это не значит, что с каждым днем жить становится все хуже (что не исключено). Это значит, что тенденция к ухудшению, порождаемая самим социальным строем общества, по крайней мере снижает те улучшения, которые могли бы иметь место благодаря общим явлениям прогресса. Угроза ухудшения постоянно довлеет над сознанием людей. Лишь бы хуже не было, лишь бы уцелеть, – такое настроение становится постоянным элементом психологии населения. Массы населения живут в страхе ухудшений и в ожидании их.

Какие-то жизненные гарантии и уверенность в завтрашнем дне действительно имеют место в коммунистическом обществе. Они есть во всяком обществе. Они имеют место для населения и в странах Запада. Но характер и уровень гарантий, а также социально-психологический тип уверенности в завтрашнем дне различны. В коммунистическом обществе за гарантии нужно на каждом уровне сражаться. Нижний уровень гарантий настолько низок, что только люди, неспособные на коммунальную борьбу, вынуждены довольствоваться им. А более высокий уровень достигается тратой всех физических и духовных сил. Даже на высших уровнях за все приходится платить определенной формой поведения, наводящей тоску. Уверенность же в завтрашнем дне прекрасно уживается с постоянным страхом ухудшений и каких-то катастрофических событий. Хотя созидательная сила власти сравнительно невелика, население знает, что ее негативные потенции огромны. Уровень и образ жизни здесь в огромной степени зависят от линии поведения центрального руководства и его намерений. Люди здесь способны активно улучшить свое положение, но в рамках общего уровня и стиля жизни, которые от них лично не зависят. Даже уровень и стиль жизни для привилегированных слоев существенным образом зависят от общего состояния страны в этом отношении. Об этом можно судить, в частности, по тому, что могут иметь представители высших слоев в закрытых распределителях продуктов. Сейчас, например, заурядный магазин на Западе гораздо богаче по ассортименту и качеству продуктов, чем сравнительно высокого уровня закрытый (специальный) распределитель продуктов в Советском Союзе. Тенденция общества к маниакальным мероприятиям и способность власти идти на них и вообще тенденция к грандиозным непроизводительным тратам, тенденция к росту паразитизма, к авантюризму, к фиктивным предприятиям и прочим явлениям, о которых говорилось выше, имеет неизбежным следствием то, что в самые благоприятные годы в коммунистической стране может иметь место предельно низкий уровень жизни, а страна в целом может долгие годы жить на грани экономической катастрофы. Блестящий пример тому – жизнь Советского Союза в последние десятилетия. Население на личном опыте убеждается в этих качествах своей системы и несет сознание их в себе, в своей психологии.

Недовольство

Коммунистическое общество есть общество людей, недовольных своим положением. Здесь люди принимают свой образ жизни, ибо это есть их собственный продукт и собственная сфера их бытия. Но они недовольны тем, что принимают. Тут недовольны все от мала до велика, снизу доверху. Уборщицы недовольны тем, что трудящиеся ведут себя по-свински, не вытирают ноги от грязи, бросают где попало окурки и битые бутылки. Вожди недовольны тем, что сельское хозяйство никак не хочет подниматься на новую, более высокую ступень, несмотря на их замечательные указания на этот счет, и что появляются критиканы, сомневающиеся в их добрых намерениях и гениальности. Трудящиеся недовольны трудностями с жильем, повышением цен на товары, особенно – на спиртные напитки, плохим продовольственным снабжением, трудностями поступления детей в высшие учебные заведения, очередями, давкой в транспорте. Короче говоря, жизнь для большинства населения построена так, что всегда находится повод для недовольства. Причем, если даже особых причин для недовольства в данный момент нет, граждане здесь привыкли портить друг другу жизнь просто так, без всякого повода. Состояние раздраженности, недовольства, опасения,

озлобленности на других, недоброжелательства является здесь обычным психическим состоянием по крайней мере значительной и уж во всяком случае самой деловой части населения. Среди причин, вызывающих недовольство населения, существенное место занимает следующие: несоответствие фактического уровня жизни обещанному и тому, как жизнь изображается в пропаганде; внутренние экономические контрасты и несправедливости; сведения о более высоком жизненном уровне в странах Запада; трудности деловой активности; трудности с переменой места жительства и вообще с перемещениями по стране; отсутствие гражданских свобод; произвол местных властей; дорогостоящие авантюры высшего руководства во внешней политике.

Я уже достаточно много писал о формах проявления и суммирования недовольства в Советском Союзе (см. «Без иллюзий») и не вижу особой надобности повторяться здесь. Выскажу лишь несколько общих соображений по сему поводу. Эти формы разнообразны, – прямые и косвенные, скрытые и явные, активные и пассивные, законные и незаконные. Широкие слои населения проявляют свое недовольство отношением к работе и массовым мероприятиям, отысканием индивидуальных путей компенсации, изворотливостью, пьянством и прочими средствами, образующими их повседневную жизнь. Существенную роль здесь играет критика недостатков на уровне коммун (особенно – в партийных организациях) и в официальной прессе, бесчисленные жалобы граждан в различные органы власти. Среди активных форм выражения недовольства можно указать такие, которые выражаются следующими категориями граждан: улучшенцами, реформаторами, оппозиционерами. Улучшенцы хотят немного улучшить жизненные условия в стране в целом и много улучшить их для себя. Они – оплот режима. Обычно это – представители привилегированных слоев, порою – высшего руководства. Реформаторы хотят существенных перемен в стране. Они тоже за сохранение режима. Но они хотят таких изменений, против которых восстают даже улучшенцы. Например, они говорят об арендной системе в сельском хозяйстве хотя бы вокруг больших городов, о самоуправлении на заводах. Хрущев в свое время хотел решить все трудности страны за счет кукурузы. Власти сами склонны к реформаторской деятельности такого рода, но обычно впустую. Она вырождается обычно в глупости или в пропагандистскую шумиху. Для оппозиционеров характерна критика основ социального устройства и их существенных проявлений в жизни людей. Состав оппозиции весьма неоднороден и непостоянен. В нее попадают отдельные представители из привилегированных слоев (академики, профессора, писатели и даже партийные чиновники и генералы) и из низших слоев (из рабочих, студентов). Однако большей частью это – выходцы из средних и мелких служащих, занятых в области культуры (в науке, искусстве). Иногда оппозиционеры выдвигают идеи глубоких социальных преобразований в стране (вплоть до отмены коммунизма и преобразования страны на основе несуществующей общины и православия), но они не служат для них руководством к действию, не имеют никакого успеха у населения и заслуживают скорее насмешки. Главное в оппозиции – сам факт ее существования. Значительную часть оппозиции образуют люди, которые тянут страну назад в прошлое. Это, например, религиозные секты. И лишь сам протест против режима, преследующего их, делает их явлением до некоторой степени положительным.

Несмотря на то, что на Западе много говорят и пишут об оппозиции в Советском Союзе, с точки зрения роли во внутренней жизни страны она есть явление довольно жалкое и малоперспективное. Дело в том, что масштабы и судьба оппозиции зависят от бытовых условий в стране, от того, насколько глубоко оппозиция отражает интересы те или иных групп населения, от реалистичности ее целей, от отношения населения и власти к ней. А с учетом этих обстоятельств напрашивается очевидный вывод: условия для оппозиции в коммунистических странах крайне неблагоприятны. Если гражданин пытается вести оппозиционную деятельность, будучи членом первичной коммуны, в первую очередь на него оказывает давление коллектив коммуны. Если он не унимается, его изгоняют из коллектива. Жить, не имея постоянной заработной платы, очень трудно. Кроме того, власти немедленно начинают преследовать такого гражданина как «тунеядца», принуждая его прикрепляться к какой-то коммуне, но в худших условиях и в местах, препятствующих продолжению оппозиционной деятельности. Население не склонно содержать оппозиционеров на свой счет и помогать им, ибо это обычным гражданам просто не по силам,

да и рискованно. Объединение оппозиционеров в группы пресекается властями, причем – на законных основаниях. Средства воздействия оппозиционеров на остальное население весьма ограничены, и власти имеют силу и законные права сводить их практически к нулю.

Но самая главная причина слабости оппозиции в условиях коммунистического общества – сама социальная структура населения и положение человека в обществе. Здесь просто практически невозможно выдвинуть какую-то серьезную программу преобразований, которая на достаточно длительный срок и достаточно глубоко завладела бы думами широких слоев населения. Здесь люди обрекаются сражаться за себя своими индивидуальными средствами или через свои первичные коллективы. Те проблемы, которые порождают оппозицию в коммунистическом обществе, для своего решения требуют исторического времени и огромных жертв. Коммунистическое общество находится еще в начале своего пути. А люди хотят улучшений сейчас же, для себя, в крайнем случае – для своих детей, а не отдаленных потомков. Реальные потребности большинства населения таковы, что лишь официальная власть имеет возможность представлять его интересы. Это – обычные жизненные блага: еда, жилье, одежда, отдых, образование, зрелища. Оппозиция же вынуждается отвлекать внимание на проблемы, касающиеся внимания отдельных групп населения, и на крайности режима. Так, проблема демократических свобод является жизненно важной лишь для ничтожной части населения. По указанным причинам доминирующей в обществе является тенденция к подавлению недовольства и оппозиции. Аппарат подавления сравнительно легко справляется с этой задачей при поддержке со стороны населения или по крайней мере при очень слабом его сопротивлении.

Из сказанного не следует, что в этом обществе вообще можно покончить с оппозицией раз и навсегда. Однажды возникнув, оппозиция здесь становится постоянным фактором жизни общества. Порождение оппозиции является столь же неизбежным следствием всего образа жизни общества, как и ее подавление. Это – заурядное явление в скоплении большого числа людей. Можно априори рассчитать все возможные варианты проявления недовольства и все возможные действия властей по их пресечению. Не надеяться на то, что оппозиция будет играть ощутимую роль в самом социальном устройстве страны, пока не приходится. Пока положение таково, что население коммунистической страны более склонно сражаться за свою несвободу против тех, кто хочет его освободить.

Источники прогресса

Хотя в коммунистическом обществе и действует сильная тенденция к застою, было бы грубой ошибкой отвергать способность этого общества к некоторому прогрессу. Я имею здесь в виду не какие-то существенные изменения в социальной структуре и в принципах существования ее, а улучшение условий жизни для отдельных групп населения и страны в целом. Источниками этого является общий научно-технический прогресс, рост культуры населения и рационализация действий коммун, органов управления и вообще различных подразделений системы. Причем руководству обществом здесь принадлежит и функция реформаторства и прогресса. Прогресс здесь исходит главным образом не снизу, – снизу идет как раз тенденция к застою, – а сверху. Это обусловлено самим положением, ролью и возможностями руководства в обществе. Руководство не просто захватывает функцию прогресса в свои руки. Оно вынуждается к этому всей организацией жизни и деятельности людей. Здесь все значительные преобразования осуществляются как решения свыше. Население и коммуны здесь приучены получать все улучшения (как и ухудшения) как дар свыше. Руководство исполняет функцию прогресса не из любви к нему и не из желания ошастливить человечество, а из соображений самосохранения и сохранения целостности и устойчивости общества. Дело в том, что в этом обществе даже для сохранения статус-кво требуется производить какие-то улучшения, иначе начнется деградация. Прогресс здесь есть лишь защитное средство от саморазрушения и деградации. Потому-то здесь прогресс принимает форму насильственных реформ и распоряжений сверху. Причем приходится преодолевать косность, инерцию и сопротивление массы населения. Этим отчасти объясняется раздражение властей по поводу критики недостатков общества оппозиционерами

и требований скорейших преобразований. Представители правящих кругов по опыту знают, что даже на ничтожный прогресс в том направлении, к которому зовут критики, нужны усилия и время, а большинство требований критиков практически вообще не реализуемы или в реальном исполнении породят еще большие недостатки.

Положение центрального руководства в обществе и его реальные возможности с точки зрения реформаторской деятельности таковы, что если бы даже оно захотело осуществить желаемый прогресс общества, у него из этого ничего не вышло бы. Например, отмена системы прописки (т.е. распределения жилья и прикрепления к месту жительства), введение неограниченного доступа в высшие учебные заведения всем выпускникам школ, разрешение не прикрепляться к первичным коллективам (т.е. не числиться сотрудником коммун) и другие послабления немедленно привели бы к таким катастрофическим последствиям в обществе, что пришлось бы в стране вводить чрезвычайное положение. Коммунистическая система является стабильной лишь при том условии, что упомянутые ограничения свято соблюдаются. В Советском Союзе осуществлялись всякого рода эксперименты с намерением улучшить те или иные аспекты жизни страны. Но в большинстве случаев они кончались неудачей, и выживали лишь те преобразования, которые способствовали установлению наиболее естественного состояния, какое имеет место сейчас в стране.

Необратимость социальной эволюции

В мире еще есть люди, которые надеются, что Советский Союз и другие коммунистические страны вернуться в докоммунистическое состояние. Надежды эти напрасны. Коммунизм – не временный зигзаг в истории, а эпоха. Это – не политический режим, который можно сбросить и заменить другим, сохранив социальный строй страны. Это есть самый глубокий социальный строй, на котором базируется все остальное. Можно сбросить и заменить остальное, но не самую эту основу остального. Коммунизм означает такую перестройку всей организации жизни общества, что обратный ход эволюции исключается в принципе. Здесь возможны только два пути. Первый – физический разгром стран коммунистического блока. Что вырастет на развалинах его, предсказать с полной уверенностью нельзя. Скорее всего – такого же типа коммунистические общества, возможно – с еще более жестокими режимами. Второй путь – борьба за блага цивилизации на основе самого коммунизма. А на это нужно время и жертвы. От способности людей пойти на жертвы и изобрести средства самозащиты зависит судьба цивилизации. Здесь нет абсолютной предопределенности.

Коммунизм, как и любой другой тип общества, несет с собою свои формы неравенства, неравноправия, несправедливости, эксплуатации одними людьми других. Но он несет с собою и нечто гораздо более серьезное: социальный отбор наиболее приспособляемых индивидов, подкрепляемый систематической идеологической обработкой населения, что имеет неизбежным результатом определенное направление социально-биологической эволюции человечества. Общество производит адекватных себе граждан, т.е. производит людей, которые способны жить лишь в обществе такого типа и которые своей обычной жизнью в свою очередь сохраняют породившее их целое. Поворот человечества к коммунизму есть не просто смена спектакля, разыгрываемого одними и теми же неизменными актерами, но смена актеров, которым предстоит на новый лад переиграть старые спектакли и изобрести свои новые.

Теперь все зависит лично от тебя самого, человек! Покажи, на что ты способен, венец творения!

21.3.1980

Мюнхен